Н·А·
НЕКРАСОВ

Н·А·НЕКРАСОВ

2

БИБЛИОТЕКА «ОГОНЕК»
ОТЕЧЕСТВЕННАЯ КЛАССИКА

Н. А. НЕКРАСОВ

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ В ЧЕТЫРЕХ ТОМАХ

ТОМ 2

МОСКВА
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»
1979

Составление и общая редакция
И. Г. Ямпольского

Иллюстрации художника
И. Глазунова

СТИХОТВОРЕНИЯ
И
ПОЭМЫ

1861-1874

НА СМЕРТЬ ШЕВЧЕНКО

Не предавайтесь особой унылости:
Случай предвиденный, чуть не желательный.
Так погибает по божией милости
Русской земли человек замечательный
С давнего времени: молодость трудная,
Полная страсти, надежд, увлечения,
Смелые речи, борьба безрассудная,
Вслед затем долгие дни заточения.

Всё он изведал: тюрьму петербургскую,
Справки, допросы, жандармов любезности,
Всё — и раздольную степь Оренбургскую,
И ее крепость. В нужде, в неизвестности
Там, оскорбляемый каждым невеждою,
Жил он солдатом с солдатами жалкими,
Мог умереть он, конечно, под палками,
Может, и жил-то он этой надеждою.

Но, сократить не желая страдания,
Поберегло его в годы изгнания
Русских людей провиденье игривое.
Кончилось время его несчастливое,
Всё, чего с юности ранней не видывал,
Милое сердцу, ему улыбалося.
Тут ему бог позавидовал:
Жизнь оборвалася.

27 февраля 1861

ПОХОРОНЫ

Меж высоких хлебов затерялося
Небогатое наше село.
Горе горькое по̀ свету шлялося
И на нас невзначай набрело.

Ой, беда приключилася страшная!
Мы такой не знавали вовек:
Как у нас — голова бесшабашная —
Застрелился чужой человек!

Суд приехал... допросы...— тошнехонько!
Догадались деньжонок собрать:
Осмотрел его лекарь скорехонько
И велел где-нибудь закопать.

И пришлось нам нежданно-негаданно
Хоронить молодого стрелка,
Без церковного пенья, без ладана,
Без всего, чем могила крепка...

Без попов!.. Только солнышко знойное,
Вместо ярого воску свечи,
На лицо непробудно-спокойное
Не скупясь наводило лучи;

Да высокая рожь колыхалася,
Да пестрели в долине цветы;
Птичка божья на гроб опускалася
И, чирикнув, летела в кусты.

Поглядим: что̀ ребят набирается!
Покрестились и подняли вой...
Мать о сыне рекой разливается,
Плачет муж по жене молодой,—

Как не плакать им? Диво велико ли?
Своему-то свои хороши!
А по ком ребятишки захныкали,
Тот, наверно, был доброй души!

Меж двумя хлебородными нивами,
Где прошел неширокий долок,
Под большими плакучими ивами
Успокоился бедный стрелок.

Что тебя доконало, сердешного?
Ты за что свою душу сгубил?
Ты захожий, ты роду нездешнего,
Но ты нашу сторонку любил:

Только минут морозы упорные
И весенних гостей налетит,—
«Чу! — кричат наши детки проворные,—
Прошлогодний охотник палит!»

Ты ласкал их, гостинцу им нашивал,
Ты на спрос отвечать не скучал,
У тебя порошку я попрашивал,
И всегда ты нескупо давал.

Почивай же, дружок! Память вечная!
Не жива ль твоя бедная мать?
Или, может, зазноба сердечная
Будет таять, дружка поджидать?

Мы дойдем, повестим твою милую;
Может быть, и приедет любя,
И поплачет она над могилою,
И расскажем мы ей про тебя.

Почивай себе с миром, с любовию!
Почивай! Бог тебе судия,
Что обрызгал ты грешною кровию
Неповинные наши поля!

Кто дознает, какою кручиною
Надрывалося сердце твое
Перед вольной твоею кончиною,
Перед тем, как спустил ты ружье?..

Меж двумя хлебородными нивами,
Где прошел неширокий долок,

Под большими плакучими ивами
Успокоился бедный стрелок.

Будут песни к нему хороводные
Из села по заре долетать,
Будут нивы ему хлебородные
Безгреховные сны навевать...

22—25 июня 1861

ДУМА

Сторона наша убогая,
Выгнать некуда коровушку.
Проклинай житье мещанское
Да почесывай головушку.

Спи, не спи — валяйся по̀ печи,
Каждый день не доедаючи,
Трать задаром силу дюжую,
Недоимку накопляючи.

Уж как нет беды кручиннее
Без работы парню маяться,
А пойдешь куда к хозяевам —
Ни один-то не нуждается!

У купца у Семипалова
Живут люди не говеючи,
Льют на кашу масло постное
Словно воду, не жалеючи.

В праздник — жирная баранина,
Пар над щами тучей носится,
В пол-обеда распояшутся —
Вон из тела душа просится!

Ночь храпят, наевшись до́ поту,
День придет — работой тешутся...
Эй! возьми меня в работники,
Поработать руки чешутся!

Повели ты в лето жаркое
Мне пахать пески сыпучие,
Повели ты в зиму лютую
Вырубать леса дремучие,—

Только треск стоял бы до неба,
Как деревья бы валилися;
Вместо шапки, белым инеем
Волоса бы серебрилися!

16 августа 1861

КОРОБЕЙНИКИ

Другу-приятелю
Гавриле Яковлевичу
(крестьянину деревни Шоды,
Костромской губернии)

Как с тобою я похаживал
По болотинам вдвоем,
Ты меня почасту спрашивал:
Что строчишь карандашом?

Почитай-ка! Не прославиться,
Угодить тебе хочу.
Буду рад, коли понравится,
Не понравится — смолчу.

Не побрезгуй на подарочке!
А увидимся опять,
Выпьем мы по доброй чарочке
И отправимся стрелять.

Н. Некрасов

23 августа 1861
Грешнево

1

Кумачу я не хочу,
Китайки не надо.

Песня

«Ой, полна, полна коробушка,
Есть и ситцы и парча.
Пожалей, моя зазнобушка,
Молодецкого плеча!
Выди, выди в рожь высокую!
Там до ночки погожу,
А завижу черноокую —
Все товары разложу.
Цены сам платил не малые,
Не торгуйся, не скупись:
Подставляй-ка губы алые,
Ближе к милому садись!»

Вот и пала ночь туманная,
Ждет удалый молодец.
Чу, идет! — пришла желанная,
Продает товар купец.
Катя бережно торгуется,
Всё боится передать.
Парень с девицей целуется,
Просит цену набавлять.
Знает только ночь глубокая,
Как поладили они.
Распрямись ты, рожь высокая,
Тайну свято сохрани!

«Ой! легка, легка коробушка,
Плеч не режет ремешок!
А всего взяла зазнобушка
Бирюзовый перстенек.
Дал ей ситцу штуку целую,
Ленту алую для кос,

Поясок — рубаху белую
Подпоясать в сенокос —
Всё поклала ненаглядная
В короб, кроме перстенька:
«Не хочу ходить нарядная
Без сердечного дружка!»
То-то, дуры вы, молодочки!
Не сама ли принесла
Полуштофик сладкой водочки?
А подарков не взяла!
Так постой же! Нерушимое
Обещаньице даю:
У отца дитя любимое!
Ты попомни речь мою:
Опорожнится коробушка,
На Покров домой приду
И тебя, душа-зазнобушка,
В божью церковь поведу!»

Вплоть до вечера дождливого
Молодец бежит бегом
И товарища ворчливого
Нагоняет под селом.
Старый Тихоныч ругается:
«Я уж думал, ты пропал!»
Ванька только ухмыляется —
Я-де ситцы продавал!

2

Зачали-пóчали
Поповы дочери.

Припев деревенских торгашей

«Эй, Федорушки! Варварушки!
Отпирайте сундуки!
Выходите к нам, сударушки,
Выносите пятаки!»

Жены мужние — молодушки
К коробейникам идут,
Красны девушки-лебедушки
Новины свои несут.
И старушки вожеватые,
Глядь, туда же приплелись.

«Ситцы есть у нас богатые,
Есть миткаль, кумач и плис.
Есть у нас мыла пахучие —
По две гривны за кусок,
Есть румяна нелинючие —
Молодись за пятачок!
Видишь, камни самоцветные
В перстеньке как жар горят.
Есть и любчики [1] заветные —
Хоть кого приворожат!»

Началися толки рьяные,
Посреди села базар,
Бабы ходят словно пьяные,
Друг у дружки рвут товар.
Старый Тихоныч так божится
Из-за каждого гроша,
Что Ванюха только ежится:
«Пропади моя душа!
Чтоб тотчас же очи лопнули,
Чтобы с места мне не встать,
Провались я!..» Глядь — и хлопнули
По рукам! Ну, исполать!
Не торговец — удивление!
Как божиться-то не лень...

Долго, долго всё селение
Волновалось в этот день.
Где гроши какие медные
Были спрятаны в мотках,
Всё достали бабы бедные,
Ходят в новеньких платках.
Две снохи за ленту пеструю
Расцарапалися в кровь.

На Феклушку, бабу вострую,
Раскудахталась свекровь.
А потом и коробейников
Поругала баба всласть:
«Принесло же вас, мошейников!
Вот уж подлинно напасть!
Вишь вы жадны, как кутейники,
Из села бы вас колом!..»

Посмеялись коробейники
И пошли своим путем.

3

Уж ты пей до дна, коли хошь добра,
А не хошь добра, так не пей до дна.

Старинная былина

За селом остановилися,
Поделили барыши
И на церковь покрестилися,
Повздыхали от души.
«Славно, дядя, ты торгуешься!
Что не весел? ох да ох!»
— «В день теперя не отплюешься,
Как еще прощает бог:
Осквернил уста я ложию —
Не обманешь — не продашь!»
И опять на церковь божию
Долго крестится торгаш.
«Кабы в строку приходилися
Все-то речи продавца,
Все давно бы провалилися
До единого купца —
Сквозь сырую землю-матушку
Провалились бы... эх-эх!»
— «Понагрел ты Калистратушку».
— «Ну, его нагреть не грех,
Сам снимает крест с убогого».
— «Рыжий, клином борода».
— «Нашим делом нынче многого
Не добыть — не те года!

Подошла война проклятая
Да и больно уж лиха,
Где бы свадебка богатая —
Цоп в солдаты жениха!
Царь дурит — народу горюшко!
Точит русскую казну,
Красит кровью Черно морюшко,
Корабли валит ко дну.
Перевод свинцу да олову,
Да удалым молодцам.
Весь народ повесил голову,
Стон стоит по деревням.
Ой! бабье неугомонное,
Полно взапуски реветь!
Причитанье похоронное
Над живым-то рано петь!
Не уймешь их! Как отпетого
Парня в город отвезут.
Бабы сохнут с горя с этого,
Мужики в кабак идут.
Ты попомни целовальника,
Что́ сказал — подлец седой!
«Выше нет меня начальника,
Весь народ — работник мой!
Лето, осень убиваются,
А спроси-ка, на кого
Православные стараются?
Им не нужно ничего!
Всё бессребренники, сватушка,
Сам не сею и не жну,
Что родит земля им, матушка,
Всё несут в мою казну!»

«Пропилися, подоконники,
Где уж баб им наряжать!
В город едут, балахонники,
Ходят лапти занимать!

Ой, ты зелие кабашное,
Да китайские чаи,
Да курение табашное!
Бродим сами не свои.

С этим пьянством да курением
Сломишь голову как раз.
Перед светопреставлением,
Знать, война-то началась.
Грянут, грянут гласы трубные!
Станут мертвые вставать!
За дела-то душегубные
Как придется отвечать?
Вот и мы гневим всевышнего...»
— «Полно, дядя! Страшно мне!
Уж не взять рублишка лишнего
На чужой-то стороне?..»

4

Ай барыня! барыня!

Песня

«Эй вы, купчики-голубчики,
К нам ступайте ночевать!»
Ночевали наши купчики,
Утром тронулись опять.
Полегоньку подвигаются,
Накопляют барыши,
Чем попало развлекаются
По дороге торгаши.
По реке идут — с бурла́ками
Разговоры заведут:
«Кто вас спутал?» [2]— и собаками
Их бурла́ки назовут.
Поделом вам, пересмешники,
Лыком шитые купцы!..

Потянулись огурешники:
«Эй! просыпал огурцы!»
Ванька вдруг как захихикает
И на стадо показал:
Старичонко в стаде прыгает
За савраской,— длинен, вял,
И на цыпочки становится,
И лукошечком манит —
Нет! проклятый конь не ловится!
Вот подходит, вот стоит.

Сунул голову в лукошечко,—
Старичок за холку хвать!
«Эй! еще, еще немножечко!» —
Нет! урвался конь опять
И, подбросив ноги задние,
Брызнул грязью в старика.
«Знамо, в стаде-то поваднее,
Чем в косуле мужика!
Эх ты, пареный да вяленый!
Где тебе его поймать?
Потерял сапог-то валяный,
Надо новый покупать?»
Им обозники военные
Попадались иногда:
«Погляди-тко, турки пленные,
Эка пестрая орда!»
Ванька искоса поглядывал
На турецких усачей
И в свиное ухо складывал
Полы свиточки своей:
«Эй вы, нехристи, табашники,
Карачун приходит вам!..»

Попадались им собашники:
Псы носились по кустам,
А охотничек покрикивал,
В роги звонкие трубил,
Чтобы серый зайка спрыгивал,
В чисто поле выходил.
Остановятся с ребятами:
«Чьи такие господа?»
— «Кашпирята с Зюзенятами...[3]
Заяц! вон гляди туда!».
Всполошилися борзители:
«Ай! а-ту его! а-ту!»
Ну собачки! Ну губители!
Подхватили на лету...

Посидели на пригорочке.
Закусили как-нибудь
(Не разъешься черствой корочки)
И опять пустились в путь.

«Счастье, Тихоныч, неровное,
Нынче выручка плоха».
— «Встрелось нам лицо духовное —
Хуже не было б греха.
Хоть душа-то христианская,
Согрешил — поджал я хвост».
— «Вот усадьбишка дворянская,
Завернем?..» — «Ты, Ваня, прост!
Нынче баре деревенские
Не живут по деревням,
И такие моды женские
Завелись... куда уж нам!
Хоть бы наша: баба старая,
Угреватая лицом,
Безволосая, поджарая,
А оделась — стог стогом!
Говорить с тобой гнушается:
Ты мужик, так ты нечист!
А тобой-то кто прельщается?
Долог хвост, да не пушист!
Ой ты, барыня спесивая,
Ты стыдись глядеть на свет!
У тебя коса фальшивая,
Ни зубов, ни груди нет,
Всё подклеено, подвязано!
Город есть такой: Париж,
Про него недаром сказано:
Как заедешь — угоришь.
По всему по свету славится,
Мастер по миру пустить;
Коли нос тебе не нравится,
Могут новый наклеить!
Вот от этих-то мошенников,
Что в том городе живут,
Ничего у коробейников
Нынче баре не берут.
Черт побрал бы моду новую!
А бывало в старину
Приведут меня в столовую,
Все товары разверну;
Выдет барыня красивая,

С настоящею косой,
Вожеватая, учтивая,
Детки выбегут гурьбой,
Девки горничные, нянюшки,
Слуги высыплют к дверям.
На рубашечки для Ванюшки
И на платья дочерям
Всё сама, руками белыми
Отбирает не спеша,
И берет кусками целыми —
Вот так барыня-душа!
«Что возьмешь за серьги с бусами?
Что за алую парчу?»
Я тряхну кудрями русыми,
Заломлю — чего хочу!
Навалит покупки кучею,
Разочтется — бог с тобой!..

А то раз попал я к случаю
За рекой за Костромой.
Именины были званые —
Расходился баринок!
Слышу, кличут гости пьяные:
«Подходи сюда, дружок!»
Подбегаю к ним скорехонько.
«Что возьмешь за короб весь?»
Усмехнулся я легохонько:
«Дорог будет, ваша честь».
Слово за слово, приятели
Посмеялись меж собой
Да три сотни и отпятили,
Не глядя, за короб мой.
Уж тогда товары вынули
Да в девичий хоровод
Середи двора и кинули:
«Подбирай, честной народ!»
Закипела свалка знатная.
Вот так были господа:
Угодил домой обратно я
На девятый день тогда!»

5

— Много ли верст до Гогулина?
— Да обходами три, а прямо-то шесть.

Крестьянская шутка

Хорошо было детинушке
Сыпать ласковы слова,
Да трудненько Катеринушке
Парня ждать до Покрова.
Часто в ночку одинокую
Девка часу не спала,
А как жала рожь высокую,
Слезы в три ручья лила!
Извелась бы неутешная,
Кабы время горевать,
Да пора страдная, спешная —
Надо десять дел кончать.
Как ни часто приходилося
Молодице невтерпеж,
Под косой трава валилася,
Под серпом горела рожь.
Изо всей-то силы-моченьки
Молотила по утрам,
Лен стлала до темной ноченьки
По росистым по лугам.
Стелет лен, а неотвязная
Дума на сердце лежит:
«Как другая девка красная
Молодца приворожит?
Как изменит? как засватает
На чужой на стороне?»
И у девки сердце падает:
«Ты женись, женись на мне!
Ни тебе, ни свекру-батюшке
Николи не согрублю,
От свекрови, твоей матушки,
Слово всякое стерплю.
Не дворянка, не купчиха я,
Да и нравом-то смирна,
Буду я невестка тихая,
Работящая жена.

Ты не нудь себя работою,
Силы мне не занимать,
Я за милого с охотою
Буду пашенку пахать.
Ты живи себе гуляючи
За работницей женой,
По базарам разъезжаючи,
Веселися, песни пой!
А вернешься с торгу пьяненький —
Накормлю и уложу!
„Спи, пригожий, спи, румяненький!"—
Больше слова не скажу.
Видит бог, не осердилась бы!
Обрядила бы коня
Да к тебе и подвалилась бы:
„Поцелуй, дружок, меня!.."
Думы девичьи заветные,
Где вас все-то угадать?
Легче камни самоцветные
На дне моря сосчитать.
Уж овечка опушается,
Чуя близость холодов,
Катя пуще разгорается...
Вот и праздничек Покров!

«Ой, пуста, пуста коробушка,
Полон денег кошелек.
Жди-пожди, душа-зазнобушка,
Не обманет мил-дружок!»

Весел Ванька. Припеваючи,
Прямиком домой идет.
Старый Тихоныч, зеваючи,
То и дело крестит рот.
В эту ночку не уснулося
Ни минуточки ему.
Как мошна-то пораздулася,
Так бог знает почему
Всё такие мысли страшные
Забираются в башку.

Прощелыги ли кабашные
Подзывают к кабаку,
Попадутся ли солдатики —
Коробейник сам не свой:
«Проходите с богом, братики!» —
И ударится рысцой.
Словно пятки-то иголками
Понатыканы — бежит.

В Кострому идут проселками,
По болоту путь лежит,
То кочажником, то бродами.
«Эх, пословица-то есть:
Коли три версты обходами,
Прямиками будет шесть!
Да в Трубе, в селе, мошейники
Сбили с толку, мужики:
«Вы подите, коробейники,
В Кострому-то напрямки:
Верных сорок с половиною
По нагорной стороне,
А болотной-то тропиною
Двадцать восемь». Вот оне!
Черт попутал — мы поверили,
А кто версты тут считал?»
— «Бабы их клюкою меряли,—
Ванька с важностью сказал.—
Не ругайся! Сам я слыхивал,
Тут дорога попрямей».
— «Дьявол, что ли, понапихивал
Этих кочек да корней?
Доведись пора вечерняя,
Не дойдешь — сойдешь с ума!
Хороша наша губерния,
Славен город Кострома,
Да леса, леса дремучие,
Да болота к ней ведут,
Да пески, пески сыпучие...»
— «Стой-ка, дядя, чу, идут!»

6

Только молодец и жив бывал.

Старинная былина

Не тростник высок колышется,
Не дубровушки шумят,—
Молодецкий посвист слышится,
Под ногой сучки трещат.
Показался пес в ошейничке,
Вот и добрый молодец:
«Путь-дорога, коробейнички!»
— «Путь-дороженька, стрелец!»
— «Что ты смотришь?» — «Не прохаживал
Ты, как давеча в Трубе
Про дорогу я расспрашивал?»
— «Нет, почудилось тебе.
Трои сутки не был дома я,
Жить ли дома леснику?»
— «А кажись, лицо знакомое».—
Шепчет Ванька старику.
«Что вы шепчетесь?» — «Да каемся,
Лучше б нам горой идти.
Так ли, малый, пробираемся
В Кострому?» — «Нам по пути,
Я из Шуньи».— «А далеко ли
До деревни до твоей?»
— «Верст двенадцать. А по многу ли
Поделили барышей?»
— «Коли знать всю правду хочется,
Весь товар несем назад».
Лесничок как расхохочется!
«Ты, я вижу, прокурат!
Кабы весь, небось не скоро бы
Шел ты, старый воробей!» —
И лесник приподнял коробы
На плечах у торгашей.
«Ой! легохоньки коробушки,
Всё повыпродали, знать?
Наклевалися воробушки,
Полетели отдыхать!»

— «Что, дойдем в село до ноченьки?»
— «Надо, парень, добрести,
Сам устал я, нету моченьки —
Тяжело ружье нести.
Наше дело подневольное,
День и ночь броди в лесу».
И с плеча ружье двуствольное
Снял — и держит на весу.
«Эх вы, стволики-голубчики!
Больно вы уж тяжелы».
Покосились наши купчики
На тяжелые стволы:
Сколько ниток понамотано!
В палец щели у замков.
«Неужели, парень, бьет оно?»
— «Бьет на семьдесят шагов».
Деревенский, видно, плотничек
Строил ложу — тяп да ляп!
Да и сам христов охотничек
Ростом мал и с виду слаб.
Выше пояса замочена
Одежонка лесника.
Борода густая склочена,
Лычко вместо пояска.
А туда же пес в ошейнике,
По прозванию Упырь.
Посмеялись коробейники:
«Эх ты, горе-богатырь!..»

Час идут, другой. «Далеко ли?»
— «Близко».— «Что ты?» У реки
Куропаточки закокали.
И детина взвел курки.
«Ай, курочки! важно щелкнули,
Хоть медведя уложу!
Что вы, други, приумолкнули?
Запоем для куражу!»

Коробейникам не пелося:
Уж темнели небеса,
Над болотом засинелася,
Понависнула роса.

«День-денской и так умелешься,
Сам бы лучше ты запел...
Что ты?.. эй! в кого ты целишься?»
— «Так, я пробую прицел...»

Дождик, что ли, собирается,
Ходят по́ небу бычки,[4]
Вечер пуще надвигается,
Прытче йдут мужички.
Пес бежит сторонкой, нюхает,
Поминутно слышит дичь.
Чу! как ухалица[5] ухает,
Чу! ребенком стонет сыч.
Поглядел старик украдкою:
Парня словно дрожь берет.
«Аль спознался с лихорадкою?»
— «Да уж три недели бьет,—
Полечи!» — А сам прищурился,
Словно в Ваньку норовит.
Старый Тихоныч нахмурился.
«Что за шутки! — говорит.—
Чем шутить такие шуточки,
Лучше песни петь и впрямь.
Погодите полминуточки —
Затяну лихую вам!
Знал я старца еле зрячего,
Он весь век с сумой ходил
И про странника бродячего
Песню длинную сложил.
Ней от старости, ней с голоду
Он в канавке кончил век,
А живал богато смолоду,
Был хороший человек,
Вспоминают обыватели.
Да его попутал бог:
По ошибке заседатели
Упекли его в острог:
Нужно было из Спиридова
Вызвать Тита Кузьмича,
Описались — из Давыдова
Взяли Титушку-ткача!

Ждет сердечный: «Завтра, нонче ли
Ворочусь на вольный свет?»
Наконец и дело кончили,
А ему решенья нет.
«Эй, хозяйка! нету моченьки.
Ты иди к судьям опять!
Изойдут слезами оченьки,
Как полотна буду ткать?»
Да не то у Степанидушки
Завелося на уме:
С той поры ее у Титушки
Не видали уж в тюрьме.
Захворала ли, покинула,—
Тит не ведал ничего.
Лет двенадцать этак минуло —
Призывают в суд его.
Пред зерцалом, в облачении
Молодой судья сидел.
Прочитал ему решение,
Расписаться повелел
И на все четыре стороны
Отпустил — ступай к жене!
«А за что вы, черны вороны,
Очи выклевали мне?»
Тут и сам судья покаялся:
«Ты прости, прости любя!
Вправду ты задаром маялся,
Позабыли про тебя!»

Тит — домой. Поля неораны,
Дом растаскан на клочки,
Продала косули, бороны,
И одёжу, и станки,
С баринком слюбилась женушка,
Убежала в Кострому.
Тут родимая сторонушка
Опостылела ему.
Плюнул! Долго не разгадывал,
Без дороги в путь пошел.
Шел — да песню эту складывал,
Сам с собою речи вел.

И говаривал старинушка:
«Вся-то песня — два словца,
А запой ее, детинушка,
Не дотянешь до конца!
Эту песенку мудреную
Тот до слова допоет,
Кто всю землю, Русь крещеную,
Из конца в конец пройдет».
Сам ее христов угодничек
Не допел — спит вечным сном.
Ну! подтягивай, охотничек!
Да иди ты передом!

ПЕСНЯ УБОГОГО СТРАННИКА

Я лугами иду — ветер свищет в лугах:
Холодно, странничек, холодно,
Холодно, родименькой, холодно!

Я лесами иду — звери воют в лесах:
Голодно, странничек, голодно,
Голодно, родименькой, голодно!

Я хлебами иду — что вы тощи, хлеба?
С холоду, странничек, с холоду,
С холоду, родименькой, с холоду!

Я стадами иду: что скотинка слаба?
С голоду, странничек, с голоду,
С голоду, родименькой, с голоду!

Я в деревню: мужик! ты тепло ли живешь?
Холодно, странничек, холодно,
Холодно, родименькой, холодно!

Я в другую: мужик! хорошо ли ешь, пьешь?
Голодно, странничек, голодно,
Голодно, родименькой, голодно!

Уж я в третью: мужик! что ты бабу бьешь?
С холоду, странничек, с холоду,
С холоду, родименькой, с холоду!

Я в четверту: мужик! что в кабак ты идешь?
С голоду, странничек, с голоду,
С голоду, родименькой, с голоду!

Я опять во луга — ветер свищет в лугах:
Холодно, странничек, холодно,
Холодно, родименькой, холодно!

Я опять во леса — звери воют в лесах:
Голодно, странничек, голодно,
Голодно, родименькой, голодно!

Я опять во хлеба,—
Я опять во стада,—
и т. д.

Пел старик, а сам поглядывал:
Поминутно лесничок
То к плечу ружье прикладывал,
То потрогивал курок.
На беду, ни с кем не встретишься!
«Полно петь... Эй, молодец!
Что отстал?.. В кого ты метишься?
Что ты делаешь, подлец!»
— «Трусы, трусы вы великие!» —
И лесник захохотал
(А глаза такие дикие!).
«Стыдно! — Тихоныч сказал.—
Как не грех тебе захожего
Человека так пугать?
А еще хотел я дешево
Миткалю тебе продать!»
Молодец не унимается,
Штуки делает ружьем,
Воем, лаем отзывается
Хохот глупого кругом.

«Эй, уймись! Чего дурачишься? —
Молвил Ванька.— Я молчу,
А заеду, так наплачешься,
Разом скулы сворочу!
Коли ты уж с нами встретился,
Должен честью проводить».
А лесник опять наметился.
«Не шути!» — «Чаво шутить!» —
Коробейники отпрянули,
Бог помилуй — смерть пришла!
Почитай что разом грянули
Два ружейные ствола.
Без словечка Ванька валится,
С криком падает старик...

В кабаке бурлит, бахвалится
Тем же вечером лесник:
«Пейте, пейте, православные!
Я, ребятушки, богат;
Два бекаса нынче славные
Мне попали под заряд!
Много серебра и золотца,
Много всякого добра
Бог послал!» Глядят, у молодца
Точно — куча серебра.
Подзадорили детинушку —
Он почти всю правду бух!
На беду его — скотинушку
Тем болотом гнал пастух:
Слышал выстрелы ружейные,
Слышал крики... «Стой! винись!..»

И мирские и питейные
Тотчас власти собрались.
Молодцу скрутили рученьки.
«Ты вяжи меня, вяжи,
Да не тронь мои онученьки!»
— «Их-то нам и покажи!»

Поглядели: под онучами
Денег с тысячу рублей —
Серебро, бумажки кучами.
Утром позвали судей,
Судьи тотчас всё доведали
(Только денег не нашли!),
Погребенью мертвых предали,
Лесника в острог свезли...

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] *Любчики* — деревенские талисманы, имеющие, по понятиям простолюдинок, привораживающую силу.

[2] Общеизвестная народная шутка над бурлаками, которая спокон веку приводит их в негодование.

[3] *Кашпировы, Зюзины.* Крестьяне, беседуя *между собою* об известных предметах и лицах, редко употребляют иную форму выражения.

[4] *Бычки* — небольшие отрывочные тучки (Яросл. губ.).

[5] *Ухалица* — филин-пугач (grand-duc).

Август 1861

20 НОЯБРЯ 1861

Я покинул кладбище унылое,
Но я мысль мою там позабыл,—
Под землею в гробу приютилася
И глядит на тебя, мертвый друг!

Ты схоронен в морозы трескучие,
Жадный червь не коснулся тебя,
На лицо через щели гробовые
Проступить не успела вода;
Ты лежишь, как сейчас похороненный,
Только словно длинней и белей
Пальцы рук, на груди твоей сложенных,
Да сквозь землю проникнувшим инеем
Убелил твои кудри мороз,

Да следы наложили чуть видные
Поцелуи суровой зимы
На уста твои плотно сомкнутые
И на впалые очи твои...

20 ноября 1861

КРЕСТЬЯНСКИЕ ДЕТИ

Опять я в деревне. Хожу на охоту,
Пишу мои вирши — живется легко.
Вчера, утомленный ходьбой по болоту,
Забрел я в сарай и заснул глубоко.
Проснулся: в широкие щели сарая
Глядятся веселого солнца лучи.
Воркует голубка; над крышей летая,
Кричат молодые грачи,
Летит и другая какая-то птица —
По тени узнал я ворону как раз;
Чу! шепот какой-то... а вот вереница
Вдоль щели внимательных глаз!
Все серые, карие, синие глазки —
Смешались, как в поле цветы.
В них столько покоя, свободы и ласки,
В них столько святой доброты!
Я детского глаза люблю выраженье,
Его я узна́ю всегда.
Я замер: коснулось души умиленье...
Чу! шепот опять!

Первый голос

Борода!

Второй

А барин, сказали!..

Третий

Потише вы, черти!

Второй

У бар бороды не бывает — усы.

Первый
А ноги-то длинные, словно как жерди.

Четвертый
А вона на шапке, гляди-тко — часы!

Пятый
Ай, важная штука!

Шестой
И цепь золотая...

Седьмой
Чай, дорого стоит?

Восьмой
Как солнце горит!

Девятый
А вона собака — большая, большая!
Вода с языка-то бежит.

Пятый
Ружье! погляди-тко: стволина двойная,
Замочки резные...

Третий
(с испугом)
Глядит!

Четвертый
Молчи, ничего! постоим еще, Гриша!

Третий
Прибьет...

Испугались шпионы мои
И кинулись прочь: человека заслыша,
Так стаей с мякины летят воробьи.
Затих я, прищурился — снова явились,
Глазенки мелькают в щели.

Что было со мною — всему подивились
И мой приговор изрекли:
«Такому-то гусю уж что за охота!
Лежал бы себе на печи!
И видно, не барин; как ехал с болота,
Так рядом с Гаврилой...» — «Услышит, молчи!»

О милые плуты! Кто часто их видел,
Тот, верю я, любит крестьянских детей;
Но если бы даже ты их ненавидел,
Читатель, как «низкого рода людей»,—
Я все-таки должен сознаться открыто,
Что часто завидую им:
В их жизни так много поэзии слито,
Как дай бог балованным деткам твоим.
Счастливый народ! Ни науки, ни неги
Не ведают в детстве они.
Я делывал с ними грибные набеги:
Раскапывал листья, обшаривал пни,
Старался приметить грибное местечко,
А утром не мог ни за что отыскать.
«Взгляни-ка, Савося, какое колечко!»
Мы оба нагнулись, да разом и хвать
Змею! Я подпрыгнул: ужалила больно!
Савося хохочет: «Попался спроста!»
Зато мы потом их губили довольно
И клали рядком на перилы моста.
Должно быть, за подвиги славы мы ждали,
У нас же дорога большая была:
Рабочего звания люди сновали
По ней без числа.
Копатель канав вологжанин,
Лудильщик, портной, шерстобит,
А то в монастырь горожанин
Под праздник молиться катит.
Под наши густые, старинные вязы
На отдых тянуло усталых людей.
Ребята обступят: начнутся рассказы
Про Киев, про турку, про чудных зверей.
Иной подгуляет, так только держися —
Начнет с Волочка, до Казани дойдет!

Чухну передразнит, мордву, черемиса,
И сказкой потешит, и притчу ввернет:
«Прощайте, ребята! Старайтесь найпаче-
На господа бога во всем потрафлять:
У нас был Вавило, жил всех побогаче,
Да вздумал однажды на бога роптать,—
С тех пор захудал, разорился Вавило,
Нет меду со пчел, урожаю с земли,
И только в одном ему счастие было,
Что волосы из носу шибко росли...»
Рабочий расставит, разложит снаряды —
Рубанки, подпилки, долота, ножи:
«Гляди, чертенята!» А дети и рады,
Как пилишь, как лудишь — им всё покажи.
Прохожий заснет под свои прибаутки,
Ребята за дело — пилить и строгать!
Иступят пилу — не наточишь и в сутки!
Сломают бурав — и с испугу бежать.
Случалось, тут целые дни пролетали—
Что новый прохожий, то новый рассказ...

Ух, жарко!.. До полдня грибы собирали.
Вот из лесу вышли — навстречу как раз
Синеющей лентой, извилистой, длинной,
Река луговая: спрыгнули гурьбой,
И русых головок над речкой пустынной
Что белых грибов на полянке лесной!
Река огласилась и смехом, и воем:
Тут драка — не драка, игра — не игра...
А солнце палит их полуденным зноем.
Домой, ребятишки! обедать пора.
Вернулись. У каждого полно лукошко,
А сколько рассказов! Попался косой,
Поймали ежа, заблудились немножко
И видели волка... у, страшный какой!
Ежу предлагают и мух, и козявок,
Корней молочко ему отдал свое —
Не пьет! отступились...

Кто ловит пиявок
На лаве, где матка колотит белье,
Кто нянчит сестренку двухлетнюю Глашку,

Кто тащит на пожню ведерко кваску,
А тот, подвязавши под горло рубашку,
Таинственно что-то чертит по песку;
Та в лужу забилась, а эта с обновой:
Сплела себе славный венок,—
Всё беленький, желтенький, бледно-лиловый
Да изредка красный цветок.
Те спят на припеке, те пляшут вприсядку.
Вот девочка ловит лукошком лошадку:
Поймала, вскочила и едет на ней.
И ей ли, под солнечным зноем рожденной
И в фартуке с поля домой принесенной,
Бояться смиренной лошадки своей?..

Грибная пора отойти не успела,
Гляди — уж чернехоньки губы у всех,
Набили оскому: черница поспела!
А там и малина, брусника, орех!
Ребяческий крик, повторяемый эхом,
С утра и до ночи гремит по лесам.
Испугана пеньем, ауканьем, смехом,
Взлетит ли тетеря, закокав птенцам,
Зайчонок ли вскочит — содом, суматоха!
Вот старый глухарь с облинялым крылом
В кусту завозился... ну, бедному плохо!
Живого в деревню тащат с торжеством...

«Довольно, Ванюша! гулял ты немало,
Пора за работу, родной!»
Но даже и труд обернется сначала
К Ванюше нарядной своей стороной:
Он видит, как поле отец удобряет,
Как в рыхлую землю бросает зерно,
Как поле потом зеленеть начинает,
Как колос растет, наливает зерно.
Готовую жатву подрежут серпами,
В снопы перевяжут, на ригу свезут,
Просушат, колотят-колотят цепами,
На мельнице смелют и хлеб испекут.
Отведает свежего хлебца ребенок
И в поле охотней бежит за отцом.

Набьют ли сенца: «Полезай, постреленок!»
Ванюша в деревню въезжает царем...

Однако же зависть в дворянском дитяти
Посеять нам было бы жаль.
Итак, обернуть мы обязаны кстати
Другой стороною медаль.
Положим, крестьянский ребенок свободно
Растет, не учась ничему,
Но вырастет он, если богу угодно,
А сгибнуть ничто не мешает ему.
Положим, он знает лесные дорожки,
Гарцует верхом, не боится воды,
Зато беспощадно едят его мошки,
Зато ему рано знакомы труды...

Однажды, в студеную зимнюю пору
Я из лесу вышел; был сильный мороз.
Гляжу, поднимается медленно в гору
Лошадка, везущая хворосту воз.
И шествуя важно, в спокойствии чинном,
Лошадку ведет под уздцы мужичок
В больших сапогах, в полушубке овчинном,
В больших рукавицах... а сам с ноготок!
«Здорово парнище!» — «Ступай себе мимо!»
— «Уж больно ты грозен, как я погляжу!
Откуда дровишки?» — «Из лесу, вестимо;
Отец, слышишь, рубит, а я отвожу».
(В лесу раздавался топор дровосека.)
«А что, у отца-то большая семья?»
— «Семья-то большая, да два человека
Всего мужиков-то: отец мой да я...»
— «Так вон оно что! А как звать тебя?»
— «Власом».
— «А кой тебе годик?» — «Шестой миновал...
Ну, мертвая!» — крикнул малюточка басом,
Рванул под уздцы и быстрей зашагал.
На эту картину так солнце светило,
Ребенок был так уморительно мал,
Как будто всё это картонное было,
Как будто бы в детский театр я попал!

Но мальчик был мальчик живой, настоящий,
И дровни, и хворост, и пегонький конь,
И снег, до окошек деревни лежащий,
И зимнего солнца холодный огонь —
Всё, всё настоящее русское было,
С клеймом нелюдимой, мертвящей зимы,
Что русской душе так мучительно мило,
Что русские мысли вселяет в умы,
Те честные мысли, которым нет воли,
Которым нет смерти — дави не дави,
В которых так много и злобы и боли,
В которых так много любви!

Играйте же, дети! Растите на воле!
На то вам и красное детство дано,
Чтоб вечно любить это скудное поле,
Чтоб вечно вам милым казалось оно.
Храните свое вековое наследство,
Любите свой хлеб трудовой —
И пусть обаянье поэзии детства
Проводит вас в недра землицы родной!..

Теперь нам пора возвратиться к началу.
Заметив, что стали ребята смелей,
«Эй, воры идут! — закричал я Фингалу.—
Украдут, украдут! Ну, прячь поскорей!»
Фингалушка скорчил серьезную мину,
Под сено пожитки мои закопал,
С особым стараньем припрятал дичину,
У ног моих лег — и сердито рычал.
Обширная область собачьей науки
Ему в совершенстве знакома была;
Он начал такие выкидывать штуки,
Что публика с места сойти не могла,
Дивятся, хохочут! Уж тут не до страха!
Командуют сами! «Фингалка, умри!»
— «Не зáсти, Сергей! Не толкайся, Кузяха!»
— «Смотри — умирает — смотри!»
Я сам наслаждался, валяясь на сене,
Их шумным весельем. Вдруг стало темно
В сарае: так быстро темнеет на сцене,
Когда разразиться грозе суждено.

И точно: удар прогремел над сараем,
В сарай полилась дождевая река,
Актер залился оглушительным лаем,
А зрители дали стречка!
Широкая дверь отперлась, заскрипела,
Ударилась в стену, опять заперлась.
Я выглянул: темная туча висела
Над нашим театром как раз.
Под крупным дождем ребятишки бежали
Босые к деревне своей...
Мы с верным Фингалом грозу переждали
И вышли искать дупелей.

1861

*

Что ни год — уменьшаются силы,
Ум ленивее, кровь холодней...
Мать-отчизна! дойду до могилы,
Не дождавшись свободы твоей!

Но желал бы я знать, умирая,
Что стоишь ты на верном пути,
Что твой пахарь, поля засевая,
Видит ведряный день впереди;

Чтобы ветер родного селенья
Звук единый до слуха донес,
Под которым не слышно кипенья
Человеческой крови и слез.

1861

СВОБОДА

Родина мать! по равнинам твоим
Я не езжал еще с чувством таким!

Вижу дитя на руках у родимой,
Сердце волнуется думой любимой:

В добрую пору дитя родилось,
Милостив бог! не узнаешь ты слез!

С детства никем не запуган, свободен,
Выберешь дело, к которому годен,

Хочешь — останешься век мужиком,
Сможешь — под небо взовьешься орлом!

В этих фантазиях много ошибок:
Ум человеческий тонок и гибок,

Знаю: на место сетей крепостных
Люди придумали много иных,

Так!.. но распутать их легче народу.
Муза! с надеждой приветствуй свободу!

1861

СЛЕЗЫ И НЕРВЫ

О слезы женские, с придачей
Нервических, тяжелых драм!
Вы долго были мне задачей,
Я долго слепо верил вам
И много вынес мук мятежных.
Теперь я знаю наконец:
Не слабости созданий нежных,—
Вы их могущества венец.
Вернее закаленной стали
Вы поражаете сердца.
Не знаю, сколько в вас печали,
Но деспотизму нет конца!
Когда, бывало, предо мною
Зальется милая моя,
Наружно ласковость удвою,
Но внутренно озлоблен я.
Пока она дрожит и стонет,
Лукавлю праздною душой:

Язык лисит, а глаз шпионит
И открывает... Боже мой!
Зачем не мог я прежде видеть?
Ее не стоило любить,
Ее не стоит ненавидеть...
О ней не стоит говорить...
Скажи «спасибо» близорукой,
Всеукрашающей любви
И с головы с ревнивой мукой
Волос седеющих не рви!
Чем ты был пьян — вином поддельным
Иль настоящим — всё равно;
Жалей о том, что сном смертельным
Не усыпляет нас оно!

Кто ей теперь флакон подносит,
Застигнут сценой роковой?
Кто у нее прощенья просит,
Вины не зная за собой?
Кто сам трясется в лихорадке,
Когда она к окну бежит
В преувеличенном припадке
И «ты свободен!» говорит?
Кто боязливо наблюдает,
Сосредоточен и сердит,
Как буйство нервное стихает
И переходит в аппетит?
Кто ночи трудные проводит,
Один, ревнивый и больной,
А утром с ней по лавкам бродит,
Наряд торгуя дорогой?
Кто говорит: «Прекрасны оба» —
На нежный спрос: «Который взять?»
Меж тем как закипает злоба
И к черту хочется послать
Француженку с нахальным носом,
С ее коварным: «C'est joli» [1]
И даже милую с вопросом...

[1] Прелестно *(франц.)* — *Ред.*

Кто молча достает рубли,
Спеша скорей покончить муку,
И, увидав себя в трюмо,
В лице своем читает скуку
И рабства темное клеймо?..

1861

ДЕШЕВАЯ ПОКУПКА

Петербургская драма

«За отъездом продаются: мебель, зеркала и проч. Дом Воронина, № 159».

«Полиц. вед.»

Надо поехать — статья подходящая!
Слышится в этом нужда настоящая,
Не попадется ли что-нибудь дешево?
Вот и поехал я. Много хорошего:
Бронза, картины, портьеры всё новые,
Мягкие кресла, диваны отменные,
Только у барыни очи суровые,
Речи короткие, губы надменные;
Видимо, чем-то она озабочена,
Но молода, хороша удивительно:
Словно рукой гениальной обточено
Смуглое личико. Всё в ней пленительно:
Тянут назад ее голову милую
Черные волосы, сеткою сжатые,
Дышат какою-то сдержанной силою
Ноздри красивые, вверх приподнятые.
Видно, что жгучая мысль беспокойная
В сердце кипит, на простор порывается.
Вся соразмерная, гордая, стройная,
Мне эта женщина часто мечтается...

Я отобрал себе вещи прекрасные,
Но оказалися цены ужасные!
День переждал, захожу — то же самое!
Меньше предложишь, так даже обидится!..

«Барыня эта — созданье упрямое:
С мужем, подумал я, надо увидеться».

Муж — господин красоты замечательной,
В гвардии год прослуживший отечеству —
Был человек разбитной, обязательный,
Склонный к разгулу, к игре, к молодечеству,—
С ним у нас дело как раз завязалося.
Странная драма тогда разыгралася:
Мужа застану — поладим скорехонько;
Барыня выйдет — ни в чем не сторгуешься
(Только глазами ее полюбуешься).
Нечего делать! вставал я ранехонько,
И, пока барыня сном наслаждалася,—
Многое сходно купить удавалося.

У дому ждут ломовые извозчики,
В доме толпятся вещей переносчики,
Окна ободраны, стены уж голые,
У покупателей лица веселые.
Только у няни глаза заслезилися:
«Вот и с приданым своим мы простилися!» —
Молвила няня... «Какое приданое?»
— «Всё это взял он за барышней нашею,
Вместе весной покупали с мамашею;
Как любовались!..»

Открытье нежданное!
Сказано слово — и всё объяснилося!
Вот почему так она дорожилася.
Бедная женщина! В позднем участии,
Я проклинаю торгашество пошлое.
Всё это куплено с мыслью о счастии,
С этим уходит — счастливое прошлое!
Здесь ты свила себе гнездышко скромное,
Каждый здесь гвоздик вколочен с надеждою...
Ну, а теперь ты созданье бездомное,
Порабощенное грубым невеждою!
Где не остыл еще след обаяния
Девственной мысли, мечты обольстительной,
Там совершается торг возмутительный.
Как еще можешь сдержать ты рыдания!

В очи твои голубые, красивые
Нагло глядят торгаши неприветные,
Осквернены твои думы стыдливые,
Проданы с торгу надежды заветные!..

Няня меж тем заунывные жалобы
Шепчет мне в ухо: «Распродали дешево —
Лишь до деревни доехать достало бы.
Что уж там будет? Не жду я хорошего!
Барин, поди, загуляет с соседями,
Барыня будет одна-одинехонька,
День-то не весел, а ночь-то чернехонька.
Рядом лесище — с волками, с медведями».

— «Смолкни ты, няня! созданье болтливое,
Не надрывай мое сердце пугливое!
Нам ли в диковину сцены тяжелые?
Каждому трудно живется и дышится.
Чудо, что есть еще лица веселые,
Чудо, что смех еще временем слышится!..»

Барин пришел — поздравляет с покупкою,
Барыня бродит такая унылая;
С тихо воркующей, нежной голубкою
Я ее сравнивал, деньги постылые
Ей отдавая... Копейка ты медная!
Горе ты, горе! нужда окаянная...

Чуть над тобой не заплакал я, бедная,
Вот одолжил бы... Прощай, бесталанная!..

<1862>

*

Литература с трескучими фразами,
Полная духа античеловечного,
Администрация наша с указами
О забирании всякого встречного,—
Дайте вздохнуть!..
Я простился с столицами,
Мирно живу средь полей,

Но и крестьяне с унылыми лицами
Не услаждают очей;
Их нищета, их терпенье безмерное
Только досаду родит...
Что же ты любишь, дитя маловерное,
Где же твой идол стоит?..

1862

НА ПСАРНЕ

Ты, старина, здесь живешь, как в аду,
Воля придет — чай, бежишь без оглядки?
«Нáшто мне воля? куда я пойду?
Нету ни батьки, ни матки,
Нету никем никого,
Хлеб добывать не умею,
Только и знаю кричать: «Го-го-го!
Горе косому злодею!..»

Между 1860 и 1863

*

1

«Благодарение господу богу,
Кончен проселок!.. Не спишь?»
— «Думаю, братец, про эту дорогу».
— «То-то давненько молчишь.

Что же ты думаешь?» — «Долго рассказывать.
Только тронýлись по ней,
Стала мне эта дорога показывать
Тени погибших людей.

Бледные тени! ужасные тени!
Злоба, безумье, любовь...
Едем мы, братец, в крови по колени!»
— «Полно — тут пыль, а не кровь...»

2

«Барин! не выпить ли нам понемногу?
Больно уж ты присмирел».
— «Пел бы я песню про эту дорогу,
Пел бы да ревма-ревел,

Песней над песнями стала бы эта
Песня... да петь не рука».
— «Песня про эту дорогу уж спета,
Да что в ней проку?.. Тоска!»

«Знаю, народ *проторенной цепями*
Эту дорогу зовет».
— «Верно! увидишь своими глазами,
Русская песня не врет!»

3

Скоро попались нам пешие ссыльные,
С гиком ямщик налетел,
В тряской телеге два путника пыльные
Скачут... едва разглядел...

Подле лица — молодого, прекрасного —
С саблей усач...
Брат, удаляемый с поста опасного,
Есть ли там смена? Прощай!

Между 1861 и 1863

*

Надрывается сердце от муки,
Плохо верится в силу добра,
Внемля в мире царящие звуки
Барабанов, цепей, топора.

Но люблю я, весна золотая,
Твой сплошной, чудно-смешанный шум;
Ты ликуешь, на миг не смолкая,
Как дитя, без заботы и дум.

В обаянии счастья и славы
Чувству жизни ты вся предана,—
Что-то шепчут зеленые травы,
Говорливо струится волна;
В стаде весело ржет жеребенок,
Бык с землей вырывает траву,
А в лесу белокурый ребенок —
Чу! кричит: «Парасковья, ау!»
По холмам, по лесам, над долиной
Птицы севера вьются, кричат,
Разом слышны — напев соловьиный
И нестройные писки галчат,
Грохот тройки, скрипенье подводы,
Крик лягушек, жужжание ос,
Треск кобылок,— в просторе свободы
Всё в гармонию жизни слилось...

Я наслушался шума иного...
Оглушенный, подавленный им,
Мать-природа! иду к тебе снова
Со всегдашним желаньем моим —
Заглуши эту музыку злобы!
Чтоб душа ощутила покой
И прозревшее око могло бы
Насладиться твоей красотой.

1862 или 1863

МОРОЗ, КРАСНЫЙ НОС

Посвящаю моей сестре
Анне Алексеевне

Ты опять упрекнула меня,
Что я с музой моей раздружился,
Что заботам текущего дня
И забавам его подчинился.
Для житейских расчетов и чар
Не расстался б я с музой моею,
Но бог весть, не погас ли тот дар,
Что, бывало, дружил меня с нею?
Но не брат еще людям поэт,
И тернист его путь, и непрочен,

Я умел не бояться клевет,
Не был ими я сам озабочен;
Но я знал, чье во мраке ночном
Надрывалося сердце с печали
И на чью они грудь упадали свинцом,
И кому они жизнь отравляли.
И пускай они мимо прошли,
Надо мною ходившие грозы,
Знаю я, чьи молитвы и слезы
Роковую стрелу отвели...
Да и время ушло,— я устал...
Пусть я не был бойцом без упрека,
Но я силы в себе сознавал,
Я во многое верил глубоко,
А теперь — мне пора умирать...
Не затем же пускаться в дорогу,
Чтобы в любящем сердце опять
Пробудить роковую тревогу...

Присмиревшую Музу мою
Я и сам неохотно ласкаю...
Я последнюю песню пою
Для тебя — и тебе посвящаю.
Но не будет она веселей,
Будет много печальнее прежней,
Потому что на сердце темней
И в грядущем еще безнадежней...

Буря воет в саду, буря ломится в дом,
Я боюсь, чтоб она не сломила
Старый дуб, что посажен отцом,
И ту иву, что мать посадила,
Эту иву, которую ты
С нашей участью странно связала,
На которой поблекли листы
В ночь, как бедная мать умирала...

И дрожит и пестреет окно...
Чу! как крупные градины скачут!
Милый друг, поняла ты давно —
Здесь одни только камни не плачут...
. . . .

Часть первая

СМЕРТЬ КРЕСТЬЯНИНА

1

Савраска увяз в половине сугроба —
Две пары промерзлых лаптей
Да угол рогожей покрытого гроба
Торчат из убогих дровней.

Старуха в больших рукавицах
Савраску сошла понукать.
Сосульки у ней на ресницах,
С морозу — должно полагать.

2

Привычная дума поэта
Вперед забежать ей спешит:
Как саваном, снегом одета,
Избушка в деревне стоит,

В избушке — теленок в подклети,
Мертвец на скамье у окна;
Шумят его глупые дети,
Тихонько рыдает жена.

Сшивая проворной иголкой
На саван куски полотна,
Как дождь, зарядивший надолго,
Негромко рыдает она.

3

Три тяжкие доли имела судьба,
И первая доля: с рабом повенчаться,
Вторая — быть матерью сына раба,
А третья — до гроба рабу покоряться,
И все эти грозные доли легли
На женщину русской земли.

Века протекали — всё к счастью стремилось,
Всё в мире по нескольку раз изменилось,
Одну только бог изменить забывал
Суровую долю крестьянки.
И все мы согласны, что тип измельчал
Красивой и мощной славянки.

Случайная жертва судьбы!
Ты глухо, незримо страдала,
Ты свету кровавой борьбы
И жалоб своих не вверяла,—

Но мне ты их скажешь, мой друг!
Ты с детства со мною знакома.
Ты вся — воплощенный испуг,
Ты вся — вековая истома!
Тот сердца в груди не носил,
Кто слез над тобою не лил!

4

Однако же речь о крестьянке
Затеяли мы, чтоб сказать,
Что тип величавой славянки
Возможно и ныне сыскать.

Есть женщины в русских селеньях
С спокойною важностью лиц,
С красивою силой в движеньях,
С походкой, со взглядом цариц,—

Их разве слепой не заметит,
А зрячий о них говорит:
«Пройдет — словно солнце осветит!
Посмотрит — рублем подарит!»

Идут они той же дорогой,
Какой весь народ наш идет,
Но грязь обстановки убогой
К ним словно не липнет. Цветет

Красавица, миру на диво,
Румяна, стройна, высока,
Во всякой одежде красива,
Ко всякой работе ловка.

И голод, и холод выносит,
Всегда терпелива, ровна...
Я видывал, как она косит:
Что взмах — то готова копна!

Платок у ней на ухо сбился,
Того гляди косы падут.
Какой-то парнек изловчился
И кверху подбросил их, шут!

Тяжелые русые косы
Упали на смуглую грудь,
Покрыли ей ноженьки босы,
Мешают крестьянке взглянуть.

Она отвела их руками,
На парня сердито глядит.
Лицо величаво, как в раме,
Смущеньем и гневом горит...

По будням не любит безделья.
Зато вам ее не узнать,
Как сгонит улыбка веселья
С лица трудовую печать.

Такого сердечного смеха,
И песни, и пляски такой
За деньги не купишь. «Утеха!» —
Твердят мужики меж собой.

В игре ее конный не словит,
В беде не сробеет — спасет:
Коня на скаку остановит,
В горящую избу войдет!

Красивые, ровные зубы,
Что крупные перлы у ней,

Но строго румяные губы
Хранят их красу от людей —

Она улыбается редко...
Ей некогда лясы точить,
У ней не решится соседка
Ухвата, горшка попросить;

Не жалок ей нищий убогой —
Вольнò ж без работы гулять!
Лежит на ней дельности строгой
И внутренней силы печать.

В ней ясно и крепко сознанье,
Что всё их спасенье в труде,
И труд ей несет воздаянье:
Семейство не бьется в нужде,

Всегда у них теплая хата,
Хлеб выпечен, вкусен квасок,
Здоровы и сыты ребята,
На праздник есть лишний кусок.

Идет эта баба к обедни
Пред всею семьей впереди:
Сидит, как на стуле, двухлетний
Ребенок у ней на груди,

Рядком шестилетнего сына
Нарядная матка ведет...
И по сердцу эта картина
Всем любящим русский народ!

5

И ты красотою дивила,
Была и ловка, и сильна,
Но горе тебя иссушило,
Уснувшего Прокла жена!

Горда ты — ты плакать не хочешь,
Крепишься, но холст гробовой

Слезами невольно ты мочишь,
Сшивая проворной иглой.

Слеза за слезой упадает
На быстрые руки твои.
Так колос беззвучно роняет
Созревшие зерна свои...

6

В селе, за четыре версты,
У церкви, где ветер шатает
Побитые бурей кресты,
Местечко старик выбирает;

Устал он, работа трудна,
Тут тоже сноровка нужна —

Чтоб крест было видно с дороги,
Чтоб солнце играло кругом.
В снегу до колен его ноги,
В руках его заступ и лом,

Вся в инее шапка большая,
Усы, борода в серебре.
Недвижно стоит, размышляя,
Старик на высоком бугре.

Решился. Крестом обозначил,
Где будет могилу копать,
Крестом осенился и начал
Лопатою снег разгребать.

Иные приемы тут были,
Кладбище не то, что поля:
Из снегу кресты выходили,
Крестами ложилась земля.

Согнув свою старую спину,
Он долго, прилежно копал,
И желтую мерзлую глину
Тотчас же снежок застилал.

Ворона к нему подлетела,
Потыкала носом, прошлась:
Земля как железо звенела —
Ворона ни с чем убралась...

Могила на славу готова,—
«Не мне б эту яму копать!
(У старого вырвалось слово.)
Не Проклу бы в ней почивать,

Не Проклу!..» Старик оступился,
Из рук его выскользнул лом
И в белую яму скатился,
Старик его вынул с трудом.

Пошел... по дороге шагает...
Нет солнца, луна не взошла...
Как будто весь мир умирает·
Затишье, снежок, полумгла...

7

В овраге, у речки Желтухи,
Старик свою бабу нагнал
И тихо спросил у старухи:
«Хорош ли гробок-то попал?»

Уста ее чуть прошептали
В ответ старику: «Ничего».
Потом они оба молчали,
И дровни так тихо бежали,
Как будто боялись чего...

Деревня еще не открылась,
А близко — мелькает огонь.
Старуха крестом осенилась,
Шарахнулся в сторону конь —

Без шапки, с ногами босыми,
С большим заостренным колом,
Внезапно предстал перед ними
Старинный знакомец Пахом.

Прикрыты рубахою женской,
Звенели вериги на нем;
Постукал дурак деревенской
В морозную землю колом,

Потом помычал сердобольно,
Вздохнул и сказал: «Не беда!
На вас он работал довольно!
И ваша пришла череда!

Мать сыну-то гроб покупала,
Отец ему яму копал,
Жена ему саван сшивала —
Всем разом работу вам дал!..»

Опять помычал — и без цели
В пространство дурак побежал.
Вериги уныло звенели,
И голые икры блестели,
И посох по снегу черкал.

8

У дома оставили крышу,
К соседке свели ночевать
Зазябнувших Машу и Гришу
И стали сынка обряжать.

Медлительно, важно, сурово
Печальное дело велось:
Не сказано лишнего слова,
Наружу не выдано слез.

Уснул, потрудившийся в поте!
Уснул, поработав земле!
Лежит, непричастный заботе,
На белом сосновом столе,

Лежит неподвижный, суровый,
С горящей свечой в головах,
В широкой рубахе холщовой
И в липовых новых лаптях.

Большие, с мозолями, руки,
Подъявшие много труда,
Красивое, чуждое муки
Лицо — и до рук борода...

9

Пока мертвеца обряжали,
Не выдали словом тоски,
И только глядеть избегали
Друг другу в глаза бедняки,

Но вот уже кончено дело,
Нет нужды бороться с тоской,
И что на душе накипело,
Из уст полилося рекой.

Не ветер гудит по ковыли,
Не свадебный поезд гремит —
Родные по Прокле завыли,
По Прокле семья голосит:

«Голубчик ты наш сизокрылый!
Куда ты от нас улетел?
Пригожеством, ростом и силой
Ты ровни в селе не имел.

Родителям был ты советник,
Работничек в поле ты был,
Гостям хлебосол и приветник,
Жену и детей ты любил...

Что ж мало гулял ты по свету?
За что нас покинул, родной?
Одумал ты думушку эту,
Одумал с сырою землей —

Одумал — а нам оставаться
Велел во миру, сиротам,
Не свежей водой умываться,
Слезами горючими нам!

Старуха помрет со кручины,
Не жить и отцу твоему,
Береза в лесу без вершины —
Хозяйка без мужа в дому.

Ее не жалеешь ты, бедной,
Детей не жалеешь... Вставай!
С полоски своей заповедной
По лету сберешь урожай!

Сплесни, ненаглядный, руками,
Сокольим глазком посмотри,
Тряхни шелковыми кудрями,
Сахарны уста раствори!

На радости мы бы сварили
И меду и браги хмельной,
За стол бы тебя посадили —
Покушай, желанный, родной!

А сами напротив бы стали,
Кормилец, надёжа семьи!
Очей бы с тебя не спускали,
Ловили бы речи твои...»

10

На эти рыданья и стоны
Соседи валили гурьбой:
Свечу положив у иконы,
Творили земные поклоны
И шли молчаливо домой.

На смену входили другие,
Но вот уж толпа разбрелась,
Поужинать сели родные —
Капуста да с хлебушком квас.

Старик бесполезной кручине
Собой овладеть не давал:
Подладившись ближе к лучине,
Он лапоть худой ковырял.

Протяжно и громко вздыхая,
Старуха на печку легла,
А Дарья, вдова молодая,
Проведать ребяток пошла.

Всю ноченьку, стоя у свечки,
Читал над усопшим дьячок,
И вторил ему из-за печки
Пронзительным свистом сверчок.

11

Сурово метелица выла
И снегом кидала в окно,
Невесело солнце всходило:
В то утро свидетелем было
Печальной картины оно.

Савраска, запряженный в сани,
Понуро стоял у ворот;
Без лишних речей, без рыданий
Покойника вынес народ.

— Ну, трогай, саврасушка! трогай!
Натягивай крепче гужи!
Служил ты хозяину много,
В последний разок послужи!..

В торговом селе Чистополье
Купил он тебя сосунком,
Взрастил он тебя на приволье,
И вышел ты добрым конем.

С хозяином дружно старался,
На зимушку хлеб запасал,
Во стаде ребенку давался,
Травой да мякиной питался,
А тело изрядно держал.

Когда же работы кончались
И сковывал землю мороз,

С хозяином вы отправлялись
С домашнего корма в извоз.

Немало и тут доставалось —
Возил ты тяжелую кладь,
В жестокую бурю случалось,
Измучась, дорогу терять.

Видна на боках твоих впалых
Кнута не одна полоса,
Зато на дворах постоялых
Покушал ты вволю овса.

Слыхал ты в январские ночи
Метели пронзительный вой
И волчьи горящие очи
Видал на опушке лесной;

Продрогнешь, натерпишься страху,
А там — и опять ничего!
Да, видно, хозяин дал маху —
Зима доконала его!..

12

Случилось в глубоком сугробе
Полсуток ему простоять,
Потом то в жару, то в ознобе
Три дня за подводой шагать:

Покойник на срок торопился
До места доставить товар.
Доставил, домой воротился —
Нет голосу, в теле пожар!

Старуха его окатила
Водой с девяти веретен
И в жаркую баню сводила,
Да нет — не поправился он!

Тогда ворожеек созвали —
И поят, и шепчут, и трут —

Всё худо! Его продевали
Три раза сквозь потный хомут,

Спускали родимого в прорубь,
Под куричий клали насест...
Всему покорялся, как голубь,—
А плохо — не пьет и не ест!

Еще положить под медведя,
Чтоб тот ему кости размял,
Ходебщик сергачевский Федя —
Случившийся тут — предлагал.

Но Дарья, хозяйка больного,
Прогнала советчика прочь:
Испробовать средства иного
Задумала баба: и в ночь

Пошла в монастырь отдаленный
(Верстах в тридцати от села),
Где в некой иконе явленной
Целебная сила была.

Пошла, воротилась с иконой —
Больной уж безгласен лежал,
Одетый как в гроб, причащенный,
Увидел жену, простонал
И умер...

13

...Саврасушка, трогай,
Натягивай крепче гужи!
Служил ты хозяину много,
В последний разок послужи!

Чу! два похоронных удара!
Попы ожидают — иди!..
Убитая, скорбная пара,
Шли мать и отец впереди.

Ребята с покойником оба
Сидели, не смея рыдать,
И, правя савраской, у гроба
С вожжами их бедная мать

Шагала... Глаза ее впали,
И был не белей ее щек
Надетый на ней в знак печали
Из белой холстины платок.

За Дарьей — соседей, соседок
Плелась негустая толпа,
Толкуя, что Прокловых деток
Теперь незавидна судьба,

Что Дарье работы прибудет,
Что ждут ее черные дни.
«Жалеть ее некому будет»,—
Согласно решили они...

14

Как водится, в яму спустили,
Засыпали Прокла землей;
Поплакали, громко повыли,
Семью пожалели, почтили
Покойника щедрой хвалой.

Сам староста, Сидор Иваныч,
Вполголоса бабам подвыл,
И «Мир тебе, Прокл Севастьяныч! —
Сказал,— благодушен ты был,

Жил честно, а главное: в сроки —
Уж как тебя бог выручал —
Платил господину оброки
И подать царю представлял!»

Истратив запас красноречья,
Почтенный мужик покряхтел:
«Да, вот она, жизнь человечья!» —
Прибавил — и шапку надел.

«Свалился... а то-то был в силе!..
Свалимся... не минуть и нам!..»
Еще покрестились могиле
И с богом пошли по домам.

Высокий, седой, сухопарый,
Без шапки, недвижно-немой,
Как памятник, дедушка старый
Стоял на могиле родной!

Потом старина бородатый
Задвигался тихо по ней,
Ровняя землицу лопатой
Под вопли старухи своей.

Когда же, оставивши сына,
Он с бабой в деревню ходил:
«Как пьяных, шатает кручина!
Гляди-тко!..» — народ говорил.

15

А Дарья домой воротилась —
Прибраться, детей накормить.
Ай-ай! как изба настудилась!
Торопится печь затопить,

Ан глядь — ни полена дровишек!
Задумалась бедная мать:
Покинуть ей жаль ребятишек,
Хотелось бы их приласкать,

Да времени нету на ласки.
К соседке свела их вдова.
И тотчас, на том же савраске,
Поехала в лес, по дрова...

Часть вторая

МОРОЗ, КРАСНЫЙ НОС

16

Морозно. Равнины белеют под снегом,
Чернеется лес впереди,
Савраска плетется ни шагом, ни бегом,
Не встретишь души на пути.

Как тихо! В деревне раздавшийся голос
Как будто у самого уха гудет,
О корень древесный запнувшийся полоз
Стучит и визжит, и за сердце скребет.

Кругом — поглядеть нету мочи,
Равнина в алмазах блестит...
У Дарьи слезами наполнились очи —
Должно быть, их солнце слепит...

17

В полях было тихо, но тише
В лесу и как будто светлей.
Чем дале — деревья всё выше,
А тени длинней и длинней.

Деревья, и солнце, и тени,
И мертвый, могильный покой...
Но — чу! заунывные пени,
Глухой, сокрушительный вой!

Осилило Дарьюшку горе,
И лес безучастно внимал,
Как стоны лились на просторе
И голос рвался и дрожал,

И солнце, кругло и бездушно,
Как желтое око совы,
Глядело с небес равнодушно
На тяжкие муки вдовы.

И много ли струн оборвалось
У бедной крестьянской души,
Навеки сокрыто осталось
В лесной нелюдимой глуши.

Великое горе вдовицы
И матери малых сирот
Подслушали вольные птицы,
Но выдать не смели в народ...

18

Не псарь по дубровушке трубит,
Гогочет, сорви-голова,—
Наплакавшись, колет и рубит
Дрова молодая вдова.

Срубивши, на дровни бросает —
Наполнить бы их поскорей,
И вряд ли сама замечает,
Что слезы всё льют из очей:

Иная с ресницы сорвется
И нà снег с размаху падет —
До самой земли доберется,
Глубокую ямку прожжет;

Другую на дерево кинет,
На плашку,— и смотришь, она
Жемчужиной крупной застынет —
Бела и кругла и плотна.

А та на глазу поблистает,
Стрелой по щеке побежит,
И солнышко в ней поиграет...
Управиться Дарья спешит,

Знай рубит,— не чувствует стужи,
Не слышит, что ноги знобит,
И, полная мыслью о муже,
Зовет его, с ним говорит...

19

. . . .
. . . .

«Голубчик! красавицу нашу
Весной в хороводе опять
Подхватят подруженьки Машу
И станут на ручках качать!

Станут качать,
Кверху бросать,
Маковкой звать,
Мак отряхать! [1]

Вся раскраснеется наша
Маковым цветиком Маша
С синими глазками, с русой косой!

Ножками бить и смеяться
Будет... а мы-то с тобой,
Мы на нее любоваться
Будем, желанный ты мой!..

20

Умер, не дожил ты веку,
Умер и в землю зарыт!

Любо весной человеку!
Солнышко ярко горит.
Солнышко всё оживило,
Божьи открылись красы,
Поле сохи запросило,
Травушки просят косы,

Рано я, горькая, встала,
Дома не ела, с собой не брала,

---

[1] Известная народная игра, называемая: *сеять мак. Маковкой* садится в середине круга красивая девочка, которую под конец подкидывают вверх, представляя тем отряхиванье мака; а то еще *маком* бывает простоватый детина, которому при подкидывании достается немало колотушек.

До ночи пашню пахала,
Ночью я косу клепала,
Утром косить я пошла...

Крепче вы, ноженьки, стойте!
Белые руки, не нойте!
    Надо одной поспевать!

В поле одной-то надсадно,
В поле одной неповадно,
    Стану я милого звать!

Ладно ли пашню вспахала?
Выди, родимый, взгляни!
Сухо ли сено убрала?
Прямо ли стоги сметала?..
Я на граблях отдыхала
Все сенокосные дни!

Некому бабью работу поправить!
Некому бабу на разум наставить...

21

Стала скотинушка в лес убираться,
Стала рожь-матушка в колос метаться,
    Бог нам послал урожай!
    Нынче солома по грудь человеку,
    Бог нам послал урожай!
    Да не продлил тебе веку,—
Хочешь не хочешь, одна поспевай!..
    Овод жужжит и кусает,
    Смертная жажда томит,
    Солнышко серп нагревает,
    Солнышко очи слепит,
    Жжет оно голову, плечи,
    Ноженьки, рученьки жжет,
    Изо ржи, словно из печи,
    Тоже теплом обдает,
    Спинушка ноет с натуги,
    Руки и ноги болят,
    Красные, желтые круги
    Перед очами стоят...

Жни-дожинай поскорее,
Видишь — зерно потекло...

Вместе бы дело спорее,
Вместе повадней бы шло...

22

Сон мой был в руку, родная!
Сон перед Спасовым днем.
В поле заснула одна я
После полудня, с серпом,
Вижу — меня оступает
Сила — несметная рать,—
Грозно руками махает,
Грозно очами сверкает.
Думала я убежать,
Да не послушались ноги.
Стала просить я помоги,
Стала я громко кричать.

Слышу, земля задрожала —
Первая мать прибежала,
Травушки рвутся, шумят —
Детки к родимой спешат.
Шибко без ветру не машет
Мельница в поле крылом:
Братец идет да приляжет,
Свекор плетется шажком.
Все прибрели, прибежали,
Только дружка одного
Очи мои не видали...
Стала я кликать его:
«Видишь — меня оступает
Сила — несметная рать,—
Грозно руками махает,
Грозно очами сверкает:
Что не идешь выручать?..»
Тут я кругом огляделась —
Господи! Что куда делось?
Что это было со мной?..
Рати тут нет никакой!

Это не люди лихие,
Не бусурманская рать —
Это колосья ржаные,
Спелым зерном налитые,
Вышли со мной воевать!

Машут, шумят, наступают,
Руки, лицо щекотят,
Сами солому под серп нагибают —
Больше стоять не хотят!

Жать принялась я проворно,
Жну, а на шею мою
Сыплются крупные зерна —
Словно под градом стою!

Вытечет, вытечет за ночь
Вся наша матушка-рожь...
Где же ты, Прокл Севастьяныч?
Что пособлять не идешь?..

Сон мой был в руку, родная!
Жать теперь буду одна я.

Стану без милого жать,
Снопики крепко вязать,
В снопики слезы ронять!
Слезы мои не жемчужны,
Слезы горюшки-вдовы,
Что же вы господу нужны,
Чем ему дороги вы?..

23

«Долги вы, зимние ноченьки,
Скучно без милого спать,
Лишь бы не плакали оченьки,
Стану полотна я ткать.

Много натку я полотен,
Тонких добротных новин,

Вырастет крепок и плотен,
Вырастет ласковый сын.

Будет по нашему месту
Он хоть куда женихом,
Высватать парню невесту
Сватов надежных пошлем...

Кудри сама расчесала я Грише,
Кровь с молоком наш сынок-первенéц,
Кровь с молоком и невеста... Иди же!
Благослови молодых под венец!..

Этого дня мы как праздника ждали,
Помнишь, как начал Гришуха ходить,
Целую ноченьку мы толковали,
Как его будем женить,
Стала на свадьбу копить понемногу...
Вот — дождались, слава богу!

Чу, бубенцы говорят!
Поезд вернулся назад,
Выди навстречу проворно —
Пава-невеста, соколик-жених! —
Сыпь на них хлебные зерна,
Хмелем осыпь молодых!..» [1]

24

«Стадо у лесу у темного бродит,
Лыки в лесу пастушонко дерет,
Из лесу серый волчище выходит.
Чью он овцу унесет?

Черная туча, густая-густая,
Прямо над нашей деревней висит,
Прыснет из тучи стрела громовая,
В чей она дом сноровит?

---

[1] Хмелем и хлебным зерном осыпают молодых в знак будущего богатства.

Вести недобрые ходят в народе,
Парням недолго гулять на свободе,
Скоро — рекрутский набор!

Наш-то молодчик в семье одиночка,
Всех у нас деток Гришуха да дочка.
Да голова у нас вор —
Скажет: мирской приговор!

Сгибнет ни за что ни про что детина,
Встань, заступись за родимого сына!

Нет, не заступишься ты!..
Белые руки твои опустились,
Ясные очи навеки закрылись...
Горькие мы сироты!..

25

Я ль не молила царицу небесную?
Я ли ленива была?
Ночью одна по икону чудесную
Я не сробела — пошла,

Ветер шумит, наметает сугробы.
Месяца нет — хоть бы луч!
На небо глянешь — какие-то гробы,
Цепи да гири выходят из туч...

Я ли о нем не старалась?
Я ли жалела чего?
Я ему молвить боялась,
Как я любила его!

Звездочки будут у ночи,
Будет ли нам-то светлей?..
Заяц спрыгнул из-под кочи,
Заинька, стой! не посмей
Перебежать мне дорогу!

В лес укатил, слава богу...
К полночи стало страшней,—

Слышу, нечистая сила
Залотошила, завыла,
    Заголосила в лесу.

Что мне до силы нечистой?
Чур меня! Деве пречистой
    Я приношенье несу!

Слышу я конское ржанье,
Слышу волков завыванье,
    Слышу погоню за мной,—

Зверь на меня не кидайся!
Лих человек не касайся,
    Дорог наш грош трудовой!

Лето он жил работаючи,
Зиму не видел детей,
Ночи о нем помышляючи,
Я не смыкала очей.

Едет он, зябнет... а я-то, печальная,
    Из волокнистого льну,
Словно дорога его чужедальная,
    Долгую нитку тяну.

Веретено мое прыгает, вертится,
    В пол ударяется.
Проклушка пеш идет, в рытвине крестится,
К возу на горочке сам припрягается.

Лето за летом, зима за зимой,
Этак-то мы раздобылись казной!

Милостив буди к крестьянину бедному,
    Господи! всё отдаем,
Что по копейке, по грошику медному
    Мы сколотили трудом!..

26

Вся ты, тропина лесная!
Кончился лес.
К утру звезда золотая
С божьих небес
Вдруг сорвалась — и упала,
Дунул господь на нее,
Дрогнуло сердце мое:
Думала я, вспоминала —
Что было в мыслях тогда,
Как покатилась звезда?
Вспомнила! ноженьки стали,
Силюсь идти, а нейду!
Думала я, что едва ли
Прокла в живых я найду...

Нет! не попустит царица небесная!
Даст исцеленье икона чудесная!

Я осенилась крестом
И побежала бегом...

Сила-то в нем богатырская,
Милостив бог, не умрет...
Вот и стена монастырская!
Тень уж моя головой достает
До монастырских ворот.

Я поклонилася зе́мным поклоном,
Стала на ноженьки, глядь —
Ворон сидит на кресте золоченом,
Дрогнуло сердце опять!

27

Долго меня продержали —
Схимницу сестры в тот день погребали.

Утреня шла,
Тихо по церкви ходили монашины.
В черные рясы наряжены,
Только покойница в белом была:

Спит — молодая, спокойная,
Знает, что будет в раю.
Поцеловала и я, недостойная,
Белую ручку твою!

В личико долго глядела я:
Всех ты моложе, нарядней, милей,
Ты меж сестер словно горлинка белая
Промежду сизых, простых голубей.

В ручках чернеются чётки,
Писаный венчик на лбу.
Черный покров на гробу —
Этак-то ангелы кротки!

Молви, касатка моя,
Богу святыми устами,
Чтоб не осталася я
Горькой вдовой с сиротами!

Гроб на руках до могилы снесли,
С пеньем и плачем ее погребли.

28

Двинулась с миром икона святая,
Сестры запели, ее провожая,
Все приложилися к ней.

Много владычице было почету:
Старый и малый бросали работу,
Из деревень шли за ней.

К ней выносили больных и убогих...
Знаю, владычица! знаю: у многих
Ты осушила слезу...

Только ты милости к нам не явила!
. . . .
. . . .

Господи! сколько я дров нарубила!
Не увезешь на возу...»

29

Окончив привычное дело,
На дровни поклала дрова,
За вожжи взялась и хотела
Пуститься в дорогу вдова.

Да вновь пораздумалась, стоя,
Топор машинально взяла
И, тихо, прерывисто воя,
К высокой сосне подошла.

Едва ее ноги держали,
Душа истомилась тоской,
Настало затишье печали —
Невольный и страшный покой!

Стоит под сосной чуть живая,
Без думы, без стона, без слез.
В лесу тишина гробовая —
День светел, крепчает мороз.

30

Не ветер бушует над бором,
Не с гор побежали ручьи —
Мороз-воевода дозором
Обходит владенья свои.

Глядит — хорошо ли метели
Лесные тропы занесли,
И нет ли где трещины, щели,
И нет ли где голой земли?

Пушисты ли сосен вершины,
Красив ли узор на дубах?
И крепко ли скованы льдины
В великих и малых водах?

Идет — по деревьям шагает,
Трещит по замерзлой воде,
И яркое солнце играет
В косматой его бороде.

Дорога везде чародею,
Чу! ближе подходит, седой.
И вдруг очутился над нею,
Над самой ее головой!

Забравшись на сосну большую,
По веточкам палицей бьет
И сам про себя удалую,
Хвастливую песню поет:

31

«Вглядись, молодица, смелее,
Каков воевода Мороз!
Навряд тебе парня сильнее
И краше видать привелось?

Метели, снега и туманы
Покорны морозу всегда,
Пойду на моря-окияны —
Построю дворцы изо льда.

Задумаю — реки большие
Надолго упрячу под гнет,
Построю мосты ледяные,
Каких не построит народ.

Где быстрые, шумные воды
Недавно свободно текли,—
Сегодня прошли пешеходы,
Обозы с товаром прошли.

Люблю я в глубоких могилах
Покойников в иней рядить,
И кровь вымораживать в жилах,
И мозг в голове леденить.

На горе недоброму вору,
На страх седоку и коню,
Люблю я в вечернюю пору
Затеять в лесу трескотню.

Бабенки, пеняя на леших,
Домой удирают скорей,
А пьяных, и конных, и пеших
Дурачить еще веселей.

Без мелу всю выбелю рожу,
А нос запылает огнем,
И бороду так приморожу
К вожжам — хоть руби топором!

Богат я, казны не считаю,
А всё не скудеет добро;
Я царство мое убираю
В алмазы, жемчуг, серебро.

Войди в мое царство со мною
И будь ты царицею в нем!
Поцарствуем славно зимою,
А летом глубоко уснем.

Войди! приголублю, согрею,
Дворец отведу голубой...»
И стал воевода над нею
Махать ледяной булавой,

32

«Тепло ли тебе, молодица?» —
С высокой сосны ей кричит.
«Тепло!» — отвечает вдовица,
Сама холодеет, дрожит.

Морозко спустился пониже,
Опять помахал булавой
И шепчет ей ласковей, тише:
«Тепло ли?..» — «Тепло, золотой!»

Тепло — а сама коченеет.
Морозко коснулся ее:
В лицо ей дыханием веет
И иглы колючие сеет
С седой бороды на нее.

И вот перед ней опустился!
«Тепло ли?» — промолвил опять
И в Проклушку вдруг обратился,
И стал он ее целовать.

В уста ее, в очи и в плечи
Седой чародей целовал
И те же ей сладкие речи,
Что милый о свадьбе, шептал.

И так-то ли любо ей было
Внимать его сладким речам,
Что Дарьюшка очи закрыла,
Топор уронила к ногам,

Улыбка у горькой вдовицы
Играет на бледных губах,
Пушисты и белы ресницы,
Морозные иглы в бровях...

33

В сверкающий иней одета,
Стоит, холодеет она,
И снится ей жаркое лето —
Не вся еще рожь свезена,

Но сжата,— полегче им стало!
Возили снопы мужики,
А Дарья картофель копала
С соседних полос у реки.

Свекровь ее тут же, старушка,
Трудилась; на полном мешке
Красивая Маша, резвушка,
Сидела с морковкой в руке.

Телега, скрыпя, подъезжает —
Савраска глядит на своих,
И Проклушка крупно шагает
За возом снопов золотых.

«Бог помочь! А где же Гришуха?» —
Отец мимоходом сказал.
«В горохах»,— сказала старуха.
«Гришуха!» — отец закричал,

На небо взглянул. «Чай, не рано?
Испить бы...» — Хозяйка встает
И Проклу из белого жбана
Напиться кваску подает.

Гришуха меж тем отозвался:
Горохом опутан кругом,
Проворный мальчуга казался
Бегущим зеленым кустом.

«Бежит!.. у!.. бежит, постреленок,
Горит под ногами трава!» —
Гришуха черен, как галчонок,
Бела лишь одна голова.

Крича, подбегает вприсядку
(На шее горох хомутом).
Попотчевал бабушку, матку,
Сестренку — вертится вьюном!

От матери молодцу ласка,
Отец мальчугана щипнул;
Меж тем не дремал и савраска:
Он шею тянул да тянул,

Добрался,— оскаливши зубы,
Горох аппетитно жует
И в мягкие добрые губы
Гришухино ухо берет...

34

Машутка отцу закричала:
«Возьми меня, тятька, с собой!» —
Спрыгнула с мешка — и упала,
Отец ее поднял. «Не вой!

Убилась — неважное дело!..
Девчонок ненадобно мне,
Еще вот такого пострела
Рожай мне, хозяйка, к весне!

Смотри же!..» Жена застыдилась:
«Довольно с тебя одного!»
(А знала, под сердцем уж билось
Дитя...) «Ну! Машук, ничего!»

И Проклушка, став на телегу,
Машутку с собой посадил.
Вскочил и Гришуха с разбегу,
И с грохотом воз покатил.

Воробушков стая слетела
С снопов, над телегой взвилась.
И Дарьюшка долго смотрела,
От солнца рукой заслонясь,

Как дети с отцом приближались
К дымящейся риге своей,
И ей из снопов улыбались
Румяные лица детей...

Чу, песня! знакомые звуки!
Хорош голосок у певца...
Последние признаки муки
У Дарьи исчезли с лица,

Душой улетая за песней,
Она отдалась ей вполне...
Нет в мире той песни прелестней,
Которую слышим во сне!

О чем она — бог ее знает!
Я слов уловить не умел,
Но сердце она утоляет,
В ней дольнего счастья предел.

В ней кроткая ласка участья,
Обеты любви без конца...
Улыбка довольства и счастья
У Дарьи не сходит с лица.

35

Какой бы ценой ни досталось
Забвенье крестьянке моей,
Что нужды? Она улыбалась.
Жалеть мы не будем о ней.

Нет глубже, нет слаще покоя
Какой посылает нам лес,
Недвижно бестрепетно стоя
Под холодом зимних небес.

Нигде так глубоко и вольно
Не дышит усталая грудь,
И ежели жить нам довольно,
Нам слаще нигде не уснуть!

36

Ни звука! Душа умирает
Для скорби, для страсти. Стоишь
И чувствуешь, как покоряет
Ее эта мертвая тишь.

Ни звука! И видишь ты синий
Свод неба, да солнце, да лес,
В серебряно-матовый иней
Наряженный, полный чудес,

Влекущий неведомой тайной,
Глубоко-бесстрастный... Но вот
Послышался шорох случайный —
Вершинами белка идет.

Ком снегу она уронила
На Дарью, прыгнув по сосне,
А Дарья стояла и стыла
В своем заколдованном сне...

1862—1863

ЗЕЛЕНЫЙ ШУМ [1]

Идет-гудет Зеленый Шум,
Зеленый Шум, весенний шум!

Играючи, расходится
Вдруг ветер верховой:
Качнет кусты ольховые,
Подымет пыль цветочную,
Как облако,— всё зелено:
И воздух, и вода!

Идет-гудет Зеленый Шум,
Зеленый Шум, весенний шум!

Скромна моя хозяюшка
Наталья Патрикеевна,
Водой не замутит!
Да с ней беда случилася,
Как лето жил я в Питере...
Сама сказала, глупая,
Типун ей на язык!

В избе сам-друг с обманщицей
Зима нас заперла,
В мои глаза суровые
Глядит — молчит жена.
Молчу... а дума лютая
Покоя не дает:
Убить... так жаль сердечную!
Стерпеть — так силы нет!
А тут зима косматая
Ревет и день и ночь:

[1] Так народ называет пробуждение природы весной.

«Убей, убей изменницу!
Злодея изведи!
Не то весь век промаешься,
Ни днем, ни долгой ноченькой
Покоя не найдешь.
В глаза твои бесстыжие
Соседи наплюют!..»
Под песню-вьюгу зимнюю
Окрепла дума лютая —
Припас я вострый нож...
Да вдруг весна подкралася...

Идет-гудет Зеленый Шум,
Зеленый Шум, весенний шум!

Как молоком облитые,
Стоят сады вишневые,
Тихохонько шумят;
Пригреты теплым солнышком,
Шумят повеселелые
Сосновые леса;
А рядом новой зеленью
Лепечут песню новую
И липа бледнолистая,
И белая березонька
С зеленою косой!
Шумит тростинка малая,
Шумит высокий клен...
Шумят они по-новому,
По-новому, весеннему...

Идет-гудет Зеленый Шум,
Зеленый Шум, весенний шум!

Слабеет дума лютая,
Нож валится из рук,
И всё мне песня слышится
Одна — в лесу, в лугу:
«Люби, покуда любится,
Терпи, покуда терпится,
Прощай, пока прощается,
И — бог тебе судья!»

Начало 1863

ЧТО ДУМАЕТ СТАРУХА, КОГДА ЕЙ НЕ СПИТСЯ

В позднюю ночь над усталой деревнею
Сон непробудный царит,
Только старуху столетнюю, древнюю
Не посетил он.— Не спит,

Мечется по́ печи, охает, мается,
Ждет — не поют петухи!
Вся-то ей долгая жизнь представляется,
Всё-то грехи да грехи!

«Охти мне! часто владыку небесного
Я искушала грехом:
Нутко-се! с ходу-то, с ходу-то крестного
Раз я ушла с пареньком

В рощу... Вот то-то! мы смолоду дурочки,
Думаем: милостив бог!
Раз у соседки взяла из-под курочки
Пару яичек... ох! ох!

В страдную пору больной притворилася —
Мужа в побывку ждала...
С Федей-солдатиком чуть не слюбилася...
С мужем под праздник спала.

Охти мне... ох! угожу в преисподнюю!
Раз, как забрили сынка,
Я возроптала на благость господнюю,
В пост испила молока,—

То-то я грешница! то-то преступница!
С горя валялась пьяна...
Божия матерь! Святая заступница!
Вся-то грешна я, грешна!..»

Начало 1863

*

В полном разгаре страда деревенская...
Доля ты! — русская долюшка женская!
    Вряд ли труднее сыскать.

Не мудрено, что ты вянешь до времени,
Всевыносящего русского племени
    Многострадальная мать!

Зной нестерпимый: равнина безлесная,
Нивы, покосы да ширь поднебесная —
    Солнце нещадно палит.

Бедная баба из сил выбивается,
Столб насекомых над ней колыхается,
    Жалит, щекочет, жужжит!

Приподнимая косулю тяжелую,
Баба порезала ноженьку голую —
    Некогда кровь унимать!

Слышится крик у соседней полосыньки,
Баба туда — растрепалися косыньки,—
    Надо ребенка качать!

Что же ты стала над ним в отупении?
Пой ему песню о вечном терпении,
    Пой, терпеливая мать!..

Слезы ли, пот ли у ней над ресницею,
    Право, сказать мудрено.
В жбан этот, заткнутый грязной тряпицею,
    Канут они — всё равно!

Вот она губы свои опаленные
    Жадно подносит к краям...
Вкусны ли, милая, слезы соленые
    С кислым кваском пополам?..

Начало 1863

КУМУШКИ

Темен вернулся с кладби́ща Трофим;
Малые детки вернулися с ним,

Сын да девочка. Домой-то без матушки
Горько вернуться: дорогой ребятушки

Ревма-ревели; а тятька молчал.
Дома порылся, кубарь отыскал:

«Нате, ребята! — играйте, сердечные!»
И улыбнулися дети беспечные,

Жжжж-жи! запустили кубарь у ворот...
Кто ни проходит — жалеет сирот:

«Нет у вас матушки!» — молвила Марьюшка.
«Нету родимой!» — прибавила Дарьюшка.

Дети широко раскрыли глаза,
Стихли. У Маши блеснула слеза...

«Как теперь будете жить, сиротиночки!» —
И у Гришутки блеснули слезиночки.

«Кто-то вас будет ласкать-баловать?» —
Навзрыд заплакали дети опять.

«Полно, не плачьте!» — сказала Протасьевна,
«Уж не воротишь,— прибавила Власьевна.—

Грешную душеньку боженька взял,
Кости в могилушку поп закопал,

То-то, чай, холодно, страшно в могилушке?
Ну же, не плачьте! родные вы, милушки!..»

Пуще расплакались дети. Трофим
Крики услышал и выбежал к ним,

Стал унимать как умел, а соседушки
Ну помогать ему: «Полноте, детушки!

Что уж тут плакать? Пора привыкать
К доле сиротской; забудьте вы мать:

Спели церковники память ей вечную,
Чай, уж теперь ее гложет, сердечную,

Червь подземельный!..» Трофим поскорей
На руки взял — да в избенку детей!

Целую ночь проревели ребятушки:
«Нет у нас матушки! нет у нас матушки!

Матушку на небо боженька взял!»
Целую ночь с ними тятька не спал,

У самого расходилися думушки...
Ну, удружили досужие кумушки!

Январь 1863

ПЕСНЯ ОБ «АРГУСЕ»

Я полагал, с либерального
Есть направленья барыш —
Больше, чем с места квартального.
Что ж оказалося — шиш!
Бог меня свел с нигилистами,
Сами ленятся писать,
Платят всё деньгами чистыми,
Пробовал я убеждать:
«Мне бы хоть десять копеечек
С пренуметранта извлечь:
Ведь даровых-то статеечек
Много... куда их беречь?
Нужно во всем беспристрастие:
Вы их смешайте, друзья,
Да и берите на счастие...
Верьте, любая статья
Встретит горячих хвалителей,
Каждую будут бранить...»
Тщетно! моих разорителей
Я не успел убедить!

Часто, взбираясь на лесенку,
Где мой редактор живет,
Слышал я грозную песенку,
Вот вам ее перевод:
«Из уваженья к читателю,
Из уваженья к себе,
Нет снисхожденья к издателю —
Гибель, несчастный, тебе!..»
— «Но не хочу я погибели
(Я ему). Друг-нигилист!
Лучше хотел бы я прибыли».
Он же пускается в свист.

Выслушав эти нелепости,
Я от него убегал
И по мосткам против крепости
Обыкновенно гулял.
Там я бродил в меланхолии,
Там я любил размышлять,
Что не могу уже более
«Аргуса» я издавать.
Чин мой оставя в забвении
И не щадя седины,
Эти великие гении
Снять с меня рады штаны!
Лучше идти в переписчики,
Чем убиваться в наклад.
Бросишь изданье — подписчики
Скажут: дай деньги назад!
Что же мне делать, несчастному?
Благо, хоть совесть чиста:
Либерализму опасному
В сети попал я спроста...
Так по мосткам против крепости
Я в размышленьи гулял.
Полный нежданной свирепости,
Лед на мостки набежал.
С треском они расскочилися,
Нас по Неве понесло;
Все пешеходы смутилися,
Каждому плохо пришло!
Словно близ дома питейного,
Крики носились кругом.

Смотрим — нет моста Литейного!
Весь разнесло его льдом.
Вот, погоняемый льдинами,
Мчится на нас плашкоут,
Ропот прошел меж мужчинами,
Женщины волосы рвут!
Тут человек либерального
Образа мыслей, и тот
Звал на защиту квартального...
Я лишь был хладен как лед!
Что тут борьба со стихиею,
Если подорван кредит,
Если над собственной выею
Меч дамоклесов висит?..
Общее было смятение,
Я же на льдине стоял
И умолял провидение,
Чтоб запретили журнал...
Вышло б судеб покровительство!
Честь бы и деньги я спас,
Но не умеет правительство
В пору быть строгим у нас...
Нет, не оттуда желанное
Мне избавленье пришло —
Чудо свершилось нежданное:
На небе стало светло,
Вижу, на льдине сверкающей...
Вижу, является вдруг
Мертвые души скупающий
Чичиков! «Здравствуй, мой друг!
Ты приищи покупателя!» —
Он прокричал — и исчез!..
Благословляя создателя,
Мокрый, я на берег влез...

Всю эту бурю ужасную
Век сохраню я в душе —
Мысль получивши прекрасную,
Я же теперь в барыше!
Нет рокового издания!
Самая мысль о нем — прочь!..

Поздно, в трактире «Германия»,
В ту же ужасную ночь,
Греясь, сушась, за бутылкою
Сбыл я подписчиков, сбыл,
Сбыл их совсем — с пересылкою,
Сбыл — и барыш получил!..
Словно змеею укушенный,
Впрочем, легок и счастлив,
Я убежал из Конюшенной,
Этот пассаж совершив.
Чудилось мне, что нахальные
Мчатся подписчики вслед,
«Дай нам статьи либеральные! —
Хором кричат.— Дармоед!»
И ведь какие подписчики!
Их и продать-то не жаль.
Аптекаря, переписчики —
Словом, ужасная шваль!
Знай, что такая компания
Будет (и все в кураже!..),
Не начинал бы издания:
Аристократ я в душе.
Впрочем, средь бабьих передников
И неуклюжих лаптей —
Трое действительных статских советников,
Двое армянских князей!
Публика всё чрезвычайная,
Даже чиновников нет.
Охтенка — чтица случайная
(Втер ей за сливки билет!),
Дьякон какой-то, с рассрочкою
(Басом, разбойник, кричит),
Страж департаментский с дочкою —
Всё догоняет, шумит!
С хохотом, с грохотом, гиканьем
Мчатся густою толпой;
Визгами, свистом и шиканьем
Слух надрывается мой.
Верите ль? даже квартальные,
Взявшие даром билет,
«Дай нам статьи либеральные!» —
Хором кричат. Я в ответ:

«Полноте, други любезные,
Либерализм вам не впрок!»
Сам же в ворота железные
Прыг,— и защелкнул замок!
«Ну! отвязались, ракалии!..»
Тут я в квартиру нырнул
И, покуривши регалии,
Благополучно заснул.

———

Жаль мне редактора бедного!
Долго он будет грустить,
Что направления вредного
Негде ему проводить.
Встретились мы: я почтительно
Шляпу ему приподнял,
Он улыбнулся язвительно
И засвистал, засвистал!

Между январем и мартом 1863

ИЗ АВТОБИОГРАФИИ ГЕНЕРАЛ-ЛЕЙТЕНАНТА ФЕДОРА ИЛЛАРИОНОВИЧА РУДОМЕТОВА 2-го, УВОЛЕННОГО В ЧИСЛЕ ПРОЧИХ В 1857 ГОДУ

«Убил ты, точно, на веку
    Сто сорок два медведя,
Но прочитал ли хоть строку
    Ты в жизни, милый Федя?»

— «О нет! за множеством хлопот,
    Разводов и парадов,
По милости игры, охот,
    Балов и маскарадов,
Я книги в руки не бирал,
    Но близок с просвещеньем:
Я очень долго управлял
    Учебным учрежденьем.
В те времена всего важней
    Порядок был — до книг ли? —
Мы брили молодых людей
    И как баранов стригли!

Зато студент не бунтовал,
Хоть был с осанкой хватской,
Тогда закон не разбирал —
Военный или статский;
Дабы соединить с умом
Проворство и сноровку,
Пофилософствуй, а потом
Иди на маршировку!..

Случилось также мне попасть
В начальники цензуры,
Конечно, не затем, чтоб красть,—
Что взять с литературы? —
А так, порядок водворить...
Довольно было писку;
Умел я разом сократить
Журнальную подписку.
Пятнадцать цензоров сменил
(Всё были либералы),
Лицеям, школам воспретил
Выписывать журналы.

«Не успокоюсь, не поправ
Писателей свирепость!
Узнайте мой ужасный нрав,
И мощь мою — и крепость!» —

Я восклицал. Я их застиг,
Как ураган в пустыне,
И гибли, гибли сотни книг,
Как мухи в керосине!
Мать не встречала прописей
Для дочери-девчонки,
И лопнули в пятнадцать дней
Все книжные лавчонки!..

Потом, когда обширный край
Мне вверили по праву,
Девиз «Блюди — и усмиряй!»
Я оправдал на славу...
. . . .

Между январем и мартом 1863

КАЛИСТРАТ

Надо мной певала матушка,
Колыбель мою качаючи:
«Будешь счастлив, Калистратушка!
Будешь жить ты припеваючи!»

И сбылось, по воле божией,
Предсказанье моей матушки:
Нет богаче, нет пригожее,
Нет нарядней Калистратушки!

В ключевой воде купаюся,
Пятерней чешу волосыньки,
Урожаю дожидаюся
С непосеянной полосыньки!

А хозяйка занимается
На нагих детишек стиркою,
Пуще мужа наряжается —
Носит лапти с подковыркою!..

5 июня 1863

ПОЖАРИЩЕ

Весело бить вас, медведи почтенные,
Только до вас добираться невесело,
Кочи, ухабины, ели бессменные!
Каждое дерево ветви повесило,
Каркает ворон над белой равниною,
Нищий в деревне за дровни цепляется.
Этой сплошной безотрадной картиною
Сердце подавлено, взор утомляется.
Ой! надоела ты, глушь новгородская!
Ой! истомила ты, бедность крестьянская!
То ли бы дело лошадка заводская,
С полостью санки, прогулка дворянская?..
Даже церквей здесь почти не имеется.
Вот наконец впереди развлечение:
Что-то на белой поляне чернеется,
Что-то дымится,— сгорело селение!

Бедных, богатых не различающий,
Шутку огонь подшутил презабавную:
Только повсюду еще украшающий
Освобожденную Русь православную
Столб уцелел — и на нем сохраняются
Строки: «Деревня помещика Вечева».
С лаем собаки на нас не бросаются,
Думают, видно: украсть вам тут нечего!
(Так. А давно ли служили вы с верою,
Лаяли, злились до самозабвения
И на хребте своем шерсть черно-серую
Ставили дыбом в защиту селения?..)
Да на обломках стены штукатуренной
Крайнего дома — должно быть, дворянского —
Видны портреты: Кутузов нахмуренный,
Блюхер бессменный и бок Забалканского.
Лошадь дрожит у плетня почернелого,
Куры бездомные с холоду ежатся,
И на остатках жилья погорелого
Люди, как черви на трупе, копóшатся...

1863

ОРИНА, МАТЬ СОЛДАТСКАЯ

День-деньской моя печальница,
В ночь — ночная богомолица,
Векова моя сухотница...

Из народной песни

Чуть живые в ночь осеннюю
Мы с охоты возвращаемся,
До ночлега прошлогоднего,
Слава богу, добираемся.

«Вот и мы! Здорово, старая!
Что насупилась ты, кумушка!
Не о смерти ли задумалась?
Брось! пустая это думушка!

Посетила ли кручинушка?
Молви — может, и размыкаю».—

И поведала Оринушка
Мне печаль свою великую.

«Восемь лет сынка не видела,
Жив ли, нет — не откликается,
Уж и свидеться не чаяла,
Вдруг сыночек возвращается.

Вышло молодцу в бессрочные...
Истопила жарко банюшку,
Напекла блинов Оринушка,
Не насмотрится на Ванюшку!

Да недолги были радости.
Воротился сын больнехонек,
Ночью кашель бьет солдатика,
Белый плат в крови мокрехонек!

Говорит: «Поправлюсь, матушка!»
Да ошибся — не поправился,
Девять дней хворал Иванушка,
На десятый день преставился...»

Замолчала — не прибавила
Ни словечка, бесталанная.
«Да с чего же привязалася
К парню хворость окаянная?

Хилый, что ли, был с рождения?..»
Встрепенулася Оринушка:
«Богатырского сложения,
Здоровенный был детинушка!

Подивился сам из Питера
Генерал на парня этого,
Как в рекрутское присутствие
Привели его раздетого...

На избенку эту бревнышки
Он один таскал сосновые...
И вилися у Иванушки
Русы кудри как шелковые...»

И опять молчит несчастная...
«Не молчи — развей кручинушку!
Что сгубило сына милого —
Чай, спросила ты детинушку?»

— «Не любил, суда́рь, рассказывать
Он про жизнь свою военную,
Грех мирянам-то показывать
Душу — богу обреченную!

Говорить — гневить всевышнего,
Окаянных бесов радовать...
Чтоб не молвить слова лишнего,
На врагов не подосадовать,

Немота перед кончиною
Подобает христиа̀нину.
Знает бог, какие тягости
Сокрушили силу Ванину!

Я узнать не добивалася,
Никого не осуждаючи,
Он одни слова утешные
Говорил мне умираючи.

Тихо по двору похаживал
Да постукивал топориком,
Избу ветхую облаживал,
Огород обнес забориком;

Перекрыть сарай задумывал.
Не сбылись его желания:
Слег — и встал на ноги резвые
Только за день до скончания!

Поглядеть на солнце красное
Пожелал,— пошла я с Ванею:
Попрощался со скотинкою,
Попрощался с ригой, с банею.

Сенокосом шел — задумался.
«Ты прости, прости, полянушка!

Я косил тебя во младости!» —
И заплакал мой Иванушка!

Песня вдруг с дороги грянула,
Подхватил, что было голосу,
«Не белы снежки», закашлялся,
Задышался — пал на полосу!

Не стояли ноги резвые,
Не держалася головушка!
С час домой мы возвращалися...
Было время — пел соловушка!

Страшно в эту ночь последнюю
Было: память потерялася,
Всё ему перед кончиною
Служба эта представлялася.

Ходит, чистит амуницию,
Набелил ремни солдатские,
Языком играл сигналики,
Песни пел — такие хватские!

Артику́л ружьем выкидывал
Так, что весь домишка вздрагивал;
Как журавль стоял на ноженьке
На одной — носок вытягивал.

Вдруг метнулся... смотрит жалобно...
Повалился — плачет, кается,
Крикнул: «Ваше благородие!
Ваше!..» Вижу, задыхается.

Я к нему. Утих, послушался —
Лег на лавку. Я молилася:
Не пошлет ли бог спасение?..
К утру память воротилася,

Прошептал: «Прощай, родимая!
Ты опять одна осталася!..»
Я над Ваней наклонилася,
Покрестила, попрощалася,

И погас он, словно свеченька
Восковая, предыконная...»

Мало слов, а горя реченька,
Горя реченька бездонная!..

1863

ПАМЯТИ ДОБРОЛЮБОВА

Суров ты был, ты в молодые годы
Умел рассудку страсти подчинять.
Учил ты жить для славы, для свободы,
Но более учил ты умирать.

Сознательно мирские наслажденья
Ты отвергал, ты чистоту хранил,
Ты жажде сердца не дал утоленья;
Как женщину, ты родину любил,
Свои труды, надежды, помышленья

Ты отдал ей; ты честные сердца
Ей покорял. Взывая к жизни новой,
И светлый рай, и перлы для венца
Готовил ты любовнице суровой,

Но слишком рано твой ударил час
И вещее перо из рук упало.
Какой светильник разума угас!
Какое сердце биться перестало!

Года минули, страсти улеглись,
И высоко вознесся ты над нами...
Плачь, русская земля! но и гордись —
С тех пор, как ты стоишь под небесами,

Такого сына не рождала ты
И в недра не брала свои обратно:

Сокровища душевной красоты
Совмещены в нем были благодатно...
Природа-мать! когда б таких людей
Ты иногда не посылала миру,
Заглохла б нива жизни...

1864

ВОЗВРАЩЕНИЕ

И здесь душа унынием объята.
Неласков был мне родины привет;
Так смотрит друг, любивший нас когда-то,
Но в ком давно уж прежней веры нет.

Сентябрь шумел, земля моя родная
Вся под дождем рыдала без конца,
И черных птиц за мной летела стая,
Как будто бы почуяв мертвеца!

Волнуемый тоскою и боязнью,
Напрасно гнал я грозные мечты,
Меж тем как лес с какой-то неприязнью
В меня бросал холодные листы,

И ветер мне гудел неумолимо:
Зачем ты здесь, изнеженный поэт?
Чего от нас ты хочешь? Мимо! мимо!
Ты нам чужой, тебе здесь дела нет!

И песню я услышал в отдаленьи.
Знакомая, она была горька,
Звучало в ней бессильное томленье,
Бессильная и вялая тоска.

С той песней вновь в душе зашевелилось,
О чем давно я позабыл мечтать,
И проклял я то сердце, что смутилось
Перед борьбой — и отступило вспять!..

1864

«КРЕСТЬЯНСКИЕ ДЕТИ»

«МОРОЗ, КРАСНЫЙ НОС»

ЖЕЛЕЗНАЯ ДОРОГА

Ваня
(в кучерском армячке)
Папаша! кто строил эту дорогу?
Папаша
(в пальто на красной подкладке)
Граф Петр Андреевич Клейнмихель, душенька!
Разговор в вагоне

1

Славная осень! Здоровый, ядреный
Воздух усталые силы бодрит;
Лед неокрепший на речке студеной
Словно как тающий сахар лежит;

Около леса, как в мягкой постели,
Выспаться можно — покой и простор!
Листья поблекнуть еще не успели,
Желты и свежи лежат, как ковер.

Славная осень! Морозные ночи,
Ясные, тихие дни...
Нет безобразья в природе! И кочи,
И моховые болота, и пни —

Всё хорошо под сиянием лунным,
Всюду родимую Русь узнаю...
Быстро лечу я по рельсам чугунным,
Думаю думу свою...

2

Добрый папаша! К чему в обаянии
Умного Ваню держать?
Вы мне позвольте при лунном сиянии
Правду ему показать.

Труд этот, Ваня, был страшно громаден —
Не по плечу одному!
В мире есть царь: этот царь беспощаден,
Голод названье ему.

Водит он армии; в море судами
Правит; в артели сгоняет людей,
Ходит за плугом, стоит за плечами
Каменотесцев, ткачей.

Он-то согнал сюда массы народные.
Многие — в страшной борьбе,
К жизни воззвав эти дебри бесплодные,
Гроб обрели здесь себе.

Прямо дороженька: насыпи узкие,
Столбики, рельсы, мосты.
А по бокам-то всё косточки русские...
Сколько их! Ванечка, знаешь ли ты?

Чу! восклицанья послышались грозные!
Топот и скрежет зубов;
Тень набежала на стекла морозные...
Что там? Толпа мертвецов!

То обгоняют дорогу чугунную,
То сторонами бегут.
Слышишь ты пение?.. «В ночь эту лунную
Любо нам видеть свой труд!

Мы надрывались под зноем, под холодом,
С вечно согнутой спиной,
Жили в землянках, боролися с голодом,
Мерзли и мокли, болели цынгой.

Грабили нас грамотеи-десятники,
Секло начальство, давила нужда...
Всё претерпели мы, божии ратники,
Мирные дети труда!

Братья! Вы наши плоды пожинаете!
Нам же в земле истлевать суждено...
Всё ли нас, бедных, добром поминаете
Или забыли давно?..»

Не ужасайся их пения дикого!
С Волхова, с матушки Волги, с Оки,

С разных концов государства великого —
Это всё братья твои — мужики!

Стыдно робеть, закрываться перчаткою,
Ты уж не маленький!.. Волосом рус,
Видишь, стоит, изможден лихорадкою,
Высокорослый, больной белорус:

Губы бескровные, веки упавшие,
    Язвы на тощих руках,
Вечно в воде по колено стоявшие
Ноги опухли; колтун в волосах;

Ямою грудь, что на заступ старательно
Изо дня в день налегала весь век...
Ты приглядись к нему, Ваня, внимательно:
Трудно свой хлеб добывал человек!

Не разогнул свою спину горбатую
Он и теперь еще: тупо молчит
И механически ржавой лопатою
    Мерзлую землю долбит!

Эту привычку к труду благородную
Нам бы не худо с тобой перенять...
Благослови же работу народную
И научись мужика уважать.

Да не робей за отчизну любезную...
Вынес достаточно русский народ,
Вынес и эту дорогу железную —
Вынесет всё, что господь ни пошлет!

Вынесет всё — и широкую, ясную
Грудью дорогу проложит себе.
Жаль только — жить в эту пору прекрасную
Уж не придется — ни мне, ни тебе.

3

В эту минуту свисток оглушительный
Взвизгнул — исчезла толпа мертвецов!
«Видел, папаша, я сон удивительный,—
Ваня сказал,— тысяч пять мужиков,

Русских племен и пород представители
Вдруг появились — и *он* мне сказал:
„Вот они — нашей дороги строители!..”»
Захохотал генерал!

«Был я недавно в стенах Ватикана,
По Колизею две ночи бродил,
Видел я в Вене святого Стефана,
Что же... всё это народ сотворил?

Вы извините мне смех этот дерзкий,
Логика ваша немножко дика.
Или для вас Аполлон Бельведерский
Хуже печного горшка?

Вот ваш народ — эти термы и бани,
Чудо искусства — он всё растаскал!»
— «Я говорю не для вас, а для Вани...»
Но генерал возражать не давал:

«Ваш славянин, англосакс и германец
Не создавать — разрушать мастера,
Варвары! дикое скопище пьяниц!..
Впрочем, Ванюшей заняться пора;

Знаете, зрелищем смерти, печали
Детское сердце грешно возмущать.
Вы бы ребенку теперь показали
Светлую сторону...»

4

— «Рад показать!
Слушай, мой милый: труды роковые
Кончены — немец уж рельсы кладет.
Мертвые в землю зарыты; больные
Скрыты в землянках; рабочий народ

Тесной гурьбой у конторы собрался...
Крепко затылки чесали они:
Каждый подрядчику должен остался,
Стали в копейку прогульные дни!

Всё заносили десятники в книжку —
Брал ли на баню, лежал ли больной.
«Может, и есть тут теперича лишку,
Да вот поди ты!..» — махнули рукой...

В синем кафтане — почтенный лабазник,
Толстый, присадистый, красный, как медь,
Едет подрядчик по линии в праздник,
Едет работы свои посмотреть.

Праздный народ расступается чинно...
Пот отирает купчина с лица
И говорит, подбоченясь картинно:
«Ладно... нешто... молодца́!.. молодца!..

С богом, теперь по домам,— проздравляю!
(Шапки долой — коли я говорю!)
Бочку рабочим вина выставляю
И — *недоимку дарю...*»

Кто-то «ура» закричал. Подхватили
Громче, дружнее, протяжнее... Глядь:
С песней десятники бочку катили...
Тут и ленивый не мог устоять!

Выпряг народ лошадей — и купчину
С криком «ура»» по дороге помчал...
Кажется, трудно отрадней картину
Нарисовать, генерал?..

1864

ПРИТЧА О ЕРМОЛАЕ ТРУДЯЩЕМСЯ

Раньше людей Ермолай подымается,
Позже людей с полосы возвращается,

Разбогатеть ему хочется пашнею.
Правит мужик свою ну́жду домашнюю

Да и семян запасает порядочно —
Тужит, землицы ему недостаточно!

Сила меж тем в мужике убавляется,
Старость подходит, частенько хворается,—

Стало хозяйство тогда поправлятися:
Стало земли от семян оставатися!

1864

НАЧАЛО ПОЭМЫ

Опять она, родная сторона
С ее зеленым, благодатным летом,
И вновь душа поэзией полна...
Да, только здесь могу я быть поэтом!

(На Западе — не вызвал я ничем
Красивых строф, пластических и сильных,
В Германии я был как рыба нем,
В Италии — писал о русских ссыльных,

Давно то было... Город наш родной,
Санкт-Петербург, как он ни поэтичен,
Но в нем я постоянно сам не свой —
Зол, озабочен или апатичен...)

Опять леса в уборе вековом,
Зверей и птиц угрюмые чертоги,
И меж дерев, нависнувших шатром,
Травнистые, зеленые дороги!

На первый раз сказать позвольте вам,
Чем пахнут вообще дороги наши —
То запах дегтя с сеном пополам.
Не знаю, каково на нервы ваши

Он действует, но мне приятен он,
Он мысль мою свежит и направляет:
Куда б мечтой я ни был увлечен,
Он вмиг ее к народу возвращает...

Чу! воз скрипит! Плетутся два вола,
Снопы пред нами в зелени ныряют,
Подобие зеленого стола,
На коем груды золота мелькают.

(Друзья мои картежники! для вас
Придумано сравненье на досуге...)
Но мы догнали воз — и порвалась
Нить вольных мыслей. Вздрогнул я в испуге:

Почудились на этом мне возу,
Сидящие рядком, как на картине,
Столичный франт со стеклышком в глазу
И барыня в широком кринолине!..

1864

О ПОГОДЕ

УЛИЧНЫЕ ВПЕЧАТЛЕНИЯ

Что за славная столица
Развеселый Петербург!

Лакейская песня

<Часть первая>

1

УТРЕННЯЯ ПРОГУЛКА

Слава богу, стрелять перестали!
Ни минуты мы нынче не спали,
И едва ли кто в городе спал:
Ночью пушечный гром грохотал,
Не до сна! Вся столица молилась,
Чтоб Нева в берега воротилась,
И минула большая беда —
Понемногу сбывает вода.
Начинается день безобразный —
Мутный, ветреный, темный и грязный.
Ах, еще бы на мир нам с улыбкой смотреть!
Мы глядим на него через тусклую сеть,
Что как слезы струится по окнам домов
От туманов сырых, от дождей и снегов!
Злость берет, сокрушает хандра,
Так и просятся слезы из глаз.

Нет! Я лучше уйду со двора...
Я ушел — и наткнулся как раз
На тяжелую сцену. Везли на погост
Чей-то вохрой окрашенный гроб
Через длинный Исакиев мост.
Перед гробом не шли ни родные, ни поп,
Не лежала на нем золотая парча,
Только, в крышу дощатого гроба стуча,
Прыгал град да извозчик-палач
Бил кургузым кнутом спотыкавшихся кляч,
И вдоль спин побелевших удары кнута
Полосами ложились. Съезжая с моста,
Зацепила за дроги коляска, стремглав
С офицером, кричавшим: «Пошел!» — проскакав,
Гроб упал и раскрылся.

«Сердечный ты мой!
Натерпелся ты горя живой,
Да пришлося терпеть и по смерти...
То случился проклятый пожар,
То теперь наскакали вдруг — черти!
Вот уж подлинно бедный Макар!
Дом-то, где его тело стояло,
Загорелся,— забыли о нем,—
Я схватилась: побились немало,
Да спасли-таки гроб целиком,
Так опять неудача сегодня!
Видно, участь его такова...
Расходилась рука-то господня,
Не удержишь!..»

Такие слова
Говорила бездушно и звонко,
Подбежав к мертвецу впопыхах,
Провожавшая гроб старушонка,
В кацавейке, в мужских сапогах.
«Вишь проклятые! Ехать им тесно!»
— «Кто он был?» — я старуху спросил.
«Кто он был? да чиновник, известно;
В департаментах разных служил.
Петербург ему солон достался:
В наводненье жену потерял,

Целый век по квартирам таскался
И четырнадцать раз погорал.
А уж службой себя как неволил!
В будни сиднем сидел да писал,
А по праздникам ноги мозолил —
Всё начальство свое поздравлял.
Вот и кончилось тем — простудился!
Звал из Шуи родную сестру,
Да деньжонок послать поскупился.
„Так один, говорит, и умру,
Не дождусь... кто меня похоронит?
Хоть уж ты не оставь, помоги!"
Страх, бывало, возьмет, как застонет!
„Подари, говорю, сапоги,
А то вишь разошелся дождище!
Неравно в самом деле умрешь,
В чем пойду проводить на кладбище?"
Закивал головой...» — «Ну и что ж?»
— «Ну и умер — и больше ни слова:
Надо места искать у другого!»
— «И тебе его будто не жаль?»
— «Что жалеть! нам жалеть недосужно,
Что жалеть? хоронить теперь нужно.
Эка, батюшки, страшная даль!
Эко времечко!.. господи боже!
Как ни дорого бедному жить,
Умирать ему вдвое дороже:
На кладбище-то место купить,
Да попу, да на гроб, да на свечи...»

Говоря эти грустные речи,
До кладбища мы скоро дошли
И покойника в церковь внесли.
Много их там гуртом отпевалось,
Было тесно — и трудно дышалось.
Я ушел по кладбищу гулять;
Там одной незаметной могилы,
Где уснули великие силы,
Мне хотелось давно поискать.

Сделав даром три добрые круга,
Я у сторожа вздумал спросить.

Имя, званье, все признаки друга
Он заставил пять раз повторить
И сказал: «Нет, такого не знаю;
А, пожалуй, примету скажу,
Как искать: ты ищи его с краю,
Перешедши вон эту межу,
И смотри: где кресты — там мещане,
Офицеры, простые дворяне;
Над чиновником больше плита,
Под плитой же бывает учитель,
А где нет ни плиты, ни креста,
Там, должно быть, и есть сочинитель».

За совет я спасибо сказал,
Но могилы в тот день не искал.
Я старуху знакомую встретил
И покойника с ней хоронил.
День, по-прежнему гнил и не светел,
Вместо града дождем нас мочил.
Средь могил, по мосткам деревянным
Довелось нам долгонько шагать.
Впереди, под навесом туманным
Открывалась болотная гладь:
Ни жилья, ни травы, ни кусточка,
Всё мертво — только ветер свистит.
Вон виднеется черная точка:
Это сторож. «Скорее! — кричит.
По танцующим жердочкам прямо
Мы направились с гробом туда.
Наконец вот и свежая яма,
И уж в ней по колено вода!
В эту воду мы гроб опустили,
Жидкой грязью его завалили,
И конец! Старушонка опять
Не могла пересилить досады:
«Ну, дождался, сердечный, отрады!
Что б уж, кажется, с мертвого взять?
Да господь, как захочет обидеть.
Так обидит: вчера погорал,
А сегодня, изволите видеть,
Из огня прямо в воду попал!»

Я взглянул на нее — и заметил,
Что старухе-то жаль бедняка:
Бровь одну поводило слегка...
Я немым ей поклоном ответил
И ушел... Я доволен собой,
Я недаром на улицу вышел:
Я хандру разогнал — и смешной
Каламбур на кладбище услышал,
Подготовленный жизнью самой...

27 декабря 1858

2

ДО СУМЕРЕК

1

Ветер что-то удушлив не в меру,
В нем зловещая нота звучит,
Всё холеру — холеру — холеру —
Тиф и всякую немочь сулит!
Все больны, торжествует аптека
И варит свои зелья гуртом;
В целом городе нет человека,
В ком бы желчь не кипела ключом;
Муж, супругою страстно любимый,
В этот день не понравится ей,
И преступник, сегодня судимый,
Вдвое больше получит плетей.
Всюду встретишь жестокую сцену,—
Полицейский, не в меру сердит,
Тесаком, как в гранитную стену,
В спину бедного Ваньки стучит.
Чу! визгливые стоны собаки!
Вот сильней,— видно, треснули вновь...
Стали греться — догрелись до драки
Два калашника... хохот — и кровь!

2

Под жестокой рукой человека
Чуть жива, безобразно тоща,
Надрывается лошадь-калека,
Непосильную ношу влача.

Вот она зашаталась и стала.
«Ну!» — погонщик полено схватил
(Показалось кнута ему мало) —
И уж бил ее, бил ее, бил!
Ноги как-то расставив широко,
Вся дымясь, оседая назад,
Лошадь только вздыхала глубоко
И глядела... (так люди глядят,
Покоряясь неправым нападкам).
Он опять: по спине, по бокам,
И вперед забежав, по лопаткам
И по плачущим, кротким глазам!
Всё напрасно. Клячонка стояла,
Полосатая вся от кнута,
Лишь на каждый удар отвечала
Равномерным движеньем хвоста.
Это праздных прохожих смешило,
Каждый вставил словечко свое,
Я сердился — и думал уныло:
«Не вступиться ли мне за нее?
В наше время сочувствовать мода,
Мы помочь бы тебе и не прочь,
Безответная жертва народа,—
Да себе не умеем помочь!»
А погонщик недаром трудился —
Наконец-таки толку добился!
Но последняя сцена была
Возмутительней первой для взора:
Лошадь вдруг напряглась — и пошла
Как-то боком, нервически скоро,
А погонщик при каждом прыжке,
В благодарность за эти усилья,
Поддавал ей ударами крылья
И сам рядом бежал налегке.

3

Я горячим рожден патриотом,
Я весьма терпеливо стою,
Если войско, несметное счетом,
Переходит дорогу мою.

Ускользнут ли часы из кармана,
До костей ли прохватит мороз
Под воинственный гром барабана,
Не жалею: я истинный росс!
Жаль, что нынче погода дурная,
Солнца нет, кивера не блестят
И не лоснится масть вороная
Лошадей... Только сабли звенят;
На солдатах едва ли что сухо,
С лиц бегут дождевые струи,
Артиллерия тяжко и глухо
Подвигает орудья свои.
Всё молчит. В этой раме туманной
Лица воинов жалки на вид,
И подмоченный звук барабанный
Словно издали жидко гремит...

4

Прибывает толпа ожидающих,
Сколько дрожек, колясок, карет!
Пеших, едущих, праздно-зевающих
Счету нет!
Тут квартальный с захваченным пьяницей,
Как Федотов его срисовал;
Тут старуха с аптечною сткляницей,
Тут жандармский седой генерал;
Тут и дама такая сердитая —
Открывай ей немедленно путь!
Тут и лошадь, недавно побитая:
Бог привел и ее отдохнуть!
Смотрит прямо в окошко каретное,
На стекле надышала пятно.
Вот лицо, молодое, приветное,
Вот и ручка,— раскрылось окно,
И погладила клячу несчастную
Ручка белая... Дождь зачастил,
Словно спрятаться ручку прекрасную
Поскорей торопил.
Тут бедняк итальянец с фигурами,
Тут чухна, продающий грибы,
Тут рассыльный Минай с корректурами.
«Что, старинушка, много ходьбы?»

— «Много было до сорок девятого;
Отдохнули потом... да опять
С пятьдесят этак прорвало с пятого,
Успевай только ноги таскать!»
— «А какие ты носишь издания?»
— «Пропасть их — перечесть мудрено.
Я «Записки» носил с основания,
С «Современником» нянчусь давно:
То носил к Александру Сергеичу,
А теперь уж тринадцатый год
Всё ношу к Николай Алексеичу,—
На Литейной живет.
Слог хорош, а жиденько издание,
Так, оберточкой больше берут.
Вот «Записки» — одно уж название!
Но и эти, случается, врут.
Всё зарезать друг дружку стараются.
Впрочем, нас же надуть норовят:
В месяц тридцать листов обещаются,
А рассыльный таскай шестьдесят!
Знай ходи — то в Коломну, то к Невскому,
Даже Фрейганг устанет марать:
«Объяви, говорит, ты Краевскому,
Что я больше не стану читать!..»
Вот и нынче несу что-то спешное —
Да пускай подождут, не впервой.
Эх, умаялось тело-то грешное!..»
— «Да, пора бы тебе на покой».
— «То-то нет! Говорили мне многие,
Даже доктор (в тридцатом году
Я носил к нему «Курс патологии»):
«Жить тебе, пока ты на ходу!»
И ведь точно: сильней нездоровится,
Коли в праздник ходьба остановится:
Ноет спинушка, жилы ведет!
Я хожу уж полвека без малого,
Человека такого усталого
Не держи — пусть идет!
Умереть бы привел бог со славою,
Отдохнуть отдохнем, потрудясь...»
Принял позу старик величавую,
На Исакия смотрит, крестясь.

Мне понравилась речь эта странная.
«Трудно дело твое!» — я сказал.
«Дела нет, а ходьба беспрестанная,
Зато город я славно узнал!
Знаю, сколько в нем храмов считается,
В каждой улице сколько домов,
Сколько вывесок, сколько шагов
(Так, идешь да считаешь, случается).
Грешен, знаю число кабаков.
Что ни есть в этом городе жителей,
Всех по времени вызнал с лица».
— «Ну, а много видал сочинителей?»
— «День считай — не дойдешь до конца,
Чай, и счет потерял в литераторах!
Коих помню — пожалуй, скажу.
При царице, при трех императорах
К ним ходил... при четвертом хожу:
Знал Булгарина, Греча, Сенковского,
У Воейкова долго служил,
В Шепелевском[1] сыпал у Жуковского
И у Пушкина в Царском гостил.
Походил я к Василью Андреичу,
Да гроша от него не видал,
Не чета Александру Сергеичу —
Тот частенько на водку давал.
Да зато попрекал всё цензурою:
Если красные встретит кресты,
Так и пустит в тебя корректурою:
Убирайся, мол, ты!
Глядя, как человек убивается,
Раз я молвил: сойдет-де и так!
„Это кровь, говорит, проливается,
Кровь моя,— ты дурак!..“»

5

Полно ждать! за последней колонною
Отсталые прошли,
И покрытого красной попоною
В заключенье коня провели.

---

[1] Дворец, где долго жил Жуковский.

Торжествуя конец ожидания,
Кучера завопили: «Пади!»
Всё спешит. «Ну, старик, до свидания,
Коли нужно идти, так иди!!!»

6

Я, продрогнув, домой побежал.
Небо, видно, сегодня не сжалится:
Только дождь перестал,
Снег лепешками крупными валится!
Город начал пустеть — и пора!
Только бедный да пьяный шатаются,
Да близ медной статýи Петра,
У присутственных мест дожидаются
Сотни сотен крестьянских дровней
И так щедро с небес посыпаются,
Что за снегом не видно людей.
Чу! рыдание баб истеричное!
Сдали парня?.. Жалей не жалей,
Перемелется — дело привычное!
Злость-тоску мужики на лошадках сорвут,
Коли денежки есть — раскошелятся
И кручинушку штофом запьют,
А слезами-то бабы поделятся!
По ведерочку слез на сестренок уйдет,
С полведра молодухе достанется,
А старуха-то мать и без меры возьмет —
И без меры возьмет — что останется!

10 февраля 1859

3

СУМЕРКИ

Говорят, еще день. Правда, я не видал,
Чтобы месяц свой рог золотой показал,
Но и солнца не видел никто.
Без его даровых, благодатных лучей
Золоченые куполы пышных церквей
И вся роскошь столицы — ничто.

Надо всем, что ни есть: над дворцом и тюрьмой,
И над медным Петром, и над грозной Невой,
До чугунных коней на воротах застав
(Что хотят ускакать из столицы стремглав) —
Надо всем распростерся туман.
Душный, стройный, угрюмый, гнилой,
Некрасив в эту пору наш город большой,
Как изношенный фат без румян...

Наша улица улиц столичных краса,
В ней дома всё в четыре этáжа,
Не лазурны над ней небеса,
Да зато процветает продажа.
Сверху донизу вывески сплошь
Покрывают громадные стены,
Сколько хочешь тут немцев найдешь —
Из Берлина, из Риги, из Вены.
Всё соблазны, помилуй нас бог!
Там перчатка с руки великана,
Там торчит Веллингтонов сапог,
Там с открытою грудью Диана,
Даже ты, Варсонофий Петров,
Подле вывески «Делают гробы»
Прицепил полужёные скобы
И другие снаряды гробов,
Словно хочешь сказать: «Друг прохожий!
Соблазнись — и умри поскорей!»
Человек ты, я знаю, хороший,
Да многонько родил ты детей —
Непрестанные нужны заказы...
Ничего! обеспечен твой труд,
Бедность гибельней всякой заразы —
В нашей улице люди так мрут,
Что по ней то и знай на кладбища,
Как в холеру, тащат мертвецов:
Холод, голод, сырые жилища —
Не робей, Варсонофий Петров!..

В нашей улице жизнь трудовая:
Начинают ни свет ни заря
Свой ужасный концерт, припевая,
Токари, резчики, слесаря:

А в ответ им гремит мостовая!
Дикий крик продавца-мужика,
И шарманка с пронзительным воем,
И кондуктор с трубой, и войска,
С барабанным идущие боем,
Понуканье измученных кляч,
Чуть живых, окровавленных, грязных,
И детей раздирающий плач
На руках у старух безобразных —
Всё сливается, стонет, гудет,
Как-то глухо и грозно рокочет,
Словно цепи куют на несчастный народ,
Словно город обрушиться хочет.
Давка, говор... (о чем голоса?
Всё о деньгах, о нужде, о хлебе)
Смрад и копоть. Глядишь в небеса,
Но отрады не встретишь и в небе.

Этот омут хорош для людей,
Расставляющих ближнему сети,
Но не жалко ли бедных людей!
Вы зачем тут, несчастные дети?
Неужели душе молодой
Уж знакомы нужда и неволя?
Ах, уйдите, уйдите со мной
В тишину деревенского поля!
Не такой там услышите шум,—
Там шумит созревающий колос,
Усыпляя младенческий ум
И страстей преждевременный голос.
Солнце, воздух, цветов аромат —
Это всех поколений наследство,
За пределами душных оград
Проведете вы сладкое детство.
Нет! вам красного детства не знать,
Не прожить вам покойно и честно.
Жребий ваш... но к чему повторять
То, что даже ребенку известно?

На спине ли дрова ты несешь на чердак,
Через лоб протянувши веревку,
Грош ли просишь, идешь ли в кабак,

Задают ли тебе потасовку —
Ты знаком уже нам, петербургский бедняк,
Нарисованный ловкою кистью
В модной книге,— угрюмый, худой,
Обессмысленный дикой корыстью,
Страхом, голодом, мелкой борьбой!
Мы довольно похвал расточали,
И довольно сплели мы венков
Тем, которые нам рисовали
Любопытную жизнь бедняков.
Где ж плоды той работы полезной?
Увидав, как читатель иной
Льет над книгою слезы рекой,
Так и хочешь сказать: «Друг любезный,
Не сочувствуй ты горю людей,
Не читай ты гуманных книжонок,
Но не ставь за каретой гвоздей,
Чтоб, вскочив, накололся ребенок!»

Между январем и 15 марта 1859

Часть вторая

4

КРЕЩЕНСКИЕ МОРОЗЫ

«Государь мой! куда вы бежите?»
— «В канцелярию; что за вопрос?
Я не знаю вас!» — «Трите же, трите
Поскорей, бога ради, ваш нос!
Побелел!» — «А! весьма благодарен!»
— «Ну, а мой-то?» — «Да ваш лучезарен!»
— «То-то! — принял я меры...» — «Чего-с?»
— «Ничего. Пейте водку в морозы —
Сбережете наверно ваш нос,
На щеках же появятся розы!»

Усмехнувшись, они разошлись,
И за каждым извозчик помчался.
Бедный Ванька! надеждой не льстись,
Чтоб сегодня седок отыскался:

Двадцать градусов, ветер притом,—
Бескаретные ходят пешком.

Разыгралися силы господни!
На пространстве пяти саженей
Насчитаешь, наверно, до сотни
Отмороженных щек и ушей.
Двадцать градусов! щеки и уши
Не беда,— как-нибудь ототрем!
Целиком христианские души
Часто гибнут теперь; подождем —
Часовой ли замерзнет, бедняга,
Или Ванька, уснувший в санях,
Всё прочтем, коли стерпит бумага,
Завтра утром в газетных листах.

Ежедневно газетная проза
Обличает проделки мороза;
Кучера его громко клянут,
У подъездов господ поджидая,
Бедняки ему песню поют,
Зубом на зуб едва попадая:

«Уходи из подвалов сырых,
Полутемных, зловонных, дымящихся,
Уходи от голодных, больных,
Озабоченных, вечно трудящихся,
Уходи, уходи, уходи!
Петербургскую голь пощади!»

Но мороз не щадит,— прибавляется.
Приуныла столица; один
Самоед на Неве удивляется:
От каких чрезвычайных причин
На оленях никто не катается?
Там, где строй заготовленных льдин
Возвышается синею клеткою,
Ходит он со своей самоедкою,
Песни родины дальней поет,
Седока-благодетеля ждет...

Самоедские нервы и кости
Стерпят всякую стужу, но вам,

Голосистые южные гости,
Хорошо ли у нас по зимам?
Вспомним — Бозио. Чванный Петрополь
Не жалел ничего для нее.
Но напрасно ты кутала в соболь
Соловьиное горло свое,
Дочь Италии! С русским морозом
Трудно ладить полуденным розам.

Перед силой его роковой
Ты поникла челом идеальным,
И лежишь ты в отчизне чужой
На кладбище пустом и печальном.
Позабыл тебя чуждый народ
В тот же день, как земле тебя сдали,
И давно там другая поет,
Где цветами тебя осыпали.
Там светло, там гудет контрабас,
Там по-прежнему громки литавры.
Да! на севере грустном у нас
Трудны деньги и дороги лавры!

Всевозможные тифы, горячки,
Воспаленья — идут чередом,
Мрут, как мухи, извозчики, прачки,
Мерзнут дети на ложе своем.
Ни в одной петербургской больнице
Нет кровати за сотню рублей.
Появился убийца в столице,
Бич довольных и сытых людей.
С бедняками, с сословием грубым,
Не имеет он дела! тайком
Ходит он по гостиным, по клубам
С смертоносным своим кистенем.

«Побранился с супругой своею
После ужина Нестор Фомич,
Ухватил за короткую шею
И прихлопнул его паралич!
Генерал Федор Карлыч фон Штубе,
Десятипудово́й генерал,
Скушал четверть телятины в клубе,

Крикнул: «Пас!» — и со стула не встал!»
Таковы-то теперь разговоры,
Что ни день, то плачевная весть:
В клубах мрак и унынье: обжоры
Поклялися не пить и не есть.

Мучим голодом, страхом томимый,
Сановит и солиден на вид,
В сильный ветер, в мороз нестерпимый,
Кто по Невскому быстро бежит?
И кого он на Невском встречает?
И о чем начался разговор?
В эту пору никто не гуляет,
Кроме мнительных, тучных обжор.
Говоря меж собой про удары,
Повторяя обеты не есть,
Ходят эти угрюмые пары,
До обеда не смея присесть,
А потом наедаются вдвое,
И наутро разносится слух,
Слух ужасный — о новом герое,
Испустившем нечаянно дух!

Никакие известья из Вильно,
Никакие статьи из Москвы [1]
Нас теперь не волнуют так сильно,
Как подобные слухи... Увы!
Неприятно с местечек солидных,
Из хороших казенных квартир
Вдруг, без всяких причин благовидных,
Удаляться в неведомый мир!
Впрочем, если уж смерть неизбежна,
Так зимой умирать хорошо:
Для супруги, нас любящей нежно,
Сохранимся мы чисто, свежо
До последней минуты лобзанья,
И друзьям нашим будет легко
Подходить к нам в минуту прощанья;
Понесут они гроб далеко.

---

[1] Писано в разгар деятельности М. Н. Муравьева и М. Н. Каткова.

Похоронная музыка чище
И звончей на морозе слышна,
Вместо грязи покрыто кладбище
Белым снегом; сурово-пышна
Обстановка; гроб бросят не в лужу,
Червь не скоро в него заползет,
Сам покойник в жестокую стужу
Дольше важный свой вид сбережет.
И притом, если друг неутешный
Нас живьем схоронить поспешит,
Мы избавимся муки кромешной:
Дело смерти мороз довершит.

Умирай же, богач, в стужу сильную!
Бедняки пускай осенью мрут,
Потому что за яму могильную
Вдвое больше в морозы берут.

Между 1863 и 1865

5

КОМУ ХОЛОДНО, КОМУ ЖАРКО!

Свечерело. В предместиях дальных,
Где, как черные змеи, летят
Клубы дыма из труб колоссальных,
Где сплошными огнями горят
Красных фабрик громадные стены,
Окаймляя столицу кругом,—
Начинаются мрачные сцены.
Но в предместия мы не пойдем.
Нам зимою приятней столица
Там, где ярко горят фонари,
Где гуляют довольные лица,
Где катаются сами цари.

Надышавшись классической пылью
В Петербурге, паспо́рт мы берем
И чихать уезжаем в Севилью.
Но кто летом толкается в нем,
Тот ему одного пожелает —
Чистоты, чистоты, чистоты!

Грязны улицы, лавки, мосты,
Каждый дом золотухой страдает;
Штукатурка валится — и бьет
Тротуаром идущий народ,
А для едущих есть мостовая,
Не щадящая бедных боков;
Летом взроют ее, починяя,
Да наставят зловонных костров;
Как дорогой бросаются в очи
На зеленом лугу светляки,
Ты заметишь в туманные ночи
На вершине костров огоньки,—
Берегись!.. В дополнение, с мая,
Не весьма-то чиста и всегда,
От природы отстать не желая,
Зацветает в каналах вода...

(Наша муза парит невысоко,
Но мы пишем не легкий сонет,
Наше дело исчерпать глубоко
Воспеваемый нами предмет.)

Уж давно в тебя летней порою
Не случалося нам заглянуть,
Милый город! где трудной борьбою
Надорвали мы смолоду грудь,
Но того мы еще не забыли,
Что в июле пропитан ты весь
Смесью водки, конюшни и пыли —
Характерная русская смесь.

Но зимой — дышишь вольно; для глаза —
Роскошь! Улицы, зданья, мосты
При волшебном сиянии газа
Получают печать красоты.
Как проворно по хрупкому снегу
Мчится тысячный, кровный рысак!
Даже клячи извозчичьи бегу
Прибавляют теперь. Каждый шаг,
Каждый звук так отчетливо слышен,
Всё свежо, всё эффектно: зимой,
Словно весь посеребренный, пышен
Петербург самобытной красой!

По каналам, что летом зловонны,
Блещет лед, ожидая коньков,
Серебром отливают колонны,
Орнаме́нты ворот и мостов;
В серебре лошадиные гривы,
Шапки, бороды, брови людей,
И, как бабочек крылья, красивы
Ореолы вокруг фонарей!

Пусть с какой-то тоской безотрадной
Месяц с ясного неба глядит
На Неву, что гробницей громадной
В берегах освещенных лежит,
И на шпиль, за угрюмой Невою,
Перед длинной стеной крепостною,
Наводящей унынье и сплин.
Мы не тужим. У русской столицы,
Кроме мрачной Невы и темницы,
Есть довольно и светлых картин.

Невский полон: эстампы и книги,
Бриллианты из окон глядят,
Вновь прибывшие девы из Риги
Неподдельным румянцем блестят.
Всюду люди — шумят, суетятся.
Вот красивая тройка бежит:
«Не хотите ли с нами кататься?» —
Деве бравый усач говорит.
Поглядела, подумала, села.
И другую сманили,— летят!
Полумерзлые девы несмело
На своих кавалеров глядят.
«Ваше имя?» — «Матильда».— «А ваше?»
— «Александра». К Матильде один,
А другой подвигается к Саше.
«Вы модистка?» — «Да, шью в магазин».
— «Эй! пошел хорошенько, Тараска!» —
Город из виду скоро пропал.

Начинается зимняя сказка:
Ветер злился, гудел и стонал,

Франты песню удалую пели,
Кучер громко подтягивал ей,
Кони, фыркая, вихрем летели,
Злой мороз пробирал до костей.
Прискакали в открытое поле.
«Да куда же везете вы нас?
Мы одеты легко... мудрено ли
Простудиться?» — «Приедем сейчас!
Ну, потрогивай! живо, дружище!»
Снова скачут! Могилы вокруг.
Монументы... «Да это кладбище»,—
Шепчет Саша Матильде — и вдруг
Сани набок! Упали девицы...
Повернули назад господа,
И умчали их кони, как птицы.
Девы встали. «Куда ж вы? куда?»
Нет ответа! Несчастные девы
В чистом поле остались одни.
Дикий хохот, лихие напевы
Постепенно умолкли. Они
Огляделись: безлюдно и тихо,
Звезды с ясного неба глядят...
«Мы сегодня потешились лихо!» —
Франты в клубе друзьям говорят...

А театры, балы, маскарады?
Впрочем, здесь и конец, господа,
Мы бы там побывать с вами рады,
Но нас цензор не пустит туда.
До того, что творится в природе,
Дела нашему цензору нет.
«Вы взялися писать о погоде,
Воспевайте же данный предмет!»

— «Но озябли мы, друг наш угрюмый!
Пощади — нам погреться пора!»
— «Вот вам случай — взгляните: над Думой
Показались два красных шара.
В вашей власти наполнить пожаром
Сто страниц — и погреетесь даром!»

Где ж пожар? пешеходы глядят.
Чу! неистовый топот раздался,

И на бочке верхом полицейский солдат,
Медной шапкой блестя, показался.
Вот другой — не поспеешь считать!
Мчатся вихрем красивые тройки.
Осторожней, пожарная рать!
Кони сытые слишком уж бойки.

Вся команда на борзых конях
Через Невский проспект прокатилась
И на окнах аптек, в разноцветных шарах
Вверх ногами на миг отразилась...

Озадаченный люд толковал,
Где пожар и причина какая?
Вдруг еще появился сигнал,
И промчалась команда другая.
Постепенно во многих местах
Небо вспыхнуло заревом красным,
Топот, грохот! Народ впопыхах
Разбежался по улицам разным,
Каждый в свой торопился квартал,
«Не у нас ли горит? — помышляя,—
Бог помилуй!» Огонь не дремал,
Лавки, церкви, дома пожирая...

Семь пожаров случилось в ту ночь,
Но смотреть их нам было невмочь.
В сильный жар да в морозы трескучие
В Петербурге пожарные случаи
Беспрестанны — на днях как-нибудь
И пожары успеем взглянуть...

Между 1863 и 1865

*

Явно родственны с землей,
В тайном браке с «Вестью»,
Земства модною броней
Прикрываясь с честью,

Снова ловят мужиков
В крепостные сети
Николаевских орлов
Доблестные дети...

Между 1863 и 1865

ГАЗЕТНАЯ

...Через дым, разъедающий очи
Милых дам, убивающих ночи
За игрою в лото-домино,
Разглядеть что-нибудь мудрено.
Миновав этот омут кромешный,
Это тусклое царство теней,
Добрались мы походкой поспешной
До газетной...

Здесь воздух свежей;
Пол с ковром, с абажурами свечи,
Стол с газетами, с книгами шкап.
Неуместны здесь громкие речи,
А еще неприличнее храп,
Но сморит после наших обедов
Хоть какого чтеца, и притом
Прав доныне старик Грибоедов —
С русской книгой мы вечно уснем.
Мы не любим словесности русской
И доныне, предвидя досуг,
Запасаемся книгой французской.
Что же так?.. Даже избранный круг
Увлекали талантом недавно
Граф Толстой, Фет и просто Толстой.
«Русский слог исправляется явно!» —
Замечают тузы меж собой.
Не без гордости русская пресса
Именует себя иногда
Путеводной звездою прогресса,
И недаром она так горда:

Говорят — о, Гомер и Овидий! —
До того расходилась печать,
Что явилась потребность субсидий.
Эк хватила куда! исполать!
Таксы нет на гражданские слезы,
Но и так они льются рекой.
Образцы изумительной прозы
Замечаются в прессе родной:
Тот добился успеху во многом
И удачно врагов обуздал,
Кто идею свободы с поджогом,
С грабежом и убийством мешал;
Тот прославился другом народа
И мечтает, что пользу принес,
Кто на тему: *вино* и *свобода*
На народ напечатал донос.
Нам Катков предстоит великаном,
Мы Тургенева кушать зовем...
Почему же французским романам
Предпочтение мы отдаем?
Не избыток хорошего тона,
Не картин соблазнительных ряд,
Нас отсутствие «мрака и стона»
К ним влечет... Мудрецы говорят:
«Час досуга, за утренним чаем,
Для чего я тоской отравлю?
Наши немощи знаем мы, знаем,
Но я думать о них не люблю!..»

Эта песня давно уже слышится,
Но она не ведет ни к чему.
Коли нам так писалось и пишется,—
Значит, есть и причина тому!
Не заказано ветру свободному
Петь тоскливые песни в полях,
Не заказаны волку голодному
Заунывные стоны в лесах;
Спокон веку дождем разливаются
Над родной стороной небеса,
Гнутся, стонут, под бурей ломаются
Спокон веку родные леса,

Спокон веку работа народная
Под унылую песню кипит,
Вторит ей наша муза свободная,
Вторит ей — или честно молчит.

Как бы ни было, в комнате этой
Праздно кипы журналов лежат,
Пусто! разве, прикрывшись газетой,
Два-три члена солидные спят.
(Как не скажешь: москвич идеальней,
Там газетная вечно полна,
Рядом с ней, нареченная «вральней»,
Есть там мрачная зала одна —
Если ты не московского мненья,
Не входи туда — будешь побит!)
В Петербурге любители чтенья
Пробегают один «Инвалид»;
В дни, когда высочайшим приказом
Назначается много наград,
Десять рук к нему тянется разом,
Да порой наш журнальный собрат
Дерзновенную штуку отколет,
Тронет личность, известную нам,
О! тогда целый клуб соизволит
Прикоснуться к презренным листам.
Шепот, говор. Приводится в ясность —
Кто затронут, метка ли статья?
И суровые толки про гласность
Начинаются. Слыхивал я
Здесь такие сужденья и споры...
Поневоле поникнешь лицом
И потупишь смущенные взоры...
Не в суждениях дело, а в том,
Что судила такая особа...
Впрочем, я ей обязан до гроба!

Раз послушав такого туза,
Не забыть до скончания века.
В мановении брови — гроза!
В полуслове — судьба человека!

Согласишься, почтителен, тих,
Постоишь, удалишься украдкой
И начнешь сатирический стих
В комплемент перелаживать сладкий...

Да! Но все-таки грустен напев
Наших песен, нельзя не сознаться.
Переделать его не сумев,
Мы решились при нем оставаться.
Примиритесь же с Музой моей!
Я не знаю другого напева.
Кто живет без печали и гнева,
Тот не любит отчизны своей...

С давних пор только два человека
Постоянно в газетной сидят:
Одному уж три четверти века,
Но он крепок и силен на взгляд.
Про него бесконечны рассказы:
Жаден, скуп, ненавидит детей.
Здесь он к старосте пишет приказы,
Чтобы дома не тратить свечей.
Говорят, одному человеку
Удалось из-за плеч старика
Прочитать, что он пишет: «В аптеку,
Чтоб спасти бедняка мужика,
Посылал ты — нелепое барство! —
Впредь расходов таких не иметь!
Деньги с миру взыскать... а лекарство
Для крестьянина лучшее — плеть...»
Анекдот этот в клубе я слышал
(Это было лет десять тому).
Из полка он за шулерство вышел,
Мать родную упрятал в тюрьму.
Про его воровские таланты
Тоже ходит таинственный слух;
У супруги его бриллианты
Родовые пропали — двух слуг
Присудили тогда и сослали;
А потом — раз старик оплошал —
У него эти камни видали:
Сам же он у жены их украл!

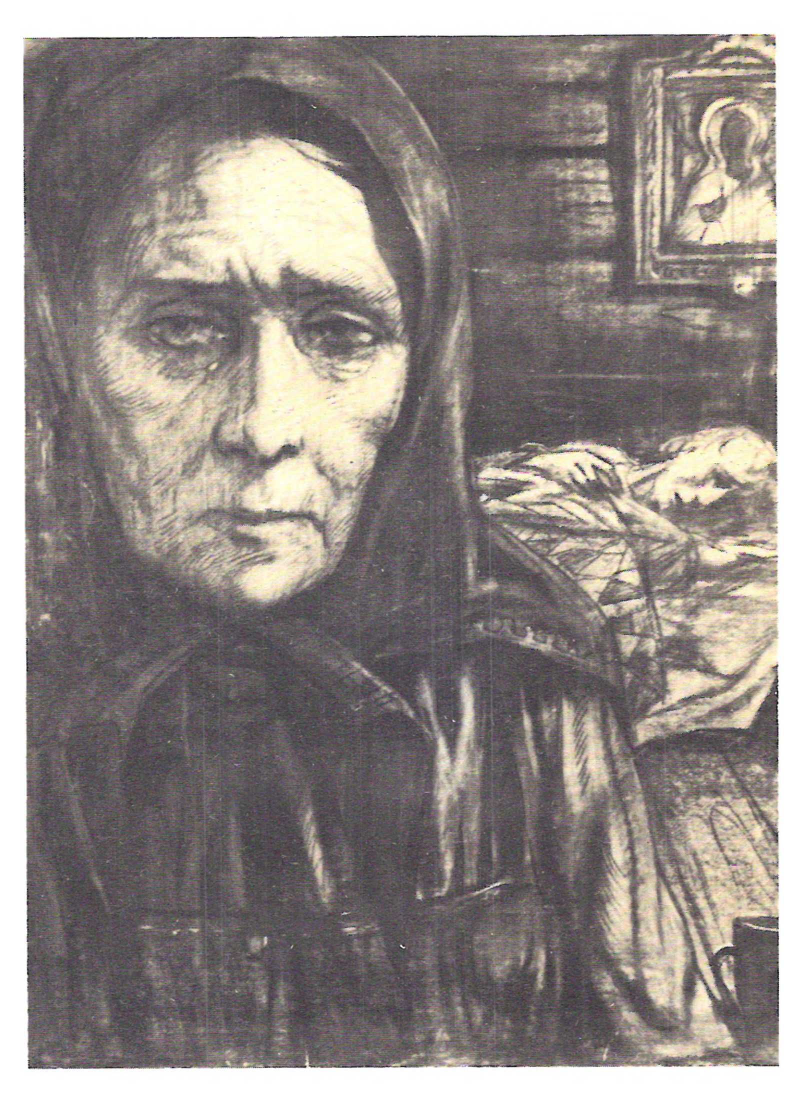
Ненавидят его, но для виста
Он всегда партенеров найдет:
«Что ж? ведь в клубе играет он чисто!»
Наша логика дальше нейдет...

А другой? Среди праздных местечек,
Под огромным газетным листом,
Видишь, тощий сидит человечек
С озабоченным, бледным лицом,
Весь исполнен тревогою страстной,
По движеньям похож на лису,
Стар и глух; и в руках его красный
Карандаш и очки на носу.
В оны годы служил он в цензуре
И доныне привычку сберег
Всё, что прежде черкал в корректуре,
Отмечать: выправляет он слог,
С мысли автора краски стирает.
Вот он тихо промолвил: «Шалишь!»
Глаз его под очками играет,
Как у кошки, заметившей мышь;
Карандаш за привычное дело
Принялся... «А позвольте узнать
(Он болтун — говорите с ним смело),
Что изволили вы отыскать?»

— «Ужасаюсь, читая журналы!
Где я? Где? Цепенеет мой ум!
Что ни строчка — скандалы, скандалы!
Вот взгляните — мой собственный кум
Обличен! Моралист-проповедник,
Цыц!.. Умолкни, журнальная тварь!..
Он действительный статский советник,
Этот чин даровал ему царь!
Мало им, что они Маколея
И Гизота в печать провели,
Кровопийцу Прудона, злодея
Тьера выше небес вознесли,
К государственной росписи смеют
Прикасаться нечистой рукой!
Будет время — пожнут, что посеют!
(Старец грозно качнул головой.)

«МОРОЗ, КРАСНЫЙ НОС»

«ОРИНА, МАТЬ СОЛДАТСКАЯ»

А свобода, а земство, а гласность!
(Крикнул он и очки уронил.)
Вот где бедствие! вот где опасность
Государству... Не так я служил!

О чинах, о свободе, о взятках
Я словечка в печать не пускал.
К сожаленью, при новых порядках
Председатель отставку мне дал;
На начальство роптать не дерзаю
(*Не умею* — и этим горжусь),
Но убей меня, если я знаю,
Отчего я теперь не гожусь?
Служба всю мою жизнь поглощала,
Иногда до того я вникал,
Что во сне благодать осеняла,
И, вскочив,— я черкал и черкал!
К сочинению ключ понемногу,
К тайной цели его подберешь,
Сходишь в церковь, помолишься богу
И опять троекратно прочтешь:
Взвешен, пойман на каждом словечке,
Сочинитель дрожал предо мной,—
Повертится, как муха на свечке,
И уйдет тихомолком домой.
Рад-радехонек, если тетрадку
Я, похерив, ему возвращу,
А то, если б пустить по порядку...
Но всего говорить не хочу!
Занимаясь семь лет этим дельцем,
Не напрасно я брал свой оклад
(Тут сравнил он себя с земледельцем,
Рвущим сорные травы из гряд).
Например, Вальтер Скотт или Купер —
Их на веру иной пропускал,
Но и в них открывал я *канупер!*
(Так он вредную мысль называл.)

Но зато, если дельны и строги
Мысли,— кто их в печать проводил?
Я вам мысль, что «большие налоги
Любит русский народ», пропустил,

Я статью отстоял в комитете,
Что реформы раненько вводить,
Что крестьяне — опасные дети,
Что их грамоте рано учить!
Кто, чтоб нам микроскопы купили,
С представленьем к министру вошел?
А то раз цензора пропустили,
Вместо северный, скверный орел!
Только буква... Шутите вы буквой!
Автор прав, чего цензор смотрел?»

Освежившись холодною клюквой,
Он прибавил: «А что я терпел!
Не один оскорбленный писатель
Письма бранные мне посылал
И грозился... (Да шутишь, приятель!
Меры я надлежащие брал.)
Мне мерещились авторов тени,
Третьей ночью еще Фейербах
Мне приснился — был рот его в пене,
Он держал свою шляпу в зубах,
А в руке суковатую палку...
Мне одна романистка чуть-чуть
В маскараде... но бабу-нахалку
Удержали... да, труден наш путь!

Ни родства, ни знакомства, ни дружбы
Совесть цензора знать не должна,
Долг, во-первых,— обязанность службы!
Во-вторых, сударь: дети, жена!
И притом я себя так прославил,
Что свихнись я — другой бы навряд
Место новое мне предоставил,
Зависть общий порок, говорят!»

Тут взглянул мне в лицо старичина:
Ужас, что ли, на нем он прочел,
Я не знаю, какая причина,
Только речь он помягче повел:
«Так храня целомудрие прессы,
Не всегда был, однако, я строг.

Если б знали вы, как интересы
Я писателей бедных берег!
Да! меня не коснутся упреки,
Что я платы за труд их лишал.
Оставлял я страницы и строки,
Только вредную мысль исключал.
Если ты написал: «Равнодушно
Губернатора встретил народ»,
Исключу я три буквы: «ра— душно»
Выйдет... что же? три буквы не счет!
Если скажешь: «В дворянских именьях
Нищета ежегодно растет»,—
«Речь идет о сардинских владеньях» —
Поясню,— и статейка пройдет!
Точно так: если страстную Лизу
Соблазнит русокудрый Иван,
Переносится действие в Пизу —
И спасен многотомный роман!
Незаметные эти поправки
Так изменят и мысли, и слог,
Что потом не подточишь булавки!
Да, я авторов много берег!
Сам я в бедности тяжкой родился,
Сам имею детей, я не зверь!
Дети! дети! (старик омрачился).
Воздух, что ли, такой уж теперь —
Утешения в собственном сыне
Не имею... Кто б мог ожидать?
Никакого почтенья к святыне!
Спорю, спорю! не раз и ругать
Принимался, а втайне-то плачешь.
Я однажды ему пригрозил:
«Что ты бесишься? Что ты чудачишь?
В нигилисты ты, что ли, вступил?»
— «Нигилист — это глупое слово,—
Говорит,— но когда ты под ним
Разумел человека прямого,
Кто не любит живиться чужим,
Кто работает, истины ищет,
Не без пользы старается жить,
Прямо в нос негодяя освищет,
А при случае рад и побить —

Так пожалуй — зови нигилистом,
Отчего и не так!» Каково?
Что прикажете с этим артистом?
Я в студенты хотел бы его,
Чтобы чин получил... но едва ли...
«Что чины? — говорит,— ерунда!
Там таких дураков насажали,
Что их слушать не стоит труда,
Там я даром убью только время,—
И прибавил еще сгоряча
(Каково современное племя!): —
Там мне скажут: „Ты сын палача!"»
Тут невольно я голос возвысил,
«Стой, глупец! — я ему закричал,—
Я на службе себя не унизил,
Добросовестно долг исполнял!»
— «Добросовестность милое слово,—
Возразил он,— но с нею подчас...»
— «Что, мой друг? говори — это ново!»
Сильный спор завязался у нас;
Всю нелепость свою понемногу
Обнаружил он ясно тогда;
Между прочим, сказал: «Слава богу,
Что чиновник у нас не всегда
Добросовестен...» — Вот как!.. За что же
Возрождается в сыне моем,
Что всю жизнь истреблял я?.. о боже!..»

Старец скорбно поникнул челом.

«Хорошо ли, служа, корректуры
Вы скрывали от ваших детей? —
Я с участьем сказал.— Без цензуры
Начитался он, видно, статей?»
— «И как можно!..»
Тут нас перервали.
Старец снова газету берет...

. . . . .

Между концом 1863 и сентябрем 1865

ПРИТЧА О «КИСЕЛЕ»

Жил-был за тридевять земель,
В каком-то царстве тридесятом,
И просвещенном, и богатом,
Вельможа, именем — Кисель.
За книгой с детства, кроме скуки,
Он ничего не ощущал,
Китайской грамотой — науки,
Искусство — бреднями считал;
Зато в войне, на поле брани
Подобных не было ему:
Он нес с народов диких дани
Царю — владыке своему.
Сломив рога крамоле внешней
Пожаром, казнями, мечом,
Он действовал еще успешней
В борьбе со внутренним врагом:
Не только чуждые народы,
Свои дрожали перед ним!
Но изменили старцу годы —
Заботы, дальние походы,
Военной славы гром и дым
Израненному мужу в тягость:
Сложил он бранные дела,
И императорская благость
Гражданский пост ему дала.
Под солнцем севера и юга,
Устав от крови и побед,
Кисель любил в часы досуга
Театр, особенно балет.
Чего же лучше? Свеж он чувством.
Он только изнурен войной —
Итак, да правит он искусством,
Вкушая в старости покой!

С обычной стойкостью и рвеньем
Кисель вступил на новый пост:
Присматривал за поведеньем,
Гонял говеть актеров в пост.
Высокомерным задал гонку,
Покорных, тихих отличил,

Остриг актеров под гребенку,
Актрисам стричься воспретил;
Стал роли раздавать по чину,
И, как он был благочестив,
То женщине играть мужчину
Не дозволял, сообразив,
Что это вовсе неприлично:
«Еще начать бы дозволять,
Чтобы роль женщины публично
Мужчина начал исполнять!»

Чтобы актеры были гибки,
Он их учил маршировать,
Чтоб знали роли без ошибки,
Затеял экзаменовать;
Иной придет поздненько с пира,
К нему экзаменатор шасть,
Разбудит: «Монолог из Лира
Читай!..» Досада и напасть!

Приехал раз в театр вельможа
И видит: зала вся пуста,
Одна директорская ложа
Его особой занята.
Еще случилось то же дважды —
И понял наш Кисель тогда,
Что в публике к театру жажды
Не остается и следа.
Сам царь шутя сказал однажды:
«Театр не годен никуда!
В оркестре врут и врут на сцене,
Совсем меня не веселя,
С тех пор как дал я Мельпомене
И Терпсихоре — *Киселя!*»

Кисель глубоко огорчился,
Удвоил труд — не ел, не спал;
Но как начальник ни трудился,
Театр ни к черту не годился!
Тогда он истину сознал:
«Справлялся я с военной бурей,
Но мне театр не по плечу,

За красоту балетных гурий
Продать я совесть не хочу!
Мне о душе подумать надо,
И так довольно я грешил!»
(Кисель побаивался ада
И в рай, конечно, норовил.)
Мысль эту изложив круглее,
Передает секретарю:
Дабы переписал крупнее
Для поднесения царю.
Заплакал секретарь; печали
Не мог, бедняга, превозмочь!
Бежит к кассиру: «Мы пропали!»
(Они с кассиром вместе крали),
И с ним беседует всю ночь.
Наутро в труппе гул раздался,
Что депутация нужна
Просить, чтобы Кисель остался,
Что уж сбирается она.
«Да кто ж идет? с какой же стати? —
Кричат строптивые.— Давно
Мы жаждем этой благодати!»
— «Тссс! тссс!.. упросят всё равно!»
И всё пошло путем известным:
Начнет дурак или подлец,
А вслед за глупым и бесчестным
Пойдет и честный наконец.
Тот говорит: до пенсиона
Мне остается семь недель,
Тот говорит: во время оно
Мою сестру крестил Кисель,
Тот говорит: жена больная,
Тот говорит: семья большая —
Так друг по дружке вся артель,
Благословив сначала небо,
Что он уходит наконец,
Пошла с дарами соли-хлеба
Просить: «Останься, наш отец!»...

Впереди шли вдовицы преклонные,
Прослужившие лéта законные,

Седовласые, еле ползущие,
Пенсионом полвека живущие;
Дальше причет трагедии: вестники,
Щитоносцы, тираны, кудесники,
Двадцать шесть благородных отцов,
    Девять первых любовников;
Восемьсот театральных чиновников
По три в ряд выступали с боков
    С многочисленным штабом:
    С сиротáми беспечными,
    С бедняками увечными,
    Прищемленными трапом.
Пели гимн представители пения,
Стройно шествовал кордебалет;
В белых платьицах, с крыльями гения
Корифейки младенческих лет,
Довершая эффект депутации,
Преклонялись с простертой рукой
И, исполнены женственной грации,
В очи старца глядели с мольбой...

    Кто устоит перед слезами
    Детей, теряющих отца?
    Кисель растрогался мольбами:
    «Я ваш, о дети! до конца!
    Я полагал, что я ненужен,
    Я мнил, что даже вреден я,
    Но вами я обезоружен!
    Идем же, милые друзья,
    Идем до гробового часу
    Путем прогресса и добра...»
    Актеры скорчили гримасу,
    Но тут же крикнули: ура!
    «Противустать возможно ядрам,
    Но вашим просьбам — никогда!»

    И снова правит он театром
    И мечется туда-сюда;
    То острижет до кожи труппу,
    То космы разрешит носить.
    А сам не ест ни щей, ни супу,
    Не может вин заморских пить.

В пиесах, ради высших целей,
Вне брака допустил любовь
И капельдинерам с шинелей
Доходы предоставил вновь;
Смирившись, с автором «Гамлéта»
Завесть знакомство пожелал,
Но бог британского поэта
К нему откушать не прислал.
Укоротил балету платья,
Мужчиной женщину одел,
Но поздние мероприятья
Не помогли — театр пустел!
Спились таланты при Ликурге,
Им было нечего играть:
Ни в комике, ни в драматурге
Охоты не было писать;
Танцорки как ни горячились,
Не получали похвалы,
Они не то чтобы ленились.
Но вечно были тяжелы.
В партере явно негодуют,
Свет божий Киселю не мил,
Грустит: «Чиновники воруют,
И с труппой справиться нет сил!
Вчера стату́я командора
Ни с места! Только мелет вздор —
Мертвецки пьяного актера
В нее поставил режиссер!
Зато случился факт печальный
Назад тому четыре дня:
С фронтона крыши театральной
Ушло три бронзовых коня!»

Кисель до гроба сценой правил,
Сгубил театр — хоть закрывай! —
Свои седины обесславил,
Да не попасть ему и в рай.
Искусство в государстве пало,
К великой горести царя,
И только денег прибывало
У молодца-секретаря:

Изрядный капитал составил,
Дом нажил в восемь этажей
И на воротах львов поставил,
Сбежавших перелив коней...

Мораль: хоть крепостные стены
И очень трудно разрушать,
Однако храмом Мельпомены
Трудней без знанья управлять.
Есть и другому поученью
Тут место: если хочешь в рай,
Путеводителем к спасенью
Секретаря не избирай.

21 августа 1865

БАЛЕТ

> Дианы грудь, ланиты Флоры
> Прелестны, милые друзья,
> Но, каюсь: *ножка Терпсихоры*
> Прелестней чем-то для меня;
> Она, пророчествуя взгляду
> Неоцененную награду,
> Влечет условною красой
> Желаний своевольный рой...
>
> *Пушкин*

Свирепеет мороз ненавистный.
Нет, на улице трудно дышать.
Муза! нынче спектакль бенефисный,
Нам в театре пора побывать.

Мы вошли среди криков и плеска.
Сядем здесь. Я боюсь первых мест,
Что за радость ослепнуть от блеска
Генеральских, сенаторских звезд.
Лучезарней румяного Феба
Эти звезды: заметно тотчас,
Что они не нахватаны с неба —
Звезды неба не ярки у нас.

Если б смелым, бестрепетным взглядом
Мы решились окинуть тот ряд,

Что зовут «бриллиантовым рядом»,
Может быть, изощренный наш взгляд
И открыл бы предмет для сатиры
(В самом солнце есть пятнышки). Но —
Немы струны карающей лиры,
Вихорь жизни порвал их давно!

Знайте, люди хорошего тона,
Что я сам обожаю балет.
«Пораженным стрелой Купидона»
Не насмешка — сердечный привет!
Понапрасну не бейте тревогу!
Не коснусь ни военных чинов,
Ни на службе крылатому богу
Севших на ноги статских тузов.
Накрахмаленный денди и щеголь
(То есть: купчик — кутила и мот)
И мышиный жеребчик (так Гоголь
Молодящихся старцев зовет),
Записной поставщик фельетонов,
Офицеры гвардейских полков
И безличная сволочь салонов —
Всех молчаньем прейти я готов!
До балета особенно страстны
Армянин, персиянин и грек,
Посмотрите, как лица их красны
(Не в балете ли весь человек?).
Но и их я оставлю в покое,
Никого не желая сердить.
Замышляю я нечто другое —
Я загадку хочу предложить.

В маскарадной и в оперной зале,
За игрой у зеленых столов,
В клубе, в думе, в манеже, на бале,
Словом: в обществе всяких родов,
В наслажденьи, в труде и в покое,
В блудном сыне, в почтенном отце,—
Есть одно — *угадайте, какое?* —
Выраженье на русском лице?..
Впрочем, может быть, вам недосужно.
Муза! дай — если можешь — ответ!

Спору нет: мы различны наружно,
Тот чиновник, а этот корнет,
Тот помешан на тонком приличьи,
Тот играет, тот любит поесть,
Но вглядись: при наружном различьи
В нас единство глубокое есть:
Нас безденежье всех уравняло —
И великих, и малых людей —
И на каждом челе начертало
Надпись: *«Где бы занять поскорей?»*
Что, не так ли?..

История та же,
Та же дума на каждом лице,
Я на днях прочитал ее даже
На почтенном одном мертвеце.
Если старец игрив чрезвычайно,
Если юноша вешает нос —
Оба, верьте мне, думают тайно:
Где бы денег занять? вот вопрос!

Вот вопрос! Напряженно, тревожно
Каждый жаждет его разрешить,
Но занять, говорят, невозможно,
Невозможнее долг получить.
Говорят, никаких договоров
Должники исполнять не хотят;
Генерал-губернатор Суворов
Держит сторону их, говорят...
Осуждают юристы героя,
Но ты прав, охранитель покоя
И порядка столицы родной!
Может быть, в долговом отделенье
Насиделось бы всё населенье,
Если б был губернатор другой!

Разорило чиновников чванство,
Прожилась за границею знать;
Отчего оголело дворянство,
Неприятно и речь затевать!
На цветы, на подарки актрисам,
Правда, деньги еще достаем,

Но зато пред иным бенефисом
Рубль на рубль за неделю даем.
Как же быть? Не дешевая школа
Поощрение граций и муз...
Вянет юность обоего пола,
Терпит даже семейный союз:
Тщетно юноши рыщут по балам,
Тщетно барышни рядятся в пух —
Вовсе нет стариков с капиталом,
Вовсе нет с капиталом старух!
Сокрушаются Никольс и Плинке,[1]
Без почину товар их лежит,
Сбыта нет самой модной новинке
(Догадайтесь — откройте кредит!),
Не развозят картонок нарядных
Изомбар, Андрие и Мошра,[2]
А звонят у подъездов парадных
С неоплаченным счетом с утра.
Что модистки! Злосчастные прачки
Ходят месяц за каждым рублем!
Опустели рысистые скачки,
Жизни нет за зеленым столом.
Кто, бывало, дурея с азарту,
Кряду игрывал по сту ночей,
Пообедав, поставит на карту
Злополучных пятнадцать рублей
И уходит походкой печальной
В думу, в земство и даже в семью
Отводить болтовней либеральной
Удрученную душу свою.
С богом, друг мой! В любом комитете
Побеседовать можешь теперь
О кредите, о звонкой монете,
Об «итогах» дворянских потерь,
И о «брате» в нагольном тулупе,
И о том, за какие грехи
Нас журналы ругают и в клубе
Не дают нам стерляжьей ухи!

---

[1] Хозяева английского магазина.
[2] Известные модистки.

Там докажут тебе очевидно,
Что карьера твоя решена!

Да! трудненько и даже обидно
Жить,— такие пришли времена!
Купишь что-нибудь — дерзкий приказчик
Ассигнацию щупать начнет
И потом, опустив ее в ящик,
Долгим взором тебя обведет,—
Так и треснул бы!..

Впрочем, довольно!
Продолжать бы, конечно, я мог,
Факты есть, но касаться их больно!
И притом, сохрани меня бог,
Чтоб я стих мой подделкою серий
И кредитных бумаг замарал,—
«Будто нет благородней материй?» —
Мне отечески «некто» сказал.
С этим мненьем вполне я согласен,
Мир идей и сюжетов велик:
Например, как волшебно прекрасен
Бельэтаж — настоящий цветник!
Есть в России еще миллионы,
Стоит только на ложи взглянуть,
Где уселись банкирские жены,—
Сотня тысяч рублей, что ни грудь!
В жемчуге лебединые шеи,
Бриллиант по ореху в ушах!
В этих ложах — мужчины евреи,
Или греки, да немцы в крестах.
Нет купечества русского (стужа
Напугала их, что ли?). Одна
Откупщица, втянувшая мужа
В модный свет, в бельэтаже видна.
Весела ты, но в этом веселье
Можно тот же вопрос прочитать.
И на шее твоей ожерелье —
Погодила б ты им щеголять!
Пусть оно красоты идеальной,
Пусть ты в нем восхитительна, но —

Не затих еще шепот скандальный,
Будто было в закладе оно:
Говорят, чтобы в нем показаться
На каком-то парадном балу,
Перед гнусным менялой валяться
Ты решилась на грязном полу;
И когда возвращалась ты с бала,
Ростовщик тебя встретил — и снял
Эти перлы... Нет так ли достала
Ты опять их?.. Кредит твой упал,
С горя запил супруг сокрушенный,
Бог бы с ним! Расставаться тошней
С этой чопорной жизнью салонной
И с разгулом интимных ночей;
С этим золотом, бархатом, шелком,
С этим счастьем послов принимать.
Ты готова бы с бешеным волком
Покумиться, чтоб снова блистать,
Но свершились пути провиденья,
Всё погибло — и деньги, и честь!
Нисходи же ты в область забвенья
И супругу дай дух перевесть!
Слаще пить ему водку с дворецким,
«Не белы-то снеги» распевать,
Чем возиться с посольством турецким
И в ответ ему глупо мычать...

Тешить жен — богачам не забота,
Им простительна всякая блажь.
Но прискорбно душе патриота,
Что чиновницы рвутся туда ж.
Марья Савишна! вы бы надели
Платье проще! — Ведь как ни рядись,
Не оденетесь лучше камелий
И богаче французских актрис!
Рассчитайтесь, сударыня, с прачкой
Да в хозяйство прикиньте хоть грош,
А то с дочерью, с мужем, с собачкой
За полтину обед не хорош!

Марья Савишна глаз не спускала
Между тем с старика со звездой.

Вообще в бельэтаже сияло
Много дам и девиц красотой.
Очи чудные так и сверкали,
Но кому же сверкали они?
Доблесть, молодость, сила— пленяли
Сердце женское в древние дни.
Наши девы практичней, умнее,
Идеал их — телец золотой,
Воплощенный в седом иудее,
Потрясающем грязной рукой
Груды золота...

Время антракта
Наконец-то прошло как-нибудь.
(Мы зевали два первые акта,
Как бы в третьем совсем не заснуть.)
Все бинокли приходят в движенье —
Появляется кордебалет.
Здесь позволю себе отступленье:
Соответственной живости нет
В том размере, которым пишу я,
Чтобы прелесть балета воспеть.
Вот куплеты: попробуй, танцуя,
Театрал, их под музыку петь!

Я был престранных правил,
Поругивал балет.
Но раз бинокль подставил
Мне генерал-сосед.

Я взял его с поклоном
И с час не возвращал,
«Однако, вы — *астроном!*» —
Сказал мне генерал.

Признаться, я немножко
Смутился (о профан!):
«Нет... я... но эта ножка...
Но эти плечи... стан...» —

Шептал я генералу,
А он, смеясь, в ответ:

«В стремленьи к идеалу
Дурного, впрочем, нет.

Не всё ж читать вам Бокля!
Не стоит этот Бокль
Хорошего бинокля...
Купите-ка бинокль!..»

Купил!— и пред балетом
Я преклонился ниц.
Готов я быть поэтом
Прелестных танцовщиц!

Как не любить балета?
Здесь мирный гражданин
Позабывает лета,
Позабывает чин,

И только ловят взоры
В услужливый лорнет,
Что «ножкой Терпсихоры»
Именовал поэт.

Не так следит астроном
За новою звездой,
Как мы... но для чего нам
Смеяться над собой?

В балете мы наивны,
Мы глупы в этот час:
Почти что конвульсивны
Движения у нас:

Вот выпорхнула дева,
Бинокли поднялись;
Взвилася ножка влево —
Мы влево подались;

Взвилася ножка вправо —
Мы вправо... «Берегись!

Не вывихни сустава,
Приятель!» — «Фора! bis»[1].

Bis!.. Но девы, подобные ветру,
Улетели гирляндой цветной!
(Возвращаемся к прежнему метру!)
Пантомимною сценой большой
Утомились мы; вальс африканский
Тоже вышел топорен и вял,
Но явилась в рубахе крестьянской
Петипа — и театр застонал!
Вообще мы наклонны к искусству,
Мы его поощряем, но там,
Где есть пища народному чувству.
Торжество настоящее нам;
Неужели молчать славянину,
Неужели жалеть кулака,
Как Бернарди затянет «Лучину»,
Как пойдет Петипа трепака?..
Нет! где дело идет о народе,
Там я первый увлечься готов.
Жаль одно: в нашей скудной природе
На венки не хватает цветов!

Всё — до ластовиц белых в рубахе —
Было верно: на шляпе цветы,
Удаль русская в каждом размахе...
Не артистка — волшебница ты!
Ничего не видали вовеки
Мы сходней: настоящий мужик!
Даже немцы, евреи и греки,
Русофильствуя, подняли крик.
Всё слилось в оглушительном «браво»,
Дань народному чувству платя.
Только ты, моя Муза! лукаво
Улыбаешься... Полно, дитя!
Неуместна здесь строгая дума,
Неприлична гримаса твоя...

---

[1] Браво *(итал.)*, бис *(лат.)*.— *Ред.*

Но молчишь ты, скучна и угрюма...
Что ж ты думаешь, Муза моя?..

На конек ты попала обычный —
На уме у тебя мужики,
За которых на сцене столичной
Петипа пожинает венки,
И ты думаешь: «Гурия рая!
Ты мила, ты воздушно легка,
Так танцуй же ты «Деву Дуная»,
Но в покое оставь мужика!
В мерзлых лапотках, в шубе нагольной,
Весь заиндевев, сам за себя
В эту пору он пляшет довольно,
Зиму дома сидеть не любя.
Подстрекаемый лютым морозом,
Совершая дневной переход,
Пляшет он за скрипучим обозом,
Пляшет он — даже песни поет!..»

А то есть и такие обозы
(Вот бы Роллер нам их показал!) —
В январе, когда крепки морозы
И народ уже рекрутов сдал,
На Руси, на проселках пустынных
Много тянется поездов длинных...

Прямиком через реки, поля
Едут путники узкой тропою:
В белом саване смерти земля,
Небо хмурое, полное мглою.
От утра до вечерней поры
Всё одни пред глазами картины.
Видишь, как, обнажая бугры,
Ветер снегом заносит лощины;
Видишь, как эта снежная пыль,
Непрерывной волной набегая,
Под собой погребает ковыль,
Всегубящей зиме помогая;
Видишь, как под кустом иногда
Припорхнет эта малая пташка,

Что от нас не летит никуда —
Любит скудный наш север, бедняжка!
Или, щелкая, стая дроздов
Пролетит и посядет на ели;
Слышишь дикие стоны волков
И визгливое пенье метели...
Снежно — холодно — мгла и туман...
И по этой унылой равнине
Шаг за шагом идет караван
С седоками в промерзлой овчине.

Как немые, молчат мужики,
Даже песня никем не поется,
Бабы спрятали лица в платки,
Только вздох иногда пронесется
Или крик: «Ну! чего отстаешь? —
Седоком одним меньше везешь!..»

Но напрасно мужик огрызается.
Кляча еле идет — упирается;
Скрипом, визгом окрестность полна.
Словно до́ сердца поезд печальный
Через белый покров погребальный
Режет землю — и стонет она,
Стонет белое снежное море...
Тяжело ты — крестьянское горе!

Ой ты кладь, незаметная кладь!
Где придется тебя выгружать?..

Как от выстрела дым расползается
На заре по росистым трава́м,
Это горе идет — подвигается
К тихим селам, к глухим деревням.
Вот — направо — избенки унылые,
Отделилась подвода одна,
Кто-то молвил: «Господь с вами, милые!» —
И пропала в сугробах она...

Чу! клячонку хлестнул старичина...
Эх! чего ты торопишь ее!

Как-то ты, воротившись без сына,
Постучишься в окошко свое?..

В сердце самое русского края
Доставляется кладь роковая!

Где до солнца идет за порог
С топором на работу кручина,
Где на белую скатерть дорог
Поздним вечером светит лучина,
Там найдется кому эту кладь
По суровым сердцам разобрать,
Там она приютится, попрячется —
До другого набора проплачется!

1865 — начало 1866

*

Ликует враг, молчит в недоуменьи
Вчерашний друг, качая головой,
И вы, и вы отпрянули в смущеньи,
Стоявшие бессменно предо мной
Великие, страдальческие тени,
О чьей судьбе так горько я рыдал,
На чьих гробах я преклонял колени
И клятвы мести грозно повторял...
Зато кричат безличные: «Ликуем!»,
Спеша в объятья к новому рабу
И пригвождая жирным поцелуем
Несчастного к позорному столбу.

1866

ПЕСНИ

1

У людей-то в дому — чистота, лепота,
А у нас-то в дому — теснота, духота.

У людей-то для щей— с солонинкою чан,
А у нас-то во щах — таракан, таракан!

У людей кумовья — ребятишек дарят,
А у нас кумовья — наш же хлеб приедят!

У людей на уме — погуторить с кумой,
А у нас на уме — не пойти бы с сумой?

Кабы так нам зажить, чтобы свет удивить:
Чтобы деньги в мошне, чтобы рожь на гумне;

Чтоб шлея в бубенцах, расписная дуга,
Чтоб сукно на плечах, не посконь-дерюга̀;

Чтоб не хуже других нам почет от людей,
Поп в гостях у больших, у детей — грамотей;

Чтобы дети в дому — словно пчелы в меду,
А хозяйка в дому — как малинка в саду!

2.

КАТЕРИНА

Вянет, пропадает красота моя!
От лихого мужа нет в дому житья.

Пьяный всё колотит, трезвый всё ворчит,
Сам что ни попало из дому тащит!

Не того ждала я, как я шла к венцу!
К брату я ходила, плакалась отцу,

Плакалась соседям, плакалась родной,
Люди не желеют — ни чужой, ни свой!

«Потерпи, родная,— старики твердят,—
Милого побои не долго болят!»

«Потерпи, сестрица! — отвечает брат.—
Милого побои не долго болят!»

«Потерпи! — соседи хором говорят.—
Милого побои не долго болят!»

Есть солдатик — Федя, дальняя родня,
Он один жалеет, любит он меня;

Подмигну я Феде,— с Федей мы вдвоем
Далеко хлебами за село уйдем.

Всю открою душу, выплачу печаль,
Всё отдам я Феде — всё, чего не жаль!

«Где ты пропадала?» — спросит муженек.
«Где была, там нету! так-то, мил дружок!

Посмотреть ходила, высока ли рожь!»
— «Ах ты дура баба! ты еще и врешь...»

Станет горячиться, станет попрекать...
Пусть его бранится, мне не привыкать!

А и поколотит — не велик наклад —
Милого побои не долго болят!

3

МОЛОДЫЕ

Повенчавшись, Парасковье
Муж имущество казал:
Это стойлице коровье,
А коровку бог прибрал!

Нет перинки, нет кровати,
Да теплы в избе полати,
А в клети, вместо телят,
Два котеночка пищат!

Есть и овощь в огороде —
Хрен да луковица,
Есть и медная посуда —
Крест да пуговица!

4

СВАТ И ЖЕНИХ

(В кабаке за полуштофом)

Нутко! Марья у Зиновья,
У Никитишны Прасковья,
Степанида у Петра —
Все невесты, всем пора!
У Кондратьевны Орина,—
Что ни девка, то малина!
Думай, думай! выбирай!
По любую засылай!
Марья малость рябовата,
Да смиренна, вожевата,
Марья, знаешь, мне сродни,
Будет с мужем — ни-ни-ни!
— Ай да Марья! Марья — клад!
Сватай Марью, Марью, сват!
Нам с лица не воду пить,
И с корявой можно жить,
Да чтоб мужу на порог
Не вставала поперек!
Ай да Марья, Марья — клад!
Сватай Марью, Марью, сват!

Нутко! Вера у Данилы,
Палагея у Гаврилы,
Секлетея у Фрола,—
Замуж всем пора пришла!
У Никиты — Катерина,
Что ни девка, то малина!
Думай, думай — выбирай!
По любую засылай!
Марья, знаешь, шедровита,
Да работать, ух! сердита!
Марья костью широка,
Высока, статна, гладка!
— Ай да Марья! Марья — клад!
Сватай Марью, Марью, сват!
Нам с лица не воду пить,
И с корявой можно жить,

Да чтоб мясо на костях,
Чтобы силушка в руках!
Ай да Марья! Марья — клад!
Сватай Марью, Марью, сват!..

Нутко! Анна у Егора,
У Антипки Митродора,
Александра у Петра—
Все невесты, всем пора!
У Евстратья — Акулина,
Что ни девка, то малина!
Думай, думай — выбирай!
По любую засылай!
Марья точно шедровита,
Да хозяйка домовита!
Всё примоет, приберет,
Всё до нитки сбережет!
— Ай да Марья! Марья — клад!
Сватай Марью, Марью, сват!
Нам с лица не воду пить,
И с корявой можно жить,
Да чтоб по двору прошла,
Всех бы курочек сочла!
Ай да Марья, Марья — клад!
Сватай Марью, Марью, сват!

(Спрашивают еще полуштоф и начинают снова.)

5

ГИМН

Господь! твори добро народу!
Благослови народный труд,
Упрочь народную свободу,
Упрочь народу правый суд!

Чтобы благие начинанья
Могли свободно возрасти,
Разлей в народе жажду знанья
И к знанью укажи пути!

И от ярма порабощенья
Твоих избранников спаси,
Которым знамя просвещенья,
Господь! ты вверишь на Руси!..

1866

ПЕСНИ О СВОБОДНОМ СЛОВЕ

1

РАССЫЛЬНЫЙ

Люди бегут, суетятся,
Мертвых везут на погост...
Еду кой с кем повидаться
Чрез Николаевский мост.

Пот отирая обильный
С голого лба, стороной —
Вижу — плетется рассыльный,
Старец угрюмый, седой.

С дедушкой этим, Минаем,
Я уж лет тридцать знаком:
Оба мы хлеб добываем
Литературным трудом.

(Молод я прибыл в столицу,
Вирши в редакцию свез,—
Первую эту страницу
Он мне в наборе принес!)

Оба судьбой мы похожи,
Если пошире глядеть:
Век свой мы лезли из кожи,
Чтобы в цензуру поспеть;

Цензор в спокойствии нашем
Равную ролю играл,—
Раньше, бывало, мы ляжем,
Если статью подписал;

Если ж сказал: «Запрещаю!» —
Вновь я садился писать
Вновь приходилось Минаю
Бегать к нему, поджидать.

Эти волнения были
Сходны в итоге вполне:
Ноги ему подкосили,
Нервы расстроили мне.

Кто поплатился дороже,
Время уж скоро решит,
Впрочем, я вдвое моложе,
Он уж непрочен на вид.

Длинный и тощий, как остов,
Но стариковски пригож...
«Эй! на Васильевский остров
К цензору, что ли, идешь?»

— «Баста ходить по цензуре!
Ослобонилась печать,
Авторы наши в натуре
Стали статейки пущать.

К ним да к редактору ныне
Только и носим статьи...
Словно повысились в чине,
Ожили детки мои!

Каждый теперича кроток,
Ну да и нам-то расчет:
На восемь гривен подметок
Меньше износится в год!..»

Ноябрь—декабрь 1865

2

НАБОРЩИКИ

Чей это гимн суровый
Доносит к нам зефир?
То армии свинцовой
Смиренный командир —

Наборщик распевает
У пыльного станка,
Меж тем как набирает
Проворная рука:

«Рабочему порядок
В труде всего важней,
И лишний рубль не сладок,
Когда не спишь ночей!

Работы до отвалу,
Хоть не ходи домой.
Тетрадь оригиналу
Еще несут... ой, ой!

Тетрадь толстенька в стане,
В неделю не набрать.
Но не гордись заране,
Премудрая тетрадь!

Не похудей в цензуре!
Ужо мы наберем,
Оттиснем в корректуре
И к цензору пошлем.

Вот он тебя читает,
Надев свои очки;
Отечески марает —
Словечко, полстроки!

Но недостало силы,
Вдруг руки разошлись,

И красные чернилы
Потоком полились!

Живого нет местечка!
И только на строке
Торчит кой-где словечко,
Как муха в молоке.

Угрюмый и сердитый
Редактор этот сброд,
Как армии разбитой
Остатки, подберет;

На ниточку нанижет,
Кой-как сплотит опять
И нам приказ напишет:
«Исправив, вновь послать».

Набор мы рассыпаем
Зачеркнутых столбцов
И литеры бросаем,
Как в ямы мертвецов,

По кассам! Вновь в порядке
Лежат одна к одной.
Потерян ключ к загадке,
Что выражал их строй!

Так остается тайной,
Каков и где тот плод,
Который вихрь случайный
С деревьев в бурю рвет.

(Что, какова заметка?
Недурен оборот?
Случается нередко
У нас лихой народ.

Наборщики бывают
Философы порой:
Не всё же набирают
Они сумбур пустой.

Встречаются статейки,
Встречаются умы —
Полезные идейки
Усваиваем мы...)

Уж в новой корректуре
Статья не велика,
Глядишь — опять в цензуре
Посгладят ей бока.

Вот наконец и сверстка!
Но что с тобой, тетрадь?
Ты менее наперстка
Являешься в печать!

А то еще бывает,
Сам автор прибежит,
Посмотрит, повздыхает
Да всю и порешит!

Нам все равны статейки,
Печатай, разбирай,—
Три четверти копейки
За строчку нам отдай!

Но не равны заботы.
Чтоб время наверстать,
Мы слепнем от работы...
Хотите ли писать?

Мы вам дадим сюжеты:
Войдите-ка в полночь
В наборную газеты —
Кромешный ад точь-в-точь!

Наборщик безответный
Красив, как трубочист...
Кто выдумал газетный
Бесчеловечный лист?

Хоть целый свет обрыщешь,
И в самых рудниках

Тошней труда не сыщешь —
Мы вечно на ногах;

От частой недосыпки,
От пыли, от свинца
Мы все здоровьем хлипки,
Все зелены с лица;

В работе беспорядок
Нам сокращает век.
И лишний рубль не сладок,
Как болен человек...

Но вот свобода слова
Негаданно пришла,
Не так уж бестолково
Авось пойдут дела!»

Хор

Поклон тебе, свобода!
Тра-ла, ла-ла, ла-ла!
С рабочего народа
Ты тяготу сняла!

Ноябрь—декабрь 1865

3

ПОЭТ

Друзья, возрадуйтесь! — простор!
(Давай скорей бутылок!)
Теперь бы петь... Но стал я хвор!
А прежде был я пылок.
И был подвижен я, как челн
(Зачем на пробке плесень?..),
И как у моря звучных волн,
У лиры было песен.
Но жизнь была так коротка
Для песен этой лиры,—
От типографского станка
До цензорской квартиры!

Ноябрь—декабрь 1865

4

ЛИТЕРАТОРЫ

Три друга обнялись при встрече,
Входя в какой-то магазин.
«Теперь пойдут иные речи!» —
Заметил весело один.
«Теперь нас ждут простор и слава!» —
Другой восторженно сказал,
А третий посмотрел лукаво
И головою покачал! [1]

Ноябрь—декабрь 1865

5

ФЕЛЬЕТОННАЯ БУКАШКА

Я — фельетонная букашка,
Ищу посильного труда.
Я, как ходячая бумажка,
Поистрепался, господа,

Но лишь давайте мне сюжеты,
Увидите — хорош мой слог.
Сначала я писал куплеты,
Состряпал несколько эклог,

Но скоро я стихи оставил,
Поняв, что лучший на земле
Тот род, который так прославил
Булгарин в «Северной пчеле».

Я говорю о фельетоне...
Статейки я писать могу
В великосветском, модном тоне,
И будут хороши, не лгу.

---

[1] Эти два последние стиха взяты у Лермонтова:

Чеченец посмотрел лукаво
И головою покачал...

Из жизни здешней и московской
Черты охотно я беру.
Знаком вам господин Пановский?
Мы с ним похожи по перу.

Известен я в литературе...
Угодно ль вам меня нанять?
Умел писать я при цензуре,
Так мудрено ль теперь писать?

Признаться, я попал невольно
В литературную семью.
Ох! было время — вспомнить больно!
Дрожишь, бывало, за статью.

Мою любимую идейку,
Что в Петербурге климат плох,
И ту не в каждую статейку
Вставлять я без боязни мог.

Однажды написал я сдуру,
Что видел на мосту дыру,
Переполошил всю цензуру,
Таскали даже ко двору!

Ну! дали мне головомойку,
С полгода поджимал я хвост.
С тех пор не езжу через Мойку
И не гляжу на этот мост!

Я надоел вам? извините!
Но старых ран коснулся я...
И вдруг... кто думать мог?.. скажите!..
Горька была вся жизнь моя,

Но, претерпев судьбы удары,
Под старость счастье я узнал:
Курил на улицах сигары
И без цензуры сочинял!

Ноябрь — декабрь 1865

6

ПУБЛИКА

1

Ай да свободная пресса!
Мало вам было хлопот?
Юное чадо прогресса
Рвется, брыкается, бьет,
Как забежавший из степи
Конь, незнакомый с уздой,
Или сорвавшийся с цепи
Зверь нелюдимый, лесной...

Боже! пошли нам терпенье!
Или цензура воспрянь!
Всюду одно осужденье,
Всюду нахальная брань!
В цивилизованном классе
Будто растленье одно,
Бедность безмерная в массе
(Где же берут на вино?),
В каждом нажиться старанье,
В каждом продажная честь,
Только под шубой бараньей
Сердце хорошее есть!
Ох, этот автор злодейский!
Тоже хитрит иногда,
Думает лестью лакейской
Нас усыпить, господа!
Мы не хотим поцелуев,
Но и ругни не хотим...
Что ж это смотрит Валуев [1],
Как этот автор терпим?
Слышали? Всё лишь подобье,
Всё у нас маска и ложь,
Глупость, разврат, узколобье...
Кто же умен и хорош?
Кто же всегда одинаков?
Истине друг и родня?

---

[1] Тогдашний министр внутренних дел.

Ясно — премудрый Аксаков,
Автор премудрого «Дня»!
Пусть он таков, но за что же
Надоедает он всем?..
Чем это кончится, боже!
Чем это кончится, чем?

Ай да свободная пресса!
Мало вам было хлопот?
Юное чадо прогресса
Рвется, брыкается, бьет,
Как забежавший из степи
Конь, незнакомый с уздой,
Или сорвавшийся с цепи
Зверь нелюдимый, лесной...

2

Нынче, журналы читая,
Просто не веришь глазам,
Слышали — новость какая?
Мы же должны мужикам!
Экой герой сочинитель!
Экой вещун-богатырь!
Верно ли только, учитель,
Вывел ты эту цифирь?
Если ее ты докажешь,
Дай уж нам кстати совет:
Чем расплатиться прикажешь?
Суммы такой у нас нет!
Нет ничего, кроме модных,
Но пустоватых голов,
Кроме желудков голодных
И неоплатных долгов.
Кроме усов, бакенбардов
Да «как-нибудь» да «авось»...
Шутка ли! шесть миллиардов!
Смилуйся! что-нибудь сбрось!
Друг! ты стоишь на рогоже,
Но говоришь ты с ковра...
Чем это кончится, боже!..
Грешен, не жду я добра...

Ай да свободная пресса!
Мало вам было хлопот?
Юное чадо прогресса
Рвется, брыкается, бьет,
Как забежавший из степи
Конь, незнакомый с уздой,
Или сорвавшийся с цепи
Зверь нелюдимый, лесной...

3

Мало, что в сфере публичной
Трогают всякий предмет,
Жизни касаются личной!
Просто спасения нет!
Если за добрым обедом
Выпил ты лишний бокал
И, поругавшись с соседом,
Громкое слово сказал,
Не говорю уж — подрался
(Редко друг друга мы бьем),
Хоть бы ты тут же обнялся
С этим случайным врагом,—
Завтра ж в газетах напишут!
Господи! что за скоты!
Как они знают всё, слышат!..
Что потом сделаешь ты?
Ежели скажешь: «Вы лжете!» —
Он очевидцев найдет,
Если дуэлью пугнете,
Он вас судом припугнет.
Просто — не стало свободы,
Чести нельзя защитить...
Эх! эти новые моды!
Впрочем, есть средство: побить.
Но ведь, пожалуй, по роже
Съездит и он между тем.
Чем это кончится, боже!..
Чем это кончится, чем?..

Ай да свободная пресса!
Мало вам было хлопот?

Юное чадо прогресса
Рвется, брыкается, бьет,
Как забежавший из степи
Конь, незнакомый с уздой,
Или сорвавшийся с цепи
Зверь нелюдимый, лесной...

4

Всё пошатнулось... О, где ты,
Время без бурь и тревог?..
В бога не верят газеты,
И отрицают поэты
Пользу железных дорог!
Дыбом становится волос,
Чем наводнилась печать,—
Даже умеренный «Голос»
Начал не в меру кричать;
Ни одного элемента
Не пропустил, не задев,
Он положеньем Ташкента
Разволновался, как лев;
Бдит он над западным краем,
Он о России болит,
С ожесточеньем и лаем
Он обо всем говорит!
Он изнывает в тревогах;
Точно ли вышел запрет,
Чтоб на железных дорогах
Не продавали газет?
Что — на дорогах железных?
Остановить бы везде.
Меньше бы трат бесполезных!
И без того мы в нужде.
Жизнь ежедневно дороже,
Деньги трудней между тем.
Чем это кончится, боже!
Чем это кончится, чем?..

Ай да свободная пресса!
Мало вам было хлопот?

Юное чадо прогресса
Рвется, брыкается, бьет,
Как забежавший из степи
Конь, незнакомый с уздой,
Или сорвавшийся с цепи
Зверь нелюдимый, лесной...

5

Право, конец бы таковской,
И не вели́ка печаль!
Только газеты московской
Было б, признаться, нам жаль,
Впрочем... как пристально взвесить,
Так и ее — что жалеть!
Уж начала куролесить,
Может совсем ошалеть.
Прежде лишь мелкий чиновник
Был твоей жертвой, печать,
Если ж военный полковник —
Стой! ни полслова! молчать!
Но от чиновников быстро
Дело дошло до тузов,
Даже коснулся министра
Неустрашимой Катков.
Тронуто там у него же
Много забористых тем...
Чем это кончится, боже!
Чем это кончится, чем?..

Ай да свободная пресса!
Мало вам было хлопот?
Юное чадо прогресса
Рвется, брыкается, бьет,
Как забежавший из степи
Конь, незнакомый с уздой,
Или сорвавшийся с цепи
Зверь нелюдимый, лесной...

Декабрь 1865

7

ОСТОРОЖНОСТЬ

1

В Ледовитом океане
Лодка утлая плывет,
Молодой, пригожей Тане
Парень песенку поет:
«Мы пришли на остров дикой,
Где ни церкви, ни попов,
Зимовать в нужде великой
Здесь привычен зверолов;
Так с тобой, моей голубкой,
Неужли нам розно спать?
Буду я песцовой шубкой,
Буду лаской согревать!»
Хорошо поет, собака,
Убедительно поет!
Но ведь это против брака,—
Не нажить бы нам хлопот?
Оправдаться есть возможность,
Да не спросят — вот беда!
Осторожность! осторожность!
Осторожность, господа!..

2

У солидного папаши
Либералка вышла дочь
(Говорят, журналы наши
Всё читала день и ночь),
Жениху с хорошим чином
Отказала, осердясь,
И с каким-то армянином
Обвенчалась, не спросясь.
В свете это сплошь бывает,
Это тиснуть мы могли б,
Но ведь это посягает
На родительский принцип!

За подобную оплошность
Не постигла б нас беда?
Осторожность, осторожность,
Осторожность, господа!

3

Наш помещик Пантелеев
Век играл, мотал и пил,
А крестьянин Федосеев
Век трудился и копил —
И по улицам столицы
Пантелеев ходит гол,
А дворянские землицы
Федосеев приобрел.
В свете это всё бывает,
Много есть таких дворян,
Но ведь это означает
Оскорблять дворянский сан.
Тисни, тисни! есть возможность,—
А потом дрожи суда...
Осторожность, осторожность,
Осторожность, господа!

4

Что народ ни добывает,
Всё не впрок ему идет:
И подрядчик нажимает,
И торгаш с него дерет.
Уж таков теперь обычай —
Стонут, воют бедняки...
Ну — а класс-то ростовщичий?
Сгубят нас ростовщики!
Я желал бы их, проклятых,
Хорошенечко пробрать,
Но ведь это на богатых
Значит бедных натравлять?
Ну, какая же возможность
Так рискнуть? кругом беда!
Осторожность, осторожность,
Осторожность, господа!

5

Крестный ход в селе Остожье,
Вдруг: «Пожар!» — кричит народ.
«Не бросать же дело божье —
Кончим прежде крестный ход».
И покудова с иконой
Обходили всё село,
Искрой, ветром занесенной,
И другой посад зажгло.
Погорели! В этом много
Правды горькой и простой,
Но ведь это против бога,
Против веры... ой! ой! ой!
Тут полнейшая возможность
К обвиненью без суда...
Ради бога, осторожность,
Осторожность, господа!

Декабрь 1865

8

ПРОПАЛА КНИГА!

1

Пропала книга! Уж была
Совсем готова — вдруг пропала!
Бог с ней, когда идее зла
Она потворствовать желала!
Читать маранье праздных дур
И дураков мы недосужны.
Не нужно нам плохих брошюр,
Нам нужен хлеб, нам деньги нужны!

Но может быть, она была
Честна... а так резка, смела?
Две-три страницы роковые...

О, если так, ее мне жаль!
И, может быть, мою печаль
Со мной разделит вся Россия!

2

Уж напечатана — и нет!..
Не познакомимся мы с нею;
Девица в девятнадцать лет
Не замечтается над нею;
О ней не будут рассуждать
Ни дилетант, ни критик мрачный,
Студент не будет посыпать
Ее листов золой табачной.

Пропала! с ней и труд пропал,
Затрачен даром капитал,
Пропали хлопоты большие...
Мне очень жаль, мне очень жаль,
И, может быть, мою печаль
Со мной разделит вся Россия!

3

Прощай! горька судьба твоя,
Бедняжка! Как зима настанет,
За чайным столиком семья
Гурьбой читать тебя не станет.
Не занесешь ты новых дум
В глухие, темные селенья,
Где изнывает русский ум
Вдали от центров просвещенья!

О, если ты честна была,
Что за беда, что ты смела?
Так редки книги не пустые...
Мне очень жаль, мне очень жаль,
И, может быть, мою печаль
Со мной разделит вся Россия!..

Конец 1866 — начало 1867

СЦЕНЫ ИЗ ЛИРИЧЕСКОЙ КОМЕДИИ «МЕДВЕЖЬЯ ОХОТА»

1

Действие первое

СЦЕНА ТРЕТЬЯ

Зимняя картина. Равнина, занесенная снегом, кое-где деревья, пни, кустарник; впереди сплошной лес. По направлению к лесу, без дороги, кто на лыжах, кто на четвереньках, кто барахтаясь по пояс в снегу, тянется вереница загонщиков, человек сто: мужики, отставные солдаты, бабы, девки, мальчики и девочки. Каждый и каждая с дубинкою; у некоторых мужиков ружья. За народом Савелий, окладчик, продавший медведя и распоряжающийся охотою. По дороге, протоптываемой народом, пробираются, часто спотыкаясь, господа охотники. Впереди князь Воехотский, старик лет 65-ти, сановник; за ним барон фон дер Гребен, нечто вроде посланника, важная, надменная фигура, лет 50. Он изредка переговаривается с Воехотским, но оба они более заняты трудным процессом ходьбы. За ними Миша, плотный, полнолицый господин, лет 45, действительный статский советник, служит; здоров до избытка, шутник и хохотун; рядом с ним Пальцов, господин лет 50-ти, не служил и не служит. Они горячо разговаривают.

Миша и Пальцов продолжают прежде начатый разговор.

Пальцов

...Что ты ни говори, претит душе моей
Тот круг, где мы с тобою бродим:
Двух-трех порядочных людей
На сотню франтов в нем находим.

А что такое русский франт?
Всё совершенствуется в свете,
А у него единственный талант,
Единственный прогресс — в жилете.
Вино, рысак, лоретка — тут он весь
И с внутренним и с внешним миром.
Его тщеславие вращается доднесь
Между конюшней и трактиром.
Программа жалкая его —
Не делать ровно ничего,
Считая глупостью и ложью
Всё, кроме светской суеты;

Гнушаться чернью, быть на «ты»
Со всею именитой молодежью;
За недостатком гордости в душе,
Являть ее в своей осанке;
Дрожать для дела на гроше
И тысячи бросать какой-нибудь цыганке;
Знать наизусть Елен и Клеопатр,
Наехавших из Франции в Россию,
Ходить в Михайловский театр
И презирать — *Александрию.*
Французским jeunes premiers[1] в манерах
подражать,
Искусно на коньках кататься,
На скачках призы получать
И каждый вечер напиваться
В трактирах и в других домах,
С отличной стороны известных,
Или в милютиных рядах,
За лавками, в конурах тесных,
Где царствует обычай вековой
Не мыть полов, салфеток, стклянок,
Куда влекут они с собой
И чопорных, брезгливых парижанок,
Чтобы в разгаре кутежа,
В угоду пристающим спьяна,
Есть устрицы с железного ножа
И пить вино из грязного стакана!

В одном прогресс являет он —
Наш милый франт — что всё мельчает,
Лет в двадцать волосы теряет,
Тщедушен, ростом умален
И слабосилием наказан.
Стаканом можно каждого споить
И каждого не трудно удавить
На узкой ленточке, которой он повязан!

Миша

Ты метко франтов очертил.

---

[1] Первым любовникам *(франц.).— Ред.*

Пальцов

Одно я только позабыл,
Коснувшись этой тли снаружи,
Что эти полумертвецы,
Развратом юности ослабленные души,
Невежды, если не глупцы,—
Со временем родному краю
Готовятся...

Миша

Я понимаю.
Но не одних же пустомель
Встречаем мы и в светском мире:
Есть люди — их понятья шире,
Доступна им живая цель.
Сбери-ка эти единицы,
Таланты, знания, умы,
С великорусской Костромы
До полурусской Ниццы,
Соедини-ка их в одно
Разумным, общерусским делом...

Пальцов

Соединить их — мудрено!
Занесся ты, в порыве смелом,
Бог весть куда, любезный друг!
Вернись-ка к фактам!

Миша

Факты трудны!
Не говорю, чтоб были скудны,
Но не припомнишь вдруг!
Я сам не слишком обольщаюсь,
Не ждал я и не жду чудес,
Но твердо за одно ручаюсь,
Что с мели сдвинул нас прогресс.
Вот например: давно не очень
Жизнь на Руси груба была
И, как под музыку, текла
Под град ругательств и пощечин:
Тот звук, как древней драме хор,
Необходим был жизни нашей.

Ну, а теперь — гуманный спор,
Игривый спич за полной чашей!

Пальцов

Вот чудо!

Миша

Чуда, друг мой, нет,
Но всё же выигрыш в итоге.
Засевши на большой дороге
С дворовой челядью, мой дед
Был, говорят, грозою краю,
А я — его любезный внук —
Я друг народа, друг наук,
Я в комитетах заседаю!

Пальцов

Ты шутишь?

Миша

Нет, я не шучу!
Я этой резкостью сравненья
Одно сказать тебе хочу:
«Держись на русской точке зренья» —
И ты утешишься, друг мой!
Не слишком длинное пространство
Нас разделяет с стариной,
Но уж теперь не то дворянство,
В литературе дух иной,
Администраторы иные...

Пальцов

Да! люди тонко развитые!
О них судить не нашему уму,
Довольно с нас благоговеть, гордиться.
Ты эпитафию читал ли одному?
По-моему, десяткам пригодится!
«Систему полумер приняв за идеал,
Ни прогрессист, ни консерватор,
Добро ты портил, зла не улучшал,
Но честный был администратор...»

В администрацию попасть большая честь;
Но будь талант — пути открыты,
И надобно признаться, всё в ней есть,
Есть даже, кажется, спириты!

Миша

Давно ли чуждо было нам
Всё, кроме личного расчета?
Теперь к общественным делам
Явилась рьяная забота!

Пальцов
(смеется)

С тех пор как родину прогресс
Поставил в новые условья,
О Русь! вселился новый бес
Почти во все твои сословья.
То бес «общественных забот».
Кто им не одержим? Но — чудо! —
Не много выиграл народ,
И легче нет ему покуда
Ни от чиновных мудрецов,
Ни от фанатиков народных,
Ни от начитанных глупцов,
Лакеев мыслей благородных!

Миша

Ну! зол ты стал, как погляжу!
Прослыть стараясь Вельзевулом,
Ты и себя ругнул огулом.
А я, опять-таки, скажу:
Часть общества по мере сил развита;
Не сплошь мы пошлости рабы:
Есть признаки осмысленного быта
Есть элементы для борьбы.
У нас есть крепостник-плантатор,
Но есть и честный либерал;
Есть заскорузлый консерватор,
А рядом — сам ты замечал —
Великосветский радикал!

Пальцов

Двух слов без горечи не бросит,
Без грусти ни на чем не остановит глаз,
Он не идет, а, так сказать, проносит
Себя, как контрабанду, среди нас.
Шалит землевладелец крупный,
Морочит модной маской свет,
Иль точно тайной недоступной
Он полон — невелик секрет!

Миша

И то уж хорошо, что времена пришли
Брать эти — не другие роли...
Давно ли мы безгласно шли,
Куда погонят нас, давно ли?..
Теперь, куда ни посмотри,
Зачатки критики, стремленье...

Пальцов
(с гневом)

Пожалуйста, не говори
Про русское общественное мненье!
Его нельзя не презирать
Сильней невежества, распутства, тунеядства;
На нем предательства печать
И непонятного злорадства!
У русского особый взгляд,
Преданьям рабства страшно верен:
Всегда побитый виноват,
А битым — счет потерян!
Как будто с умыслом силки
Мы расставляем мысли смелой:
Сперва — сторонников полки,
Восторг почти России целой,
Потом — усталость; наконец,
Все настороже, все в тревоге,
И покидается боец
Почти один на полдороге...
Победа! мимо всех преград
Прошла и принялась идея.

«Ура!» — кричим мы не робея,
И тот, кто рад и кто не рад...
Зато с каким зловещим тактом
Мы неудачу сторожим!
Заметив облачко над фактом,
Как стушеваться мы спешим!
Как мы вертим хвостом лукаво,
Как мы уходим величаво
В скорлупку пошлости своей!
Как негодуем, как клевещем,
Как ретроградам рукоплещем,
Как выдаем своих друзей!
Какие слышатся аккорды
В постыдной оргии тогда!
Какие выдвинутся морды
На первый план! Гроза, беда!
Облава — в полном смысле слова!..
Свалились в кучу — и готово
Холопской дури торжество,
Мычанье, хрюканье, блеянье
И жеребячье гоготанье —
А-ту его! а-ту его!..

Не так ли множество идей
Погибло несомненно важных,
Помяв порядочных людей
И выдвинув вперед продажных?
Нам всё равно! Не дорожим
Мы шагом к прочному успеху.
Прогресс?.. его мы не хотим —
Нам дай новинку, дай потеху!
И вот новинке всякий рад
День, два; все полны грез и веры.
А завтра с радостью глядят,
Как «рановременные» меры
Теряют должные размеры
И с треском пятятся назад!..

Народ впереди остановился. Остановились и охотники. Савелий, объяснив что-то князю Воехотскому, причем таинственно указывал по направлению к лесу, подходит к Пальцову и Мише.

Савелий

На нумера извольте становиться.
Теперь нельзя курить
И громко говорить здесь не годится.

Миша

Что ж можно? Можно водку пить!
(Хохочет и, наливая из фляжки, потчует Пальцова и пьет сам.)

Савелий, расставив охотников по цепи, в расстоянии шагов пятидесяти друг от друга, разделяет народ на две половины; одна молча и с предосторожностями отправляется по линии круга направо, другая налево.

СЦЕНА ЧЕТВЕРТАЯ

Барон фон дер Гребен и князь Воехотский.
На № 5-м. Барон сидит на складном стуле; снег около него утоптан, под ногами ковер. Близ него прислонены к дереву три штуцера со взведенными курками. В нескольких шагах от него, сзади, мужик-охотник с рогатиной.

Кн. Воехотский

(подходя к барону с своего, соседнего нумера)

Теперь барон, вы видели природу,
Вы видели народ наш?

Барон

И не мог
Не заключить, что этому народу
Пути к развитью заградил сам бог.

Кн. Воехотский

Да! да! непобедимые условья!
Но, к счастию, народ не выше их:
Невежество, бесчувственность воловья
Полезны при условиях таких.

Барон

Когда природа отвечать не может
Потребностям, которые родит
Развитие,— оно беды умножит
И только даром страсти распалит.

Кн. Воехотский

Вы угадали мысль мою: нелепо
В таких условьях просвещать народ.
На почве, где с трудом родится репа,
С развитием банан не расцветет.
Нам не указ Европа: там избыток
Во всех дарах, по милости судеб;
А здесь один суровый черный хлеб
Да из него же гибельный напиток!
И средства нет прибавить что-нибудь.
Болото, мох, песок — куда ни взглянешь!
Не проведешь сюда железный путь,
К путям железным весь народ не стянешь!
А здесь — вот, например, зимой —
Какие тут возможны улучшенья?..
Хоть лошадям убавьте-ка мученья,
Устройте экипаж другой!
Здесь мужику, что вышел за ворота,
Кровавый труд, кровавая борьба:
За крошку хлеба капля пота —
Вот в двух словах его судьба!
Его сама природа осудила
На грубый труд, неблагодарный бой
И от отчаянья разумно оградила
Невежества спасительной броней.
Его удел — безграмотство, беспутство,
Убожество и чувством, и умом,
Его узда — налоги, труд, рекрутство,
Его утеха — водка с дурманом!

Барон

So, so[1]...

[1] Так, так (*нем.*).— *Ред.*

СЦЕНА ПЯТАЯ

Пальцов и Миша.

На № 1-м. К Пальцову подходит с своего нумера Миша.

Миша

Еще не скоро выйдет зверь...
Покаместь приведем-ка в ясность
То время, как слова «свобода», «гласность»,
Которыми набили мы теперь
Оскому, как незрелыми плодами,
Не слышались и в шутку между нами.
Когда считался зверем либерал,
Когда слова «общественное благо»
И произнесть нужна была отвага,
Которою никто не обладал!
Когда одни житейские условья
Сближали нас, а попросту расчет,
И лишь в одном сливались все сословья,
Что дружно налегали на народ.

Пальцов

Великий век, когда блистал
Среди безгласных поколений
Администратор-генерал
И откупщик — кабачный гений!

Миша

Ты, думаю, охоту на двуногих
Застал еще в ребячестве своем.
Слыхал ты вопли стариков убогих
И женщин, засекаемых кнутом?
Я думаю, ты был не полугода
И не забыл порядки тех времен,
Когда, в ответ стенаниям народа,
Мысль русская стонала в полутон?

Пальцов

Великий век — великих мер!
«Не рассуждать — повиноваться!» —
Девиз был общий; сам Гомер
Не смел Омиром называться.

Миша

Припомни, как в то время золотое
Учили нас? Раздолье-то какое!
Сын барина, чиновника, князька
Настолько норовил образоваться,
Чтоб на чужие плечи забираться
Уметь — а там дорога широка!
Три фазиса дворянское развитье
Прекрасные являло нам тогда:
В дни юности — кутеж и стеклобитье,
Наука жизни — в зрелые года
(Которую не в школах европейских —
Мы черпали в гостиных и лакейских),
И, наконец, заветная мечта —
Почетные, доходные места...

Припомнил ты то время золотое,
Которого исчадье мы прямое,
Припомнил? — Ну, так полюбуйся им!

Как яблоню качает проходящий,
Весь занятый минутой настоящей,
Желанием одним руководим —
Набрать плодов и дале в путь пуститься,
Не думая, что много их свалится,
Которых он не сможет захватить,
Которые напрасно будут гнить,—
Так русское общественное древо,
Кто только мог, направо и налево
Раскачивал, спеша набить карман,
Не думая о том, что будет дале...
Мы все тогда жирели, наживали,
Все... кроме, разумеется, крестьян...
Да в стороне стоял один, печален,
Тогдашний чистоплотный либерал;
Он рук в грязи житейской не марал,
Он для того был слишком идеален,
Но он зато не делал ничего...

Пальцов

О ком ты говоришь?

Миша

В литературе
Описан он достаточно: его
Прозвали «лишним». Честный по натуре,
Он был аристократ, гуляка и лентяй;
Избыточно снабженный всем житейским,
Следил он за движеньем европейским...

Пальцов

Да это — я!

Миша

Как хочешь понимай!
Тип был один, оттенков было много.
Судили их тогда довольно строго,
Но я недавно начал понимать,
Что мы добром должны их поминать...
Диалектик обаятельный,
Честен мыслью, сердцем чист!
Помню я твой взор мечтательный,
Либерал-идеалист!
Созерцающий, читающий,
С неотступною хандрой
По Европе разъезжающий,
Здесь и там — всему чужой.
Для действительности скованный,
Верхоглядом жил ты, зря,
Ты бродил разочарованный,
Красоту боготворя;
Всё с погибшими созданьями
Да с брошюрами возясь,
Наполняя ум свой знаньями,
Обходил ты жизни грязь;
Грозный деятель в теории,
Беспощадный радикал,
Ты на улице истории
С полицейским избегал;
Злых, надменных, угнетающих
Лишь презреньем ты карал,
Не спасал ты утопающих,
Но и в воду не толкал...

Ты, в котором чуть не гения
Долго видели друзья,
Рыцарь доброго стремления
И беспутного житья!
Хоть реального усилия
Ты не сделал никогда,
Чувству горького бессилия
Подчинившись навсегда,—
Всё же чту тебя и ныне я,
Я люблю припоминать
На челе твоем уныния
Беспредельного печать:
Ты стоял перед отчизною,
Честен мыслью, сердцем чист,
Воплощенной укоризною,
Либерал-идеалист!

Пальцов

Куда ж девались люди эти?

Миша

Бог весть! Я не встречаю их.
Их песня спета — что нам в них?
Герои слова, а на деле — дети!
Да! одного я встретил: глуп, речист
И стар, как возвращенный декабрист.
В них вообще теперь не много толку.
Мудрейшие достали втихомолку
Такого рода прочные места,
Где служба по возможности чиста,
И, средние оклады получая,
Не принося ни пользы, ни вреда,
Живут себе под старость припевая;
За то теперь клеймит их иногда
Предателями племя молодое;
Но я ему сказал бы: не забудь —
Кто выдержал то время роковое,
Есть от чего тому и отдохнуть.
Бог нá помочь! бросайся прямо в пламя
И погибай...
Но, кто твое держал когда-то знамя,
Тех не пятнай!

Не предали они — они устали
Свой крест нести,
Покинул их дух Гнева и Печали
На полпути...

Еще добром должны мы помянуть
Тогдашнюю литературу,
У ней была задача: как-нибудь
Намеком натолкнуть на честный путь
К развитию способную натуру...
Хорошая задача! Не забыл,
Я думаю, ты истинных светил,
Отметивших то время роковое:
Белинский жил тогда, Грановский, Гоголь
жил,
Еще найдется славных двое-трое —
У них тогда училось всё живое...

Белинский был особенно любим...
Молясь твоей многострадальной тени,
Учитель! перед именем твоим
Позволь смиренно преклонить колени!

В те дни, как всё коснело на Руси,
Дремля и раболепствуя позорно,
Твой ум кипел — и новые стези
Прокладывал, работая упорно.

Ты не гнушался никаким трудом:
«Чернорабочий я — не белоручка!» —
Говаривал ты нам — и напролом
Шел к истине, великий самоучка!

Ты нас гуманно мыслить научил,
Едва ль не первый вспомнил об народе,
Едва ль не первый ты заговорил
О равенстве, о братстве, о свободе...

Не даром ты, мужая по часам,
На взгляд глупцов казался переменчив,
Но пред врагом заносчив и упрям,
С друзьями был ты кроток и застенчив.

Не думал ты, что сто́ишь ты венца,
И разум твой горел не угасая,
Самим собой и жизнью до конца
Святое недовольство сохраняя,—

То недовольство, при котором нет
Ни самообольщенья, ни застоя,
С которым и на склоне наших лет
Постыдно мы не убежим из строя,—

То недовольство, что душе живой
Не даст восстать противу новой силы
За то, что заслоняет нас собой
И старцам говорит: «Пора в могилы!»

Грановского я тоже близко знал —
Я слушал лекции его три года.
Великий ум! счастливая природа!
Но говорил он лучше, чем писал.
Оно и хорошо — писать не время было:
Почти что ничего тогда не проходило!
Бывали случаи: весь век
Считался умным человек,
А в книге глупым очутился:
Пропал и ум, и слог, и жар,
Как будто с бедным приключился
Апоплексический удар!

Когда же в книгах будем мы блистать
Всей русской мыслью, речью, даром,
А не заиками хромыми выступать
С апоплексическим ударом?..

Перед рядами многих поколений
Прошел твой светлый образ; чистых впечатлений
И добрых знаний много сеял ты,
Друг Истины, Добра и Красоты!

Пытлив ты был: искусство и природа,
Наука, жизнь — ты всё познать желал,
И в новом творчестве ты силы почерпал,
И в гении угасшего народа...
И всем делиться с нами ты хотел!
Не диво, что тебя мы горячо любили:
Терпимость и любовь тобой руководили.
Ты настоящее оплакивать умел
И брата узнавал в рабе иноплеменном,
От нас веками отдаленном!
Готовил родине ты честных сыновей,
Провидя луч зари за непроглядной далью.
Как ты любил ее! Как ты скорбел о ней!
Как рано умер ты, терзаемый печалью!
Когда над бедной русскою землей
Заря надежды медленно всходила,
Созрел недуг, посеянный тоской,
Которая всю жизнь тебя крушила...

Да! славной смертью, смертью роковой
Грановский умер... кто не издевался
Над «беспредметною» тоской?
Но глупый смех к чему не придирался?
«Гражданской скорбью» наши мудрецы
Прозвали настроение такое...
Над чем смеяться вздумали, глупцы!
Опошлить чувство силятся какое!
Поверхностной иронии печать
Мы очень часто налагаем
На то, что должно уважать,
Зато — достойное презренья уважаем!
Нам юноша, стремящийся к добру,
Смешон восторженностью странной,
А зрелый муж, поверженный в хандру,
Смешон тоскою постоянной;
Не понимаем мы глубоких мук,
Которыми болит душа иная,
Внимая в жизни вечно ложный звук
И в праздности невольной изнывая;
Не понимаем мы — и где же нам понять? —
Что белый свет кончается не нами,
Что можно личным горем не страдать
И плакать честными слезами.

Что туча каждая, грозящая бедой,
Нависшая над жизнию народной,
След оставляет роковой
В душе живой и благородной!

Да! были личности!.. Не пропадет народ,
Обретший их во времена крутые!
Мудреными путями бог ведет
Тебя, многострадальная Россия!
Попробуй усомнись в твоих богатырях
Доисторического века,
Когда и в наши дни выносят на плечах
Всё поколенье два-три человека!

Как ты меня, однако ж, взволновал!
Не шуточное вышло излиянье,
Я лучший перл со дна души достал,
Чистейшее мое воспоминанье!
Мне стало грустно... Надо попадать,
По мере сил, опять на тон шутливый...
. . . .

В лесу раздается сигнальный выстрел и вслед за тем крики, трещотки, хлопушки. Охотники поспешно расходятся на свои нумера и становятся настороже, со взведенными штуцерами...

2

ПЕСНЯ О ТРУДЕ

Кто хочет сделаться глупцом,
Тому мы предлагаем:
Пускай пренебрежет трудом
И жить начнет лентяем.

Хоть Геркулесом будь рожден
И умственным атлетом,
Всё ж будет слаб, как тряпка, он
И жалкий трус при этом.

Нет в жизни праздника тому,
Кто не трудится в будень.
Пока есть лишний мед в дому,
Терпим пчелами трутень;

Когда ж общественной нужды
Придет крутое время,
Лентяй, не годный никуды!
Ты всем двойное бремя.

Когда придут зараза, мор,
Ты первый кайся богу,
Запрешь ворота на запор,
Но смерть найдет дорогу!..

Кому бросаются в глаза
В труде одни мозоли,
Тот глуп, не смыслит ни аза!
Страдает праздность боле.

Когда придет упадок сил,
Хандра подступит злая —
Верь, ни единый пес не выл
Тоскливее лентяя!

Итак, о славе не мечтай,
Не будь на деньги падок,
Трудись по силам и желай,
Чтоб труд был вечно сладок.

Чтоб испустить последний вздох
Не в праздности — в работе,
Как старый пес мой, что издох
Над гаршнепом в болоте!..

3

ПЕСНЯ

Отпусти меня, родная,
Отпусти не споря!
Я не травка полевая,
Я взросла у моря.

Не рыбацкий парус малый —
Корабли мне снятся,
Скучно! в этой жизни вялой
Дни так долго длятся.

Здесь, как в клетке, заперта я,
Сон кругом глубокий,
Отпусти меня, родная,
На простор широкий,

Где сама ты грудью белой
Волны рассекала,
Где тебя я гордой, смелой,
Сча́стливой видала.

Ты не с песнею победной
К берегу пристала,
Но хоть час из жизни бедной
Торжество ты знала.

Пусть и я сломлюсь от горя,
Не жалей ты дочку!
Коли вырастет у моря —
Не спастись цветочку,

Всё равно! Сегодня счастье.
Завтра буря грянет,
Разыграется ненастье,
Ветер с моря встанет,

В день один песку нагонит
На прибрежный цветик
И навеки похоронит!..
Отпусти, мой светик!..

Конец 1866 — март 1867

ЧЕЛОВЕК СОРОКОВЫХ ГОДОВ

...Пришел я к крайнему пределу...
Я добр, я честен; я служить
Не соглашусь дурному делу,
За добрым рад не есть, не пить,

Но иногда пройти сторонкой
В вопросе грозном и живом,
Но понижать мой голос звонкий
Перед влиятельным лицом —
Увы! вошло в мою натуру!..
Не от рожденья я таков,
Но я прошел через цензуру
Незабываемых годов.
На всех, рожденных в двадцать пятом
Году, и около того,
Отяготел жестокий фатум:
Не выйти нам из-под него.
Я не продам за деньги мненья,
Без крайней нужды не солгу...
Но — гибнуть жертвой убежденья
Я не могу... я не могу...

1866—1867

СУД

Современная повесть

1

«Однажды, зимним вечерком»
Я перепуган был звонком,
Внезапным, властным... Вот опять!
Зачем и кто — как угадать?
Как сладить с бедной головой,
Когда врывается толпой
В нее тревожных мыслей рой?

Вечерний звон! вечерний звон!
Как много дум наводит он! [1]

За много лет всю жизнь мою
Припомнил я в единый миг,
Припомнил каждую статью

[1] Козлов.

И содержанье двух-трех книг,
Мной сочиненных. Вспоминал
Я также то, где я бывал,
О чем и с кем вступал я в спор;
А звон, неумолим и скор,
Меж тем на миг не умолкал,
Пока я брюки надевал...

О невидимая рука!
Не обрывай же мне звонка!
Тотчас я силы соберу,
Зажгу свечу — и отопру.
Гляжу — чуть теплится камин.
Невинный «Модный магазин»
(Издательницы Софьи Мей)
И письма — память лучших дней —
Жены теперешней моей,
Когда, наивна и мила,
Она невестою была,
И начатой недавно труд,
И мемуары — весом с пуд,
И приглашенья двух вельмож,
В дома которых был я вхож,
До прейскуранта крымских вин —
Всё быстро бросил я в камин!
И если б истребленья дух
Насытить время я имел,
Камин бы долго не потух.
Но колокольчик мой звенел
Что миг — настойчивей и злей.
Пылай, камин! Гори скорей,
Записок толстая тетрадь!
Пора мне гостя принимать...

Ну, догорела! Выхожу
В гостиную — и нахожу
Жену... О, верная жена!
Ни слез, ни жалоб, лишь бледна.
Блажен, кому дана судьбой
Жена с геройскою душой,
Но тот блаженней, у кого
Нет близких ровно никого...

«Не бойся ничего! поверь,
Всё пустяки!» — шепчу жене,
Но голос изменяет мне.
Иду — и отворяю дверь...
Одно из славных русских лиц[1]
Со взором кротким без границ,
Полуопущенным к земле,
С печатью тайны на челе,[2]
Тогда предстал передо мной
Администратор молодой.
Не только этот грустный взор,
Формально всё — до звука шпор
Так деликатно было в нем,
Что с этим тактом и умом
Он даже больше был бы мил,
Когда бы меньше был уныл.
Кивнув угрюмо головой,
Я указал ему на стул;
Не сел он; стоя предо мной,
Он лист бумаги развернул
И подал мне. Я прочитал
И ожил — духом просиял!

Вечерний звон, вечерний звон!
Как много дум наводит он!
Порой таких ужасных дум,
Что и действительность сама
Не помрачает так ума,
Напротив, возвращает ум!

«Судить назначено меня
При публике, при свете дня! —
Я крикнул весело жене.—
Прочти, мой друг! Поди ко мне!»
Жена поспешно подошла
И извещение прочла:
«Понеже в вашей книге есть
Такие дерзкие места,
Что оскорбилась чья-то честь
И помрачилась красота,

---

[1] Лермонтов.
[2] Веневитинов.

То вас за дерзость этих мест
Начальство отдало под суд,
А книгу взяло под арест».
И дальше чин и подпись тут.
Я сущность передал — но слог...
Я слога передать не мог!
Когда б я слог такой имел,
Когда б владел таким пером,
Я не дрожал бы, не бледнел
Перед нечаянным звонком...

Заметив радость, а не злость
В лице моем, почтенный гость
Любезно на меня взглянул.
Вновь указав ему на стул,
Я папиросу предложил,
Он сел и скромно закурил.
Тогда беседа началась
О том, как многое у нас
Несовершенно; как далек
Тот вожделенный идеал,
Какого всякий бы желал
Родному краю: нет дорог,
В торговле плутни и застой,
С финансами хоть волком вой,
Мужик не чувствует добра,
Et caetera, et caetera...[1]
Уж час в беседе пролетел,
А не коснулись между тем
Мы очень многих важных тем,
Но тут огарок догорел,
Дымясь,— и вдруг расстались мы
Среди зловония и тьмы.

2

Ну, суд так суд! В судебный зал
Сберется грозный трибунал,
Придут враги, придут друзья,
Предстану — обвиненный — я,

[1] И так далее, и так далее *(лат.)*.— *Ред.*

И этот труд, горячий труд
Анатомировать начнут!

Когда я отроком блуждал
По тихим волжским берегам,
«Суд в подземельи» я читал,
Жуковского поэму,— там,
Что стих, то ужас: темный свод,
Грозя обрушиться, гнетет;
Визжа, заржавленная дверь
Поет: «Не вырвешься теперь!»
И ряд угрюмых клобуков
При бледном свете ночников,
Кивая, вторит ей в ответ:
«Преступнику спасенья нет!»
Потом, я помню, целый год
Во сне я видел этот свод,
Монахов, стражей, палачей;
И живо так в душе моей
То впечатленье детских дней,
Что я и в зрелые года
Боюсь подземного суда.
Вот почему я ликовал,
Когда известье прочитал,
Что гласно буду я судим,
Хоть утверждают: гласность — дым.
Оно конечно: гласный суд —
Всё ж суд. Притом же, говорят,
Там тоже спуску не дают;
Посмотрим, в чем я виноват.
(Сажусь читать, надев халат.)

Каких задач, каких трудов
Для человеческих голов
Враждебный рок не задавал?
Но, литератор прежних дней!
Ты никогда своих статей
С подобным чувством не читал,
Как я в ту роковую ночь.
Скажу вам прямо — скрытность прочь,—
Я с точки зрения судьи
Всю ночь читал мои статьи.

И нечто странное со мной
Происходило... Боже мой!
То, оправданья подобрав,
Я говорил себе: я прав!
То сам себя воображал
Таким злодеем, что дрожал
И в зеркало гляделся я...
Занятье скверное, друзья!

Примите добрый мой совет,
Писатели грядущих лет!
Когда постигнет вас беда,
Да будет чужд ваш бедный ум
Судебно-полицейских дум —
Оставьте дело до суда!
Нет пользы голову трудить
Над тем, что будут говорить
Те, коих дело обвинять,
Как наше — книги сочинять.
А если нервы не уснут
На милом слове «Гласный суд»,
Подлей побольше рому в чай
И безмятежно засыпай!..

3

Заснул и я, но тяжек сон
Того, кто горем удручен.
Во сне я видел, что герой
Моей поэмы роковой
С полуобритой головой,
В одежде арестантских рот
Вдоль по Владимирке идет.
А дева, далеко отстав,
По плечам кудри разметав,
Бежит за милым, на бегу
Ныряя по груди в снегу,
Бежит, и плачет, и поет...

Дитя фантазии моей,
Не плачь! До снеговых степей,
Я знаю, дело не дойдет.

В твоей судьбе средины нет:
Или увидишь божий свет,
Или — преступной признана —
С позором будешь сожжена!
Итак, молись, моя краса,
Чтобы по милости твоей
Не стали наши небеса
Еще туманней и темней!

Потом другой я видел сон,
И был безмерно горек он:
Вхожу я в суд — и на скамьях
Друзей, родных встречает взор,
Но не участье в их чертах —
Негодованье и укор!
Они мне взглядом говорят:
«С тобой мы незнакомы, брат!»
— «Что с вами, милые мои?» —
Тогда невольно я спросил;
Но только я заговорил,
Толпа покинула скамьи,
И вдруг остался я один,
Как голый пень среди долин,[1]
Тогда, отчаяньем объят,
Я разревелся пред судом
И повинился даже в том,
В чем вовсе не был виноват!..

Проснувшись, долго помышлял
Я о моем жестоком сне,
Мужаться слово я давал,
Но страшно становилось мне:
Ну, как и точно разревусь,
От убеждений отрекусь?
Почем я знаю: хватит сил
Или не хватит — устоять?..
И начал я припоминать,
Как развивался я, как жил:
Родился я в большом дому,
Напоминающем тюрьму,

[1] Лермонтов.

В котором грозный властелин
Свободно действовал один,
Держа под страхом всю семью
И челядь жалкую свою;
Рассказы няни о чертях
Вносили в душу тот же страх;
Потом я в корпус поступил
И там под тем же страхом жил.
Случайно начал я писать,
Тут некий образ посещать
Меня в часы работы стал.
С пером, со стклянкою чернил
Он над душой моей стоял,
Воображенье леденил,
У мысли крылья обрывал.
Но не довольно был он строг,
И я терпел еще за то,
Что он подчас мой труд берег
Или вычеркивал не то.
И так писал я двадцать лет,
И вышел я такой поэт,
Каким я выйти мог... Да, да!
Грозит последняя беда...
Пошли вам бог побольше сил!
Меня же так он сотворил,
Что мимо будки городской
Иду с стесненною душой,
И, право, я не поручусь,
Что пред судом не разревусь...

4

Не так счастливец молодой
Идет в таинственный покой,
Где, нетерпения полна,
Младая ждет его жена,
С каким я трепетом вступал
В тот роковой, священный зал,
Где жизнь, и смерть, и честь людей
В распоряжении судей.
Герой — а я теперь герой —
Быть должен весь перед тобой,

О публика! во всей красе...
Итак, любуйся: я плешив,
Я бледен, нервен, я чуть жив,
И таковы почти мы все.
Но ты не думай, что тебя
Хочу разжалобить: любя
Свой труд, я вовсе не ропщу,
Я сожалений не ищу;
«Коварный рок», «жестокий рок»
Не больше был ко мне жесток,
Как и к любому бедняку.
То правда: рос я не в шелку,
Под бурей долго я стоял,
Меня тиранила нужда,
Гнела любовь, гнела вражда;
Мне граф <Орлов> мораль читал,
И цензор слог мой исправлял,
Но не от этих общих бед
Я слаб и хрупок как скелет.
Ты знаешь, я — «любимец муз»,
А невозможно рассказать,
Во что обходится союз
С иною музой; благодать
Тому, чья муза не бойка:
Горит он редко и слегка.
Но горе, ежели она
Славолюбива и страстна.
С железной грудью надо быть,
Чтоб этим ласкам отвечать,
Объятья эти выносить,
Кипеть, гореть — и погасать,
И вновь гореть — и снова стыть.
Довольно! Разве досказать,
Удобный случай благо есть,
Что я, когда начну писать,
Перестаю и спать, и есть...

Не то чтоб ощутил я страх,
Когда уселись на местах
И судьи и народ честной,
Интересующийся мной,
И приготовился читать

Тот, чье призванье — обвинять;
Но живо вспомнил я тогда
Счастливой юности года,
Когда придешь, бывало, в класс
И знаешь: сечь начнут сейчас!

Толпа затихла, начался
Доклад — и длился два часа...

Я в деле собственном моем,
Конечно, не судья; но в том,
Что обвинитель мой читал,
Своей статьи я не узнал.
Так пахарь был бы удивлен,
Когда бы рожь посеял он,
А уродилось бы зерно
Ни рожь, ни греча, ни пшено —
Ячмень колючий, и притом
Наполовину с дурманом!
О прокурор! ты не статью,
Ты душу вывернул мою!
Слагая образы мои,
Я только голосу любви
И строгой истины внимал,
А ты так ясно доказал,
Что я законы нарушал!

Но где ж не грозен прокурор?..
Смягченный властию судей,
Не так был грозен приговор:
Без поэтических затей,
Не на утесе вековом,
Где море пенится кругом
И бьется жадною волной
О стены башни крепостной, —
На гауптвахте городской,
Под вечным смрадом тютюна,
Я месяц высидел сполна...
Там было сыро; по углам
Белела плесень; по стенам
Клопы гуляли; в щели рам
Дул ветер, порошил снежок.

Сиди-посиживай, дружок!
Я спать здоров, но сон был плох
По милости проклятых блох.
Другая, горшая беда:
В мой скромный угол иногда
Являлся гость: дебош ночной
Свершив, гвардейский офицер,
Любезный, статный, молодой
И либеральный выше мер,
День-два беседовал со мной:
Уйдет один, другой придет
И те же басенки плетет...

Блоха — бессонница — тютюн —
Усатый офицер-болтун —
Тютюн — бессонница — блоха —
Всё это мелочь, чепуха!
Но веришь ли, читатель мой!
Так иногда с блохами бой
Был тошен; смрадом тютюна
Так жизнь была отравлена,
Так больно клоп меня кусал
И так жестоко донимал
Что день, то новый либерал,
Что я закаялся писать...
Бог весть, увидимся ль опять!..

ЭПИЛОГ

Зимой поэт молчал упорно,
Зимой писать охоты нет,
Но вот дохнула благотворно
Весна — не выдержал поэт!
Вновь пишет он, призванью верен.
Пиши, но будь благонамерен!
И не рискуй опять попасть
На гауптвахту или в часть!

Конец 1866—1867

*

Посвящается неизвестному другу, приславшему мне стихотворение «Не может быть».

Умру я скоро. Жалкое наследство,
О родина! оставлю я тебе.
Под гнетом роковым провел я детство
И молодость — в мучительной борьбе.
Недолгая нас буря укрепляет,
Хоть ею мы мгновенно смущены,
Но долгая — навеки поселяет
В душе привычки робкой тишины.
На мне года гнетущих впечатлений
Оставили неизгладимый след.
Как мало знал свободных вдохновений,
О родина! печальный твой поэт!
Каких преград не встретил мимоходом
С своей угрюмой музой на пути?..
За каплю крови, общую с народом,
И малый труд в заслугу мне сочти!

Не торговал я лирой, но, бывало,
Когда грозил неумолимый рок,
У лиры звук неверный исторгала
Моя рука... Давно я одинок;
Вначале шел я с дружною семьею,
Но где они, друзья мои, теперь?
Одни давно расстались со мною,
Перед другими сам я запер дверь;
Те жребием постигнуты жестоким,
А те прешли уже земной предел...
За то, что я остался одиноким,
Что я ни в ком опоры не имел,
Что я, друзей теряя с каждым годом,
Встречал врагов всё больше на пути —
За каплю крови, общую с народом,
Прости меня, о родина! прости!..

Я призван был воспеть твои страданья,
Терпеньем изумляющий народ!
И бросить хоть единый луч сознанья
На путь, которым бог тебя ведет,

Но, жизнь любя, к ее минутным благам
Прикованный привычкой и средой,
Я к цели шел колеблющимся шагом,
Я для нее не жертвовал собой,
И песнь моя бесследно пролетела,
И до народа не дошла она,
Одна любовь сказаться в ней успела
К тебе, моя родная сторона!
За то, что я, черствея с каждым годом,
Ее умел в душе моей спасти,
За каплю крови, общую с народом,
Мои вины, о родина! прости!..

26—27 февраля 1867

ЕЩЕ ТРОЙКА

1

Ямщик лихой, лихая тройка
И колокольчик под дугой,
И дождь, и грязь, но кони бойко
Телегу мчат. В телеге той
Сидит с осанкою победной
Жандарм с усищами в аршин,
И рядом с ним какой-то бледный
Лет в девятнадцать господин.

Все кони взмылены с натуги,
Весь ад осенней русской вьюги
Навстречу; не видать небес,
Нигде жилья не попадает,
Всё лес кругом, угрюмый лес...
Куда же тройка поспешает?
Куда Макар телят гоняет.

2

Какое ты свершил деянье,
Кто ты, преступник молодой?

Быть может, ты имел свиданье
В глухую ночь с чужой женой?

Но подстерег супруг ревнивый
И длань занес — и оскорбил,
А ты, безумец горделивый,
Его на месте положил?

Ответа нет. Бушует вьюга.
Завидев кабачок, как друга,
Жандарм командует: «Стоять!»
Девятый шкалик выпивает...
Чу! тройка тронулась опять!
Гремит, звенит — и улетает
Куда Макар телят гоняет.

3

Иль погубил тебя презренный,
Но соблазнительный металл?
Дитя корысти современной,
Добра чужого ты взалкал,
И в доме, издавна знакомом,
Когда все погрузились в сон,
Ты совершил грабеж со взломом
И пойман был и уличен?

Ответа нет. Бушует вьюга;
Обняв преступника, как друга,
Жандарм напившийся храпит;
Ямщик то свищет, то зевает,
Поет... А тройка всё гремит,
Гремит, звенит — и улетает
Куда Макар телят гоняет.

4

Иль, может быть, ночным артистом
Ты не был, друг? и просто мы
Теперь столкнулись с нигилистом,
Сим кровожадным чадом тьмы?

Какое ж адское коварство
Ты помышлял осуществить?
Разрушить думал государство,
Или инспектора убить?

Ответа нет. Бушует вьюга,
Вся тройка в сторону с испуга
Шарахнулась. Озлясь, кнутом
Ямщик по всем по трем стегает;
Телега скрылась за холмом,
Мелькнула вновь — и улетает
Куда Макар телят гоняет!..

2 марта 1867

*

Зачем меня на части рвете,
Клеймите именем раба?..
Я от костей твоих и плоти,
Остервенелая толпа!
Где логика? Отцы — злодеи,
Низкопоклонники, лакеи,
А в детях видя подлецов,
И негодуют и дивятся,
Как будто от таких отцов
Герои где-нибудь родятся?
Блажен, кто в юности слепой
Погорячится и с размаху
Положит голову на плаху...
Но кто, пощаженный судьбой,
Узнает жизнь, тому дороги
И к честной смерти не найти.
Стоять он будет на пути
В недоумении, в тревоге
И думать: глупо умирать,
Чтоб им яснее доказать,
Что прочен только путь неправый;
Глупей трагедией кровавой
Без всякой пользы тешить их!
Когда являлся сумасшедший,

Навстречу смерти гордо шедший,
Что было в помыслах твоих,
О публика! одну идею
Твоя вмещала голова:
«Посмотрим, как он сломит шею!»
Но жизнь не так же дешева!

Не оправданий я ищу,
Я только суд твой отвергаю.
Я жить в позоре не хочу,
Но умереть за что — не знаю.

24 июля 1867

ВЫБОР

Ночка сегодня морозная, ясная.
В горе стоит над рекой
Русская девица, девица красная,
Щупает прорубь ногой.
Тонкий ледок под ногою ломается,
Вот на него набежала вода;
Царь водяной из воды появляется,
Шепчет: «Бросайся, бросайся сюда!
Любо здесь!» Де́вица, зову покорная,
Вся наклонилась к нему.
«Сердце покинет кручинушка черная,
Только разок обойму,
Прянь!..» И руками к ней длинными тянется...

Синие льды затрещали кругом,
Дрогнула де́вица! Ждет — не оглянется —
Кто-то шагает, идет прямиком.

«Прянь! Будь царицею царства подводного!..»

Тут подошел воевода Мороз:
«Я тебя, я тебя, вора негодного!
Чуть было девку мою не унес!»
Белый старик с бородою пушистою.
На́ воду трижды дохнул,

Прорубь подернулась корочкой льдистою,
Царь водяной подо льдом потонул.

Молвил Мороз: «Не топися, красавица!
    Слез не осушишь водой,
Жадная рыба, речная пиявица,
    Там твой нарушит покой;
Там защекотят тебя водяные,
Раки вопьются в высокую грудь,
Ноги опутают травы речные.
Лучше со мной эту ночку побудь!
К утру я горе твое успокою,
Сладкие грезы его усыпят,
Будешь ты так же пригожа собою,
Только красивее дам я наряд:
В белом венке голова засияет
Завтра, чуть красное солнце взойдет».

Девица берег реки покидает,
    К темному лесу идет.

Села на пень у дороги: ласкается
    К ней воевода-старик.
Дрогнется — зубы колотят — зевается —
Вот и закрыла глаза... забывается...
Вдруг разбудил ее Лешего крик:

«Девонька! встань ты на резвые ноги,
Долго Морозко тебя протомит.
Спал я и слышал давно: у дороги
    Кто-то зубами стучит,
Жалко мне стало. Иди-ка за мною,
Что за охота всю ноченьку ждать!
Да и умрешь — тут не будет покою:
Станут оттаивать, станут качать!
Я заведу тебя в чащу лесную,
Где никому до тебя не дойти,
Выберем, девонька, сосну любую...»

Де́вица с Лешим решилась идти.

Идут. Навстречу медведь попадается,
Де́вица вскрикнула — страх обуял.

Хохотом Лешего лес наполняется:
«Смерть не страшна, а медведь испугал!
Экой лесок, что ни дерево — чудо!
Девонька! глянь-ка, какие стволы!
Глянь на вершины — с синицу оттуда
Кажутся спящие летом орлы!
Темень тут вечная, тайна великая,
Солнце сюда не доносит лучей,
Буря взыграет — ревущая, дикая —
Лес не подумает кланяться ей!
Только вершины поропщут тревожно...
Ну, полезай! подсажу осторожно...
Люб тебе, де́вица, лес вековой!
С каждого дерева броситься можно
Вниз головой!»

1867

ЭЙ, ИВАН!

(ТИП НЕДАВНЕГО ПРОШЛОГО)

Вот он весь, как намелеван,
Верный твой Иван:
Неумыт, угрюм, оплеван,
Вечно полупьян;
На желудке мало пищи,
Чуть живой на взгляд.
Не прикрыты, голенищи
Рыжие торчат;
Вечно теплая шапчонка
Вся в пуху на нем,
Туго стянут сертучонко
Узким ремешком;
Из кармана кончик трубки
Виден да кисет.
Разве новенькие зубки
Выйдут — старых нет...

Род его тысячелетний
Не имел угла —
На запятках и в передней
Жизнь веками шла.

Ремесла Иван не знает,
    Делай, что дают:
Шьет, кует, варит, строгает,
    Не потрафил — бьют!
«Заживет!» Грубит, ворует,
    Божится и врет
И за рюмочку целует
    Ручки у господ.
Выпить может сто стаканов —
    Только подноси...
Мало ли таких Иванов
    На святой Руси?..

«Эй, Иван! иди-ка стряпать!
    Эй, Иван! чеши собак!»
Удалось Ивану сцапать
    Где-то четвертак,
Поминай теперь как звали!
    Шапку набекрень —
И пропал! Напрасно ждали
    Ваньку целый день:
Гитарист и соблазнитель
    Деревенских дур
(Он же тайный похититель
    Индюков и кур),
У корчемника Игнатки
    Приютился плут,
Две пригожие солдатки
    Так к нему и льнут.
«Эй вы, павы, павы, павы!
    Шевелись живей!»
В Ваньке пляшут все суставы
    С ног и до ушей,
Пляшут ноздри, пляшет в ухе
    Белая серьга.
Ванька весел, Ванька в духе —
    Жизнь недорога!

Утром с барином расправа:
    «Где ты пропадал?»
— «Я... нигде-с... ей-богу... право...
    У ворот стоял!»

— «Весь-то день?»... Ответы грубы,
Ложь глупа, нагла;
Были зубы — били в зубы,
Нет — трещит скула.
«Виноват!» — порядком струся,
Говорит Иван.
«Жарь к обеду с кашей гуся,
Щи вари, болван!»

Ванька снова лямку тянет,
А потом опять
Что-нибудь у дворни стянет...
«Неужли плошать?
Коли плохо положили,
Стало, не запрет!»
Господа давно решили,
Что души в нем нет.
Неизвестно — есть ли, нет ли,
Но с ним случай был:
Чуть живого сняли с петли,
Перед тем грустил.
Господам конфузно было:
«Что с тобой, Иван?»
— «Так, под сердце подступило», —
И глядят: не пьян!
Говорит: «Вы потеряли
Верного слугу,
Всё равно — помру с печали,
Жить я не могу!
А всего бы лучше с глотки
Петли не снимать»...
Сам помещик выслал водки
Скуку разогнать.
Пил детина ерофеич,
Плакал да кричал:
«Хоть бы раз Иван Мосеич
Кто меня назвал!»...

Как мертвецки накатили,
В город тем же днем:
«Лишь бы лоб ему забрили —
Вешайся потом!»

Понадеялись на дружбу,
Да не та пора:
Сдать беззубого на службу
Не пришлось. «Ура!»
Ванька снова водворился
У своих господ
И совсем от рук отбился,
Без просыпу пьет.
Хоть бы в каторгу урода —
Лишь бы с рук долой!
К счастью, тут пришла свобода:
«С богом, милый мой!»

И, затерянный в народе,
Вдруг исчез Иван...
Как живешь ты на свободе?
Где ты?.. Эй, Иван!

1867

С РАБОТЫ

«Здравствуй, хозяюшка! Здравствуйте, детки!
Выпить бы. Эки стоят холода!»
— «Ин ты забыл, что намедни последки
Выпил с приказчиком?»
— «Ну, не беда!

И без вина отогреюсь я, грешный,
Ты обряди-ка савраску, жена,
Поголодал он весною, сердечный,
Как подобрались сена.

Эк я умаялся!.. Что, обрядила?
Дай-ка горяченьких щец».
— «Печи я нынче, родной, не топила,
Не было, знаешь, дровец!»

— «Ну и без щей поснедаю я, грешный.
Ты овсеца бы савраске дала,—
В лето один он управил, сердечный,
Пашни четыре тягла.

Трудно и нынче нам с бревнами было,
Портится путь... Ин и хлебушка нет?..»
— «Вышел, родной... У соседей просила,
Завтра сулили чем свет!»

— «Ну, и без хлеба улягусь я, грешный.
Кинь под савраску соломки, жена!
В зиму-то вывез он, вывез, сердечный,
Триста четыре бревна...»

1867

*

Не рыдай так безумно над ним,
Хорошо умереть молодым!

Беспощадная пошлость ни тени
Положить не успела на нем,
Становись перед ним на колени,
Украшай его кудри венком!
Перед ним преклониться не стыдно,
Вспомни, сколькие пали в борьбе,
Сколько раз уже было тебе
За великое имя обидно!
А теперь его слава прочна:
Под холодною крышкою гроба
На нее не наложат пятна
Ни ошибка, ни сила, ни злоба...

Не хочу я сказать, что твой брат
Не был гордою волей богат,

Но, ты знаешь: кто ближнего любит
Больше собственной славы своей,
Тот и славу сознательно губит,
Если жертва спасает людей.
Но у жизни есть мрачные силы —
У кого не слабели шаги
Перед дверью тюрьмы и могилы?
Долговечность и слава — враги.

Русский гений издавна венчает
Тех, которые мало живут,

О которых народ замечает:
«У счастливого недруги мрут,
У несчастного друг умирает...»

7 августа 1868

МАТЬ

Она была исполнена печали,
И между тем, как шумны и резвы
Три отрока вокруг нее играли,
Ее уста задумчиво шептали:
«Несчастные! зачем родились вы?
Пойдете вы дорогою прямою
И вам судьбы своей не избежать!»
Не омрачай веселья их тоскою,
Не плачь над ними, мученица-мать!
Но говори им с молодости ранней:
Есть времена, есть целые века,
В которые нет ничего желанней,
Прекраснее — тернового венка...

1868

ДОМА — ЛУЧШЕ!

В Европе удобно, но родины ласки
Ни с чем несравнимы. Вернувшись домой,
В телегу спешу пересесть из коляски
И марш на охоту! Денек не дурной,

Под солнцем осенним родная картина
Отвыкшему глазу нова...
О матушка Русь! ты приветствуешь сына
Так нежно, что кругом идет голова!

Твои мужики на меня выгоняли
Зверей из лесов целый день,
А ночью возвратный мой путь освещали
Пожары твоих деревень.

1868

*

Душно! без счастья и воли
Ночь бесконечно длинна.
Буря бы грянула, что ли?
Чаша с краями полна!

Грянь над пучиною моря,
В поле, в лесу засвищи,
Чашу народного горя
Всю расплещи!..

1868

*

Наконец не горит уже лес,
Снег прикрыл почернелые пенья,
Но помещик душой не воскрес,
Потеряв половину именья.

Приуныл и мужик. «Чем я буду топить?» —
Говорит он, лицо свое хмуря.
«Ты не будешь топить — будешь пить»,—
Завывает в ответ ему буря...

1868

ПЕРЕД ЗЕРКАЛОМ

Шляпа, перчатки, портфейль,
Форменный фрак со звездою,
Несколько впалая грудь,
Правый висок с сединою.

Не до одышки я толст,
Не до мизерности тонок,
Слог у меня деловой,
Голос приятен и звонок...

Только прибавить бы лба,
Но — никакими судьбами!
Волосы глупо торчат
Тотчас почти над бровями.

При несомненном уме,
Соображении быстром,
Мне далеко не пойти —
Быть не могу я министром.

Да, представительный лоб
Необходим в этом сане,
Вот Дикобразов Прокоп...
Счастье, подумаешь, дряни!

Случай вывозит слепой
Эту фигуру медвежью:
Лоб у него небольшой,
Но дополняется плешью...
. . . .

Конец 1860-х годов

ДЕДУШКА

(Посвящается З-н-ч-е)

1

Раз у отца, в кабинете,
Саша портрет увидал,
Изображен на портрете
Был молодой генерал.
«Кто это? — спрашивал Саша.—
Кто?..» — «Это дедушка твой».—
И отвернулся папаша,
Низко поник головой.
«Что же не вижу его я?»
Папа ни слова в ответ.
Внук, перед дедушкой стоя
Зорко глядит на портрет:

«Папа, чего ты вздыхаешь?
Умер он... жив? говори!»
— «Вырастешь, Саша, узнаешь».
— «То-то... ты скажешь, смотри!..»

2

«Дедушку знаешь, мамаша?» —
Матери сын говорит.
«Знаю»,— и за руку Саша
Маму к портрету тащит,
Мама идет против воли.
«Ты мне скажи про него,
Мама! недобрый он, что ли,
Что я не вижу его?
Ну, дорогая! ну, сделай
Милость, скажи что-нибудь!»
— «Нет, он и добрый и смелый,
Только несчастный».— На грудь
Голову скрыла мамаша,
Тяжко вздыхает, дрожит —
И зарыдала... А Саша
Зорко на деда глядит:
«Что же ты мама, рыдаешь,
Слова не хочешь сказать!»
— «Вырастешь, Саша, узнаешь.
Лучше пойдем-ка гулять...»

3

В доме тревога большая.
Счастливы, светлы лицом,
Заново дом убирая,
Шепчутся мама с отцом.
Как весела их беседа!
Сын подмечает, молчит.
«Скоро увидишь ты деда!» —
Саше отец говорит...
Дедушкой только и бредит
Саша,— не может уснуть:
«Что же он долго не едет?..»

— «Друг мой! Далек ему путь!»
Саша тоскливо вздыхает,
Думает: «Что за ответ!»
Вот наконец приезжает
Этот таинственный дед.

4

Все, уж давно поджидая,
Встретили старого вдруг...
Благословил он, рыдая,
Дом, и семейство, и слуг,
Пыль отряхнул у порога,
С шеи торжественно снял
Образ распятого бога
И, покрестившись, сказал:
«Днесь я со всем примирился,
Что потерпел на веку!..»
Сын пред отцом преклонился,
Ноги омыл старику;
Белые кудри чесала
Дедушке Сашина мать,
Гладила их, целовала,
Сашу звала целовать.
Правой рукою мамашу
Дед обхватил, а другой
Гладил румяного Сашу:
«Экой красавчик какой!»
Дедушку пристальным взглядом
Саша рассматривал,— вдруг
Слезы у мальчика градом
Хлынули, к дедушке внук
Кинулся: «Дедушка! где ты
Жил-пропадал столько лет?
Где же твои эполеты,
Что не в мундир ты одет?
Что на ноге ты скрываешь?
Ранена, что ли, рука?..»
— «Вырастешь, Саша, узнаешь.
Ну, поцелуй старика!..»

5

Повеселел, оживился,
Радостью дышит весь дом,
С дедушкой Саша сдружился,
Вечно гуляют вдвоем.
Ходят лугами, лесами,
Рвут васильки среди нив;
Дедушка древен годами,
Но еще бодр и красив,
Зубы у дедушки целы,
Поступь, осанка тверда,
Кудри пушисты и белы,
Как серебро борода;
Строен, высокого роста,
Но как младенец глядит,
Как-то апостольски просто,
Ровно всегда говорит...

6

Выйдут на берег покатый
К русской великой реке —
Свищет кулик вороватый,
Тысячи лап на песке;
Барку ведут бечевою,
Чу, бурлаков голоса!
Ровная гладь за рекою —
Нивы, покосы, леса.
Легкой прохладою дует
С медленных, дремлющих вод...
Дедушка землю целует,
Плачет — и тихо поет...
«Дедушка! что ты роняешь
Крупные слезы, как град?..»
— «Вырастешь, Саша, узнаешь!
Ты не печалься — я рад...

7

Рад я, что вижу картину
Милую с детства глазам.
Глянь-ка на эту равнину —
И полюби ее сам!
Две-три усадьбы дворянских,
Двадцать господних церквей,
Сто деревенек крестьянских
Как на ладони на ней!
У лесу стадо пасется —
Жаль, что скотинка мелка;
Песенка где-то поется —
Жаль — неисходно горька!
Ропот: «Подайте же руку
Бедным крестьянам скорей!»
Тысячелетнюю муку,
Саша, ты слышишь ли в ней?..
Надо, чтоб были здоровы
Овцы и лошади их,
Надо, чтоб были коровы
Толще московских купчих,—
Будет и в песне отрада,
Вместо унынья и мук.
Надо ли?» — «Дедушка, надо!»
— «То-то! попомни же, внук!..»

8

Озими пышному всходу,
Каждому цветику рад,
Дедушка хвалит природу,
Гладит крестьянских ребят.
Первое дело у деда
Потолковать с мужиком,
Тянется долго беседа,
Дедушка скажет потом:
«Скоро вам будет не трудно,
Будете вольный народ!»
И улыбнется так чудно,
Радостью весь расцветет.

Радость его разделяя,
Прыгало сердце у всех.
То-то улыбка святая!
То-то пленительный смех!

9

«Скоро дадут им свободу,—
Внуку старик замечал: —
Только и нужно народу.
Чудо я, Саша, видал:
Горсточку русских сослали
В страшную глушь, за раскол,
Волю да землю им дали;
Год незаметно прошел —
Едут туда комиссары,
Глядь — уж деревня стоит,
Риги, сараи, амбары!
В кузнице молот стучит,
Мельницу выстроят скоро.
Уж запаслись мужики
Зверем из темного бора,
Рыбой из вольной реки.
Вновь через год побывали,
Новое чудо нашли:
Жители хлеб собирали
С прежде бесплодной земли.
Дома одни лишь ребята
Да здоровенные псы;
Гуси кричат, поросята
Тычут в корыто носы...

10

Так постепенно в полвека
Вырос огромный посад —
Воля и труд человека
Дивные дивы творят!
Всё принялось, раздобрело!
Сколько там, Саша, свиней,
Перед селением бело
На полверсты от гусей;

Как там возделаны нивы,
Как там обильны стада!
Высокорослы, красивы
Жители, бодры всегда,
Видно — ведется копейка!
Бабу там холит мужик:
В праздник на ней душегрейка —
Из соболей воротник!

11

Дети до возраста в неге,
Конь — хоть сейчас на завод —
В кованой, прочной телеге
Сотню пудов увезет...
Сыты там кони-то, сыты,
Каждый там сыто живет,
Тесом там избы-то крыты,
Ну уж зато и народ!
Взросшие в нравах суровых,
Сами творят они суд,
Рекрутов ставят здоровых,
Трезво и честно живут,
Подати платят до срока,
Только ты им не мешай».
— «Где ж та деревня?» — «Далеко,
Имя ей: *Тарбагатай*,
Страшная глушь, за Байкалом...
Так-то, голубчик ты мой,
Ты еще в возрасте малом,
Вспомнишь, как будешь большой...

12

Ну... а покуда подумай,
То ли ты видишь кругом:
Вот он, наш пахарь угрюмый,
С темным, убитым лицом:
Лапти, лохмотья, шапчонка,
Рваная сбруя; едва
Тянет косулю клячонка,
С голоду еле жива!

Голоден труженик вечный,
Голоден тоже, божусь!
Эй! отдохни-ка, сердечный!
Я за тебя потружусь!»
Глянул крестьянин с испугом,
Барину плуг уступил,
Дедушка долго за плугом,
Пот отирая, ходил;
Саша за ним торопился,
Не успевал догонять:
«Дедушка! где научился
Ты так отлично пахать?
Точно мужик, управляешь
Плугом, а был генерал!»
— «Вырастешь, Саша, узнаешь,
Как я работником стал!

13

Зрелище бедствий народных
Невыносимо, мой друг;
Счастье умов благородных
Видеть довольство вокруг.
Нынче полегче народу:
Стих, притаился в тени
Барин, прослышав свободу...
Ну, а как в наши-то дни!

. . . .

Словно как омут, усадьбу
Каждый мужик объезжал.
Помню ужасную свадьбу,
Поп уже кольца менял,
Да на беду помолиться
В церковь помещик зашел:
«Кто им позволил жениться?
Стой!» — и к попу подошел...
Остановилось венчанье!
С барином шутка плоха —
Отдал наглец приказанье
В рекруты сдать жениха,
В девичью — бедную Грушу!

И не перечил никто!..
Кто же имеющий душу
Мог это вынести?.. кто?..

14

Впрочем, не то еще было!
И не одни господа,
Сок из народа давила
Подлых подьячих орда.
Что ни чиновник — стяжатель,
С целью добычи в поход
Вышел... а кто неприятель?
Войско, казна и народ!
Всем доставалось исправно.
Стачка, порука кругом:
Смелые грабили явно,
Трусы тащили тайком.
Непроницаемой ночи
Мрак над страною висел...
Видел — имеющий очи
И за отчизну болел.
Стоны рабов заглушая
Лестью да свистом бичей,
Хищников алчная стая
Гибель готовила ей...

15

Солнце не вечно сияет,
Счастье не вечно везет:
Каждой стране наступает
Рано иль поздно черед,
Где не покорность тупая —
Дружная сила нужна;
Грянет беда роковая —
Скажется мигом страна.
Единодушье и разум
Всюду дадут торжество,
Да не придут они разом,
Вдруг не создашь ничего,—
Красноречивым воззваньем

Не разогреешь рабов,
Не озаришь пониманьем
Темных и грубых умов.
Поздно! Народ угнетенный
Глух перед общей бедой.
Горе стране разоренной!
Горе стране отсталóй!..
Войско одно — не защита.
Да ведь и войско, дитя,
Было в то время забито,
Лямку тянуло кряхтя...»

16

Дедушка кстати солдата
Встретил, вином угостил,
Поцеловавши как брата,
Ласково с ним говорил:
«Нынче вам служба не бремя —
Кротко начальство теперь...
Ну, а как в наше-то время!
Что ни начальник, то зверь!
Душу вколачивать в пятки
Правилом было тогда.
Как ни трудись, недостатки
Сыщет начальник всегда:
«Есть в маршировке старанье,
Стойка исправна совсем,
Только заметно дыханье...»
Слышишь ли?.. дышат зачем!

17

А не доволен парадом,
Ругань польется рекой,
Зубы посыплются градом,
Порет, гоняет сквозь строй!
С пеною ý рта обрыщет
Весь перепуганный полк,
Жертв покрупнее приищет
Остервенившийся волк:
«Франтики! подлые души!

Под караулом сгною!»
Слушал — имеющий уши,
Думушку думал свою.
Брань пострашней караула,
Пуль и картечи страшней...
Кто же, в ком честь не уснула,
Кто примирился бы с ней?..»
— «Дедушка! ты вспоминаешь
Страшное что-то?.. скажи!»
— «Вырастешь, Саша, узнаешь,
Честью всегда дорожи...
Взрослые люди — не дети,
Трус — кто сторицей не мстит!
Помни, что нету на свете
Неотразимых обид».

18

Дед замолчал и уныло
Голову свесил на грудь.
«Мало ли, друг мой, что было!..
Лучше пойдем отдохнуть».
Отдых недолог у деда —
Жить он не мог без труда:
Гряды копал до обеда,
Переплетал иногда;
Вечером шилом, иголкой
Что-нибудь бойко тачал;
Песней печальной и долгой
Дедушка труд сокращал.
Внук не проронит ни звука,
Не отойдет от стола:
Новой загадкой для внука
Дедова песня была...

19

Пел он о славном походе
И о великой борьбе;
Пел о свободном народе
И о народе-рабе;

«РУССКИЕ ЖЕНЩИНЫ» («Княгиня М. Н. Волконская»)

«МОРОЗ, КРАСНЫЙ НОС»

Пел о пустынях безлюдных
И о железных цепях;
Пел о красавицах чудных
С ангельской лаской в очах;
Пел он об их увяданьи
В дикой, далекой глуши
И о чудесном влияньи
Любящей женской души...
О Трубецкой и Волконской
Дедушка пел — и вздыхал,
Пел — и тоской вавилонской
Келью свою оглашал...
«Дедушка, дальше!.. А где ты
Песенку вызнал свою?
Ты повтори мне куплеты —
Я их мамаше спою.
Те имена поминаешь
Ты иногда по ночам...»
— «Вырастешь, Саша, узнаешь —
Всё расскажу тебе сам:
Где научился я пенью,
С кем и когда я певал...»
— «Ну! приучусь я к терпенью!» —
Саша уныло сказал...

20

Часто каталися летом
Наши друзья в челноке,
С громким, веселым приветом
Дед приближался к реке:
«Здравствуй, красавица Волга!
С детства тебя я любил».
— «Где ж пропадал ты так долго?»—
Саша несмело спросил.
«Был я далеко, далеко...»
— «Где же?..» Задумался дед.
Мальчик вздыхает глубоко,
Вечный предвидя ответ.
«Что ж, хорошо ли там было?»
Дед на ребенка глядит:

«Лучше не спрашивай, милый!
(Голос у деда дрожит.)
Глухо, пустынно, безлюдно,
Степь полумертвая сплошь.
Трудно, голубчик мой, трудно!
По́ году весточки ждешь,
Видишь, как тратятся силы —
Лучшие божьи дары,
Близким копаешь могилы,
Ждешь и своей до поры...
Медленно-медленно таешь...»
— «Что́ ж ты там, дедушка, жил?..»
— «Вырастешь, Саша, узнаешь!»
Саша слезу уронил...

21

«Господи! слушать наскучит!
„Вырастешь!" — мать говорит,
Папочка любит, а мучит:
„Вырастешь",— тоже твердит!
То же и дедушка... Полно!
Я уже вырос — смотри!..
(Стал на скамеечку челна.)
Лучше теперь говори!..»
Деда целует и гладит:
«Или вы все заодно?..»
Дедушка с сердцем не сладит,
Бьется как голубь оно.
«Дедушка, слышишь? хочу я
Всё непременно узнать!»
Дедушка, внука целуя,
Шепчет: «Тебе не понять.
Надо учиться, мой милый!
Всё расскажу, погоди!
Пособерись-ка ты с силой,
Зорче кругом погляди.
Умник ты, Саша, а всё же
Надо историю знать
И географию тоже».
— «Долго ли, дедушка, ждать?»

— «Годик, другой, как случится».
Саша к мамаше бежит:
«Мама! хочу я учиться!» —
Издали громко кричит.

22

Время проходит. Исправно
Учится мальчик всему —
Знает историю славно
(Лет уже десять ему),
Бойко на карте покажет
И Петербург, и Читу,
Лучше большого расскажет
Многое в русском быту.
Глупых и злых ненавидит,
Бедным желает добра,
Помнит, что слышит и видит...
Дед примечает: пора!
Сам же он часто хворает,
Стал ему нужен костыль...
Скоро уж, скоро узнает
Саша печальную быль...

30 июля — август 1870

НЕДАВНЕЕ ВРЕМЯ

А. Н. Е<рако>ву

1

Нынче скромен наш клуб именитый,
Редки в нем и не громки пиры.
Где ты, время ухи знаменитой?
Где ты, время безумной игры?
Воротили бы, если б могли мы,
Но, увы! не воротишься ты!
Прежде были легко уловимы
Характерные клуба черты:
В молодом поколении — фатство,
В стариках, если смею сказать,

Застарелой тоски тунеядства,
Самодурства и лени печать.
А теперь элемент старобарский
Вытесняется быстро: в швейцарской
Уж лакеи не спят по стенам;
Изменились и люди, и нравы,
Только старые наши уставы
Неизменны, назло временам.
Да Крылов роковым переменам
Не подвергся (во время оно
Старый дедушка был у нас членом,
Бюст его завели мы давно)...

Прежде всякая новость отсюда
Разносилась в другие кружки,
Мы не знали, что думать, покуда
Не заявят тузы-старики,
Как смотреть на такое-то дело,
На такую-то меру; ключом
Самобытная жизнь здесь кипела,
Клуб снабжал всю Россию умом...

Не у нас ли впервые раздался
Слух (то было в тридцатых годах),
Что в Совете вопрос обсуждался:
Есть ли польза в железных путях?
«Что ж, признали?» — до новостей лаком,
Я спросил у туза-старика.
«Остается покрытая лаком
Резолюция в тайне пока...»

Крепко в душу запавшее слово
Также здесь услыхал я впервой:
«Привезли из Москвы Полевого...»
Возвращаясь в тот вечер домой,
Думал я невеселые думы
И за труд неохотно я сел.
Тучи на небе были угрюмы,
Ветер что-то насмешливо пел.
Напевал он тогда, без сомненья:
«Не такие еще поощренья
Встретишь ты на пути роковом».

Но не понял я песенки спросту,
У Цепного бессмертного мосту
Мне ее пояснили потом...

Получив роковую повестку,
Сбрил усы и пошел я туда.
Сняв с седой головы своей феску
И почтительно стоя, тогда
Князь Орлов прочитал мне бумагу...
Я в ответ заикнулся сказать:
«Если б даже имел я отвагу
Столько дерзких вещей написать,
То цензура...» — «К чему оправданья?
Император помиловал вас,
Но смотрите!!. Какого вы званья?»
— «Дворянин».— «Пробегал я сейчас
Вашу книгу: свободы крестьянства
Вы хотите? На что же тогда
Пригодится вам ваше дворянство?..
Завираетесь вы, господа!
За опасное дело беретесь,
Бросьте! бросьте!.. Ну, бог вас прости!
Только знайте: еще попадетесь,
Я не в силах вас буду спасти...»

Помню я Петрашевского дело,
Нас оно поразило, как гром,
Даже старцы ходили несмело,
Говорили негромко о нем.
Молодежь оно сильно пугнуло,
Поседели иные с тех пор,
И декабрьским террором пахнуло
На людей, переживших террор.
Вряд ли были тогда демагоги,
Но сказать я обязан, что всё ж
Приговоры казались нам строги,
Мы жалели тогда молодежь.

А война? До царя не скорее
Доходили известья о ней:
Где урон отзывался сильнее?
Кто победу справлял веселей?

Прискакавшего прямо из боя
Здесь не раз мы видали героя
В дни, как буря кипела в Крыму.
Помню, как мы внимали ему:
Мы к рассказчику густо теснились,
И героев войны имена
В нашу память глубоко ложились,
Впрочем, нам изменила она!
Замечательно странное свойство
В нас суровый наш климат развил —
Забываем явивших геройство,
Помним тех, кто себя посрамил:
Кто нагрел свои гнусные руки,
У солдат убавляя паек,
Кто, внимая предсмертные муки,
Прятал русскую корпию впрок
И потом продавал англичанам,—
Всех и мелких, и крупных воров,
Отдыхающих с полным карманом,
Не забудем во веки веков!

Все, кем славилась наша столица,
Здесь бывали; куда ни взгляни —
Именитые, важные лица.
Здесь, я помню, в парадные дни
Странен был среди знати высокой
Человек без звезды на груди.
Гость-помещик из глуши далекой
Только рот разевай да гляди:
Здесь посланники всех государей,
Здесь банкиры с тугим кошельком,
Цвет и соль министерств, канцелярий,
Откупные тузы,— и притом
Симметрия рассчитана строго:
Много здесь и померкнувших звезд,
Говоря прозаичнее: много
Генералов, лишившихся мест...

Зажигалися сотнями свечи,
Накрывалися пышно столы,
Говорились парадные речи...
Говорили министры, послы,

Наши Фоксы и Роберты Пили
Здесь за благо отечества пили,
Здесь бывали интимны они...

Есть и нынче парадные дни,
Но пропала их важность и сила.
Время нашего клуба прошло,
Жизнь теченье свое изменила,
Как река изменяет русло́...

2

Очень жаль, что тогдашних обедов
Не могу я достойно воспеть,
Тут бы нужен второй Грибоедов...
Впрочем, Муза! не будем робеть!
Начинаю.

Москва. День субботний.
(Петербург не лишен едоков,
Но в Москве грандиозней, животней
Этот тип.) Среди полных столов
Вот рядком старики объедалы:
Впятером им четыреста лет,
Вид их важен, чины их немалы,
Толщиною же равных им нет.
Раздражаясь из каждой безделки,
Порицают неловкость слуги;
И от жадности, вместо тарелки,
На салфетку валят пироги;
Шевелясь как осенние мухи,
Льют, роняют,— беспамятны, глухи;
Взор их медлен, бесцветен и туп.
Скушав суп, старина засыпает
И, проснувшись, слугу вопрошает:
«Человек! подавал ты мне суп?..»
Впрочем, честь их чужда укоризны:
Добывали места для родни
И в сенате на пользу отчизны
Подавали свой голос они.
Жаль, уж их потеряла Россия
И оплакал москвич от души:

Подкосила их «ликантропия»,
Их заели подкожные вши...

Петербург. Вот питух престарелый,
Я так живо припомнил его!
Окружен батареею целой
Разных вин, он не пьет ничего.
Пить любил он; я думаю, море
Выпил в долгую жизнь; но давно
Пить ему запретили(о горе!..).
Старый грешник играет в вино:
Наслажденье его роковое
Нюхать, чмокать, к свече подносить
И раз двадцать вино дорогое
Из стакана в стакан перелить.
Перельет — и воды подмешает,
Поглядит и опять перельет;
Кто послушает, как он вздыхает,
Тот мучения старца поймет.
«Выпить, что ли?» — «Опаснее яда
Вам вино!» — закричал ему врач...
«Ну, не буду! не буду, палач!»
Это сцена из Дантова «Ада»...

Рядом юноша стройный, красивый,
Схожий в профиль с великим Петром,
Наблюдает с усмешкой ленивой
За соседом своим чудаком.
Этот юноша сам возбуждает
Много мыслей: он так еще млад,
Что в приемах большим подражает:
Приправляет кайеном салат,
Портер пьет, объедается мясом;
Наливая с эффектом вино,
Замечает искусственным басом:
«Отчего перегрето оно?»

Очень мил этот юноша свежий!
Меток ná слово, в деле удал,
Он уж был на охоте медвежьей,
И медведь ему ребра помял,
Но Сережа осилил медведя.

Кстати тут он узнал и друзей:
Убежали и Миша и Федя,
Не бежал только егерь — Корней.
Это в нем скептицизм породило:
«Люди — свиньи!» — Сережа решил
И по-своему метко и мило
Всех знакомых своих окрестил.

Знаменит этот юноша русский:
Отчеканено имя его
На подарках всей труппы французской!
(Говорят, миллион у него.)
Признак русской широкой природы —
Жажду выдвинуть личность свою —
Насыщает он в юные годы
Удальством в рукопашном бою,
Гомерической, дикой попойкой,
Приводящей в смятенье трактир,
Да игрой, да отчаянной тройкой.
Он своей молодежи кумир,
С ним хорошее общество дружно,
И он счастлив, доволен собой,
Полагая, что больше не нужно
Ничего человеку. Друг мой!
Маловато прочесть два романа
Да поэму «Монго» изучить
(Эту жалость поэта-улана),
Чтоб разумно и доблестно жить!
Недостаточно ухарски править,
Мчась на бешеной тройке стремглав,
Двадцать тысяч на карту поставить
И глазком не моргнуть, проиграв,—
Есть иное величие в мире,
И не торный ведет к нему путь,
Человеку прекрасней и шире
Можно силы свои развернуть!

Если гордость, похвальное свойство,
Ты насытишь рутинным путем
И недремлющий дух беспокойства
Разрешится одним кутежом;

Если с жизни получишь ты мало —
Не судьба тому будет виной:
Ты другого не знал идеала,
Не провидел ты цели иной!

Впрочем, быть генерал-адъютантом,
Украшенья носить на груди —
С меньшим знанием, с меньшим талантом
Можно... Светел твой путь впереди!
Не одно, целых три состоянья
На своем ты веку проживешь:
Как не хватит отцов достоянья,
Ты жену с миллионом возьмешь;
А потом ты повысишься чином —
Подоспеет казенный оклад.
По таким-то разумным причинам
Твоему я бездействию рад!

Жаль одно: на пустые приманки,
Милый юноша! ловишься ты,
Отвратительны эти цыганки,
А друзья твои — точно скоты.
Ты, чей образ в порыве желанья
Ловит женщина страстной мечтой,
Ищешь ты покупного лобзанья;
Ты бежишь за продажной красой!
Ты у старцев, чьи икры на вате,
У кого разжиженье в крови,
Отбиваешь с оркестром кровати!
Ты — не знаешь блаженства любви?..

Очень милы балетные феи,
Но не стоят хороших цветов,
Украшать скаковые трофеи
Годны только твоих кучеров.
Те же деньги и то же здоровье
Мог бы ты поумнее убить,
Не хочу я впадать в пустословье
И о честном труде говорить.
Не ленив человек современный,
Но на что расточается труд?

Чем работать для цели презренной,
Лучше пусть эти баловни пьют...
. . . .

Знал я юношу: в нем сочетались
Дарованье, ученость и ум,
Сочиненья его покупались,
А одно даже сделало шум.
Но, к несчастию, был он помешан
На комфорте — столичный недуг,—
Каждый час его жизни был взвешен,
Вечно было ему недосуг:
Чтоб приставить кушетку к камину,
Чтоб друзей угощать за столом,
Он по месяцу сгорбивши спину
Изнывал за постылым трудом.
«Знаю сам,— говорил он частенько,—
Что на лучшее дело гожусь,
Но устроюсь сперва хорошенько,
А потом и серьезно займусь».

Суетился, спешил, торопился,
В день по нескольку лекций читал;
Секретарствовал где-то, учился
В то же время; статейки писал...
Так трудясь неразборчиво, жадно,
Раздробившись на тысячу дел,
Ничего он не сделал изрядно,
Да и сам-то пожить не успел,
Не потешил ни бога, ни черта,
Не увлекся ничем никогда
И бессмысленной жертвой комфорта
Пал — под игом пустого труда!

Знал я мужа: командой пожарной
И больницею он заправлял,
К дыму, к пламени в бане угарной
Он нарочно солдат приучал.
Вечно ревностный, вечно неспящий,
Столько делал фальшивых тревог,
Что случится пожар настоящий —
Смотришь, лошади, люди без ног!

«Смирно! кутай башку в одеяло!» —
В лазарете кричат фельдшера.
Настежь форточки — ждут генерала,—
Вся больница в тревоге с утра.
Генерал на минуту приедет,
Смотришь: к вечеру в этот денек
Десять новых горячечных бредит,
А иной и умрет, под шумок...

Знал я старца: в душе его бедной
Поселился панический страх,
Что погубит нас Запад зловредный.
Бледный, худенький, в синих очках,
Он недавно еще попадался
В книжных лавках, в кофейных домах,
На журналы, на книги бросался,
С карандашиком вечно в руках:
Поясненья, заметки, запросы
Составлял трудолюбец старик,
Он на вывески даже доносы
Сочинял, если не было книг.
Все его инстинктивно дичились,
Был он грязен, жил в крайней нужде,
И зловещие слухи носились
Об его бескорыстном труде.

Взволновался Париж беспокойный,
Наступили февральские дни,
Сам ты знаешь, читатель достойный,
Как у нас отразились они.
Подоспело удобное время,
И в комиссию мрачный донос
На погибшее блудное время
В три приема доносчик принес.
И вещал он властям предержащим:
«Многолетний сей труд рассмотри
И мечом правосудья разящим
Буесловия гидру сотри!..»
Суд отказом его не обидел,
Но старик уже слишком наврал:
Демагога в Булгарине видел,
Робеспьером Сенковского звал.

Возвратили!.. В тоске безысходной
Старец скорбные очи смежил,
И Линяев, сатирик холодный,
Эпитафию старцу сложил:
«Здесь обрел даровую квартиру
Муж злокачествен, подл и плешив,
И оставил в наследие миру
Образцовых доносов архив».
Так погиб бесполезно, бесследно
Труд почтенный, не правда ли, жаль?

«Иногда и лениться не вредно»,—
Такова этих притчей мораль...

3

Время в клуб воротиться, к обеду...
Нет, уж поздно! Обед при конце,
Слишком мы протянули беседу
О Сереже, лихом молодце.
Стариков полусонная стая
С мест своих тяжело поднялась,
Животами друг друга толкая,
До диванов кой-как доплелась.
Закурив дорогие сигары,
Неиграющий люд на кружки
Разделился; пошли тары-бары...
(Козыряют давно игроки.)

Нынче множество тем для витийства,
Утром только газеты взгляни —
Интересные кражи, убийства,
Но газеты молчали в те дни.
Никаких «современных вопросов»,
Слухов, толков, живых новостей,
Исключенье одно: для доносов
Допускалось. Доносчик Авдей
Представлялся исчадием ада
В добродушные те времена,
Вообще же в стенах Петрограда,
По газетам, была тишина.
В остальной необъятной России
И подавно! Своим чередом

Шли дожди, бунтовали стихии,
А народ... мы не знали о нем.
Правда, дикие, смутные вести
Долетали до нас иногда
О мужицкой расправе, о мести,
Но не верилось как-то тогда
Мрачным слухам. Покой нарушался
Только голодом, мором, войной,
Да случайно впросак попадался
Колоссальный ворище порой —
Тут молва создавала поэмы,
Оживало всё общество вдруг...
А затем обиходные темы
Сокращали наш мирный досуг.

Две бутылки бордо уничтожа,
Не касаясь общественных дел,
О борзых, о лоретках Сережа
Говорить бесподобно умел:
Берты, Мины и прочие... дуры
В живописном рассказе его
Соблазнительней самой натуры
Выходили. Но лучше всего
Он дразнил петербургских актеров
И жеманных французских актрис.
Темой самых живых разговоров
Были скачки, парад, бенефис.
В офицерском кругу говорили
О тугом производстве своем
И о том, чьи полки победили
На маневрах под Красным Селом:
«Верно, явится завтра в приказе
Благодарность войскам, господа:
Сам фельдмаршал воскликнул в экстазе:
„Подавайте Европу сюда!..“»
Тут же шли бесконечные споры
О дуэли в таком-то полку
Из-за Клары, Арманс или Лоры,
А меж тем где-нибудь в уголку
Звуки грязно настроенной лиры
Костя Бурцев («поэт не для дам»,

Он же член «Комитета Земфиры»)[1]
Сообщал потихоньку друзьям.

Безобидные, мирные темы!
Не озлят, не поссорят они...
Интересами личными все мы
Занималися больше в те дни.
Впрочем, были у нас русофилы
(Те, что видели в немцах врагов),
Наезжали к нам славянофилы,
Светский тип их тогда был таков:
В Петербурге шампанское с квасом
Попивали из древних ковшей,
А в Москве восхваляли с экстазом
Допетровский порядок вещей,
Но, живя за границей, владели
Очень плохо родным языком,
И понятья они не имели
О славянском призваньи своем.
Я однажды смеялся до колик,
Слыша, как князь NN говорил:
«Я, душа моя, славянофил».
— «А религия ваша?» — «Католик».

Не задеты ничем за живое,
Всякий спор мы бросали легко,
Вот за картами,— дело другое! —
Волновались мы тут глубоко.
Чу! какой-то игрок крутонравный,
Проклиная несчастье, гремит.
Чу! наш друг, путешественник славный.
Монотонно и дерзко ворчит:
Дух какой-то враждой непонятной
За игрой омрачается в нем;
Человек он весьма деликатный,
С добрым сердцем, с развитым умом;
Несомненным талантом владея,
Он прославился книгой своей,

---

[1] Так в шутку называл себя в те времена кружок «золотой молодежи», сделавший своею специальностью ухаживанье за светскими красавицами и театральными феями.

Он из Африки негра-лакея
Вывез (очень хороший лакей,
Впрочем, смысла в подобных затеях
Я не вижу: по воле судеб
Петербург недостатка в лакеях
Никогда не имел)... Но свиреп
Он в игре, как гиена: осадок
От сибирских лихих непогод,
От египетских злых лихорадок
И от всяких житейских невзгод
Он бросает в лицо партенёра
Так язвительно, тонко и зло,
Что игра прекращается скоро,
Как бы жертве его ни везло...

Генерал с поврежденной рукою
Также здесь налицо; до сих пор
От него еще дышит войною,
Пахнет дымом Федюхиных гор.
В нем героя война отличила,
Но игрок навсегда пострадал:
Пуля пальцы ему откусила...
Праздно бродит седой генерал!

В тесноте, доходящей до давки,
Весь в камнях, подрумянен, завит,
Принимающий всякие ставки
За столом миллионщик сидит:
Тут идут смертоносные схватки.
От надменных игорных тузов
До копеечных трех игроков
(Называемых: *терц от девятки*)
Все участвуют в этом бою,
Горячась и волнуясь немало...
(Тут и я, мой читатель, стою
И пытаю фортуну, бывало...)
При счастливой игре не хорош,
Жаден, дерзок, богач старичишка
Придирается, спорит за грош,
Рад удаче своей, как мальчишка,
Но зато при несчастьи он мил!
Он, бывало, нас много смешил...

При несчастьи вздыхал он нервически,
Потирал раскрасневшийся нос
И певал про себя иронически:
«Веселись, храбрый росс!..»

Бой окончен, старик удаляется,
Взяв добычи порядочный пук...
За три комнаты слышно: стук! стук!
То не каменный гость приближается...
Стук! стук! стук! — равномерно стучит,
Словно ступа, нога деревянная:
Входит старый седой инвалид,
Тоже личность престранная...

. . . .

Муза! ты отступаешь от плана!
Общий очерк затеяли мы,
Так не тронь же, мой друг, ни Ивана,
Ни Луки, ни Фомы, ни Кузьмы!
Дорисуй впечатленье — и мирно
Удались, не задев единиц!
Да, играли и кушали жирно,
Много было типических лиц,—
Но приспевшие дружно реформы
Дали обществу новые формы...

4

Благодатное время надежд!
Да! прошедшим и ты уже стало!
К удовольствию диких невежд,
Ты обетов своих не сдержало.
Но шумя и куда-то спеша
И как будто оковы сбивая,
Русь! была ты тогда хороша!
(Разуметь надо: Русь городская.)
Как невольник, покинув тюрьму,
Разгибается, вольно вздыхает
И, не веря себе самому,
Богатырскую мощь ощущает,
Ты казалась сильна, молода,
К Правде, к Свету, к Свободе стремилась,

В прегрешениях тяжких тогда,
Как блудница, ты громко винилась,
И казалось нам в первые дни:
Повториться не могут они...

Приводя наше прошлое в ясность,
Проклиная бесправье, безгласность,
Произвол и господство бича,
Далеко мы зашли сгоряча!
Между тем как народ неразвитый
Ел кору и молчал *как убитый*,
Мы сердечно болели о нем,
Мы взывали: «Даруйте свободу
Угнетенному нами народу,
Мы прошедшее сами клянем!
Посмотрите на нас: мы обжоры,
Мы ходячие трупы, гробы,
Казнокрады, народные воры,
Угнетатели, трусы, рабы!»
Походя на толпу сумасшедших,
На самих себя вьющих бичи,
Сознаваться в недугах прошедших
Были мы до того горячи,
Что превысили всякую меру...
Крылось что-то неладное тут,
Но не вдруг потеряли мы веру...
Призывая на дело, на труд,
Понял горькую истину сразу
Только юноша гений тогда,
Произнесший бессмертную фразу:
«В настоящее время, когда...»

Дело двинулось... волею власти...
И тогда-то во всей наготе
Обнаружились личные страсти
И послышались речи — не те:
«Это яд, уж давно отравлявший
Наше общество, силу забрал!» —
Восклицал, словно с неба упавший,
Суясь всюду, сморчок генерал
(Как цветы, что в ночи распускаются,
Эти люди в чинах повышаются

В строгой тайне — и в жизни потом
С непонятным апломбом являются
В роковом ореоле своем).
«Со времен Петрашевского строго
За развитьем его я следил,
Я наметил поборников много,
Но... напрасно я труд погубил!
Горе! горе! Имею сынишку,
Тяжкой службой, бессонным трудом
Приобрел я себе деревнишку...
Что ж... пойду я теперь нагишом?..
Любо вам рисоваться, мальчишки!
А со мной-то что сделали вы?..»

Если б только такие людишки
Порицали реформу... увы!
Радикалы вчерашние тоже
Восклицали: «Что будет?.. о боже!..»
Уступать не хотели земли...
(Впрочем, надо заметить, не много,
Разбирая прошедшее строго,
Мы бы явных протестов начли:
По обычаю мудрых холопов,
Мы держалися больше подкопов
Или рабски за временем шли...)

Некто, слывший по службе за гения,
Генерал Фердинанд фон дер Шпехт
(Об отводе лесов для сечения
Подававший обширный проект),
Нам предсказывал бунты народные
(«Что, не прав я?..» — потом он кричал).
«Всё они! всё мальчишки негодные!» —
Негодующий хор повторял.

Та вражда к молодым поколеньям
Здесь начальные корни взяла,
Что впоследствии диким явленьем
В нашу жизнь так глубоко вошла.
Учрежденным тогда комитетам
Потерявшие ум старики
Посылали, сердясь не по летам,
Брань такую: «Мальчишки! щенки!..»

(Там действительно люди засели
С средним чином, без лент и без звезд,
А иные тузы полетели
В то же время с насиженных мест.)
Не щадя даже сына родного,
Уничтожить иной был готов
За усмешку, за резкое слово
Безбородых, безусых бойцов;
Их ошибки встречались шипеньем,
Их несчастье — скаканьем и пеньем:
«Ну! теперь-то припрут молодцов!
Лезут нá стену, корчат Катонов,
Посевают идеи Прудонов,
А пугни — присмиреет любой,
Станет петь превосходство неволи...»

Правда, правда! народ молодой
Брал подчас непосильные роли.
Но молчать бы вам лучше, глупцы,
Да решеньем вопроса заняться:
Таковы ли бывают отцы,
От которых герои родятся?..

Клубу нашему тоже на долю
Неприятностей выпало вволю.
Чуть тронýлся крестьянский вопрос
И порядок нарушился древний,
Стали «плохо писать из деревни».
«Не сыграть ли в картишки?» — «На что-с? —
Отвечал вопрошаемый грубо.—
Своротили вы, сударь, с ума!..»
Члены мирно дремавшего клуба
Разделились; пошла кутерьма:
Крепостник, находя незаконной,
Откровенно реформу бранил,
А в ответ якобинец салонный
Говорил, говорил, говорил...

Сам себе с наслажденьем внимая,
Формируя парламентский слог,

Всем недугам родимого края
Подводил он жестокий итог;
Человеком идей прогрессивных
Не без цели стараясь прослыть,
Убеждал старикашек наивных
Встрепенуться и Русь полюбить!
Всё отдать для отчизны священной,
Умереть, если так суждено!..
Ты не пой, соловей современный!
Эту песню мы знаем давно!
Осуждаешь ты старое смело,
Недоволен и новым слегка,
Ты способен и доброе дело
Между фразами сделать пока;
Ты теперь еще шуткою дерзкой
Иногда подлеца оборвешь,
Но получишь ты ключ камергерской —
И уста им навеки запрешь!
Пуще тех «гуртовых» генералов,
Над которыми ныне остришь,
Станешь ты нажимать либералов,
С ними всякую связь прекратишь,—
Этим ты стариков успокоишь,
И помогут тебе старики.
Ловко ты свое здание строишь,
Мастерски расставляешь силки!..

Словом, мирные дни миновали,
Много выбыло членов тогда,
А иные ходить перестали,
Остальных разделяла вражда.
Хор согласный — стал дик и нестроен,
Ни игры, ни богатых пиров!
Лишь один оставался спокоен —
Это дедушка медный Крылов:
Не бездушным глядел истуканом,
Он лукавым сатиром глядел,
Игрокам, бюрократам, дворянам
Он, казалось, насмешливо пел:

«Полно вам — благо сами вы целы —
О наделах своих толковать,

Смерть придет — уравняет наделы!
Если вам мудрено уравнять...

Полно вам враждовать меж собою
За чины, за места, за кресты —
Смерть придет и отнимет без бою
И чины, и места, и кресты!..

Пусть вас минус в игре не смущает,
Игроки! пусть не радует плюс,
Смерть придет — все итоги сравняет:
Будет, будет у каждого *плюс*!..»

Губернаторы, места лишенные,
Земледельцы-дворяне стесненные,
Откупные тузы разоренные,
Игроки, прогоревшие в прах,
Генерал, проигравший сражение,
Адмирал, потерпевший крушение,—
Находили ли вы утешение
В этих кратких и мудрых словах?..

ПОСЛЕСЛОВИЕ

С плеч упало тяжелое бремя,
Написал я четыре главы.
«Почему же не новое время,
А недавнее выбрали вы? —
Замечает читатель, живущий
Где-нибудь в захолустной дали.—
Сцены, очерки, жизни текущей
Мы бы с большей охотой прочли.
Ваши книги расходятся худо!
А зачем же вчерашнее блюдо,
Вместо свежего, ставить на стол?
Чем в прошедшем упорно копаться,
Не гораздо ли лучше касаться
Новых язв, народившихся зол?»

Для людей, в захолустьи живущих,
Мы действительно странны, смешны,

Но, читатель! в вопросах текущих
Права голоса мы лишены,
Прикасаться к ним робко, несмело —
Значит пуще запутывать их,
Шить на мертвых не трудное дело,
Нам желательно шить на живых.
Устарелое вымерло племя,
Вообще устоялись умы,
Потому-то недавнее время,
Государь мой! и тронули мы
(Да и то с подобающим тактом)...
Погоди, если мы поживем,
Дав назад отодвинуться фактам,—
И вперед мы рассказ поведем,—
Мы коснемся столичных пожаров
И волнений в среде молодой,
Понесенных прогрессом ударов
И печальных потерь... Да и той
Злополучной поры не забудем,
Что прогресс повернула вверх дном,
И всегда по возможности будем
Верны истине — *задним числом...*

1863—1871

РУССКИЕ ЖЕНЩИНЫ

1

КНЯГИНЯ ТРУБЕЦКАЯ

(1826 год)

Часть первая

Покоен, прочен и легок
На диво слаженный возок;

Сам граф-отец не раз, не два
Его попробовал сперва.

Шесть лошадей в него впрягли,
Фонарь внутри его зажгли.

Сам граф подушки поправлял,
Медвежью полость в ноги стлал,

Творя молитву, образок
Повесил в правый уголок

И — зарыдал... Княгиня-дочь...
Куда-то едет в эту ночь...

1

«Да, рвем мы сердце пополам
Друг другу, но, родной,
Скажи, что ж больше делать нам?
Поможешь ли тоской!
Один, кто мог бы нам помочь
Теперь... Прости, прости!
Благослови родную дочь
И с миром отпусти!

2

Бог весть, увидимся ли вновь,
Увы! надежды нет.
Прости и знай: твою любовь,
Последний твой завет
Я буду помнить глубоко
В далекой стороне...
Не плачу я, но не легко
С тобой расстаться мне!

3

О, видит бог!.. Но долг другой.
И выше и трудней,
Меня зовет... Прости, родной!
Напрасных слез не лей!
Далек мой путь, тяжел мой путь,
Страшна судьба моя,
Но сталью я одела грудь...
Гордись — я дочь твоя!

4

Прости и ты, мой край родной,
Прости, несчастный край!
И ты... о город роковой,
Гнездо царей... прощай!
Кто видел Лондон и Париж,
Венецию и Рим,
Того ты блеском не прельстишь,
Но был ты мной любим —

5

Счастливо молодость моя
Прошла в стенах твоих,
Твои балы любила я,
Катанья с гор крутых,
Любила плеск Невы твоей
В вечерней тишине,
И эту площадь перед ней
С героем на коне...

6

Мне не забыть... Потом, потом
Расскажут нашу быль...
А ты будь проклят, мрачный дом,
Где первую кадриль
Я танцевала... Та рука
Досель мне руку жжет...
Ликуй. . . . .
. . . .»

———

Покоен, прочен и легок,
Катится городом возок.

Вся в черном, мертвенно бледна,
Княгиня едет в нем одна,

А секретарь отца (в крестах,
Чтоб наводить дорогой страх)

С прислугой скачет впереди...
Свища бичом, крича: «Пади!»,

Ямщик столицу миновал...
Далек княгине путь лежал,

Была суровая зима...
На каждой станции сама

Выходит путница: «Скорей
Перепрягайте лошадей!»

И сыплет щедрою рукой
Червонцы челяди ямской.

Но труден путь! В двадцатый день
Едва приехали в Тюмень,

Еще скакали десять дней,
«Увидим скоро Енисей,—

Сказал княгине секретарь,—
Не ездит так и государь!..»

Вперед! Душа полна тоски,
  Дорога всё трудней,
Но грезы мирны и легки —
  Приснилась юность ей.
Богатство, блеск! Высокий дом
  На берегу Невы,
Обита лестница ковром,
  Перед подъездом львы,
Изящно убран пышный зал,
  Огнями весь горит.
О радость! нынче детский бал,
  Чу! музыка гремит!
Ей ленты алые вплели
  В две русые косы,
Цветы, наряды принесли
  Невиданной красы.
Пришел папаша — сед, румян,—
  К гостям ее зовет
«Ну, Катя! чудо сарафан!
  Он всех с ума сведет!»

Ей любо, любо без границ.
    Кружится перед ней
Цветник из милых детских лиц,
    Головок и кудрей.
Нарядны дети, как цветы,
    Нарядней старики:
Плюмажи, ленты и кресты,
    Со звоном каблуки...
Танцует, прыгает дитя,
    Не мысля ни о чем,
И детство резвое шутя
    Проносится... Потом
Другое время, бал другой
    Ей снится: перед ней
Стоит красавец молодой,
    Он что-то шепчет ей...
Потом опять балы, балы...
    Она — хозяйка их,
У них сановники, послы,
    Весь модный свет у них...
«О милый! что ты так угрюм?
    Что на́ сердце твоем?»
— «Дитя! мне скучен светский шум,
    Уйдем скорей, уйдем!»

И вот уехала она
    С избранником своим.
Пред нею чудная страна,
    Пред нею — вечный Рим...
Ах! чем бы жизнь нам помянуть —
    Не будь у нас тех дней,
Когда, урвавшись как-нибудь
    Из родины своей
И скучный север миновав,
    Примчимся мы на юг.
До нас нужды, над нами прав
    Ни у кого... Сам-друг
Всегда лишь с тем, кто дорог нам,
    Живем мы, как хотим;
Сегодня смотрим древний храм,
    А завтра посетим
Дворец, развалины, музей...

Как весело притом
Делиться мыслию своей
С любимым существом!

Под обаяньем красоты,
Во власти строгих дум,
По Ватикану бродишь ты
Подавлен и угрюм;
Отжившим миром окружен,
Не помнишь о живом.
Зато как странно поражен
Ты в первый миг потом,
Когда, покинув Ватикан,
Вернешься в мир живой,
Где ржет осел, шумит фонтан,
Поет мастеровой;
Торговля бойкая кипит,
Кричат на все лады:
«Кораллов! раковин! улит!
Мороженой воды!»
Танцует, ест, дерется голь,
Довольная собой,
И косу черную как смоль
Римлянке молодой
Старуха чешет... Жарок день,
Несносен черни гам,
Где нам найти покой и тень?
Заходим в первый храм.

Не слышен здесь житейский шум,
Прохлада, тишина
И полусумрак... Строгих дум
Опять душа полна.
Святых и ангелов толпой
Вверху украшен храм,
Порфир и яшма под ногой
И мрамор по стенам...

Как сладко слушать моря шум!
Сидишь по часу нем,
Неугнетенный, бодрый ум
Работает меж тем...

До солнца горною тропой
Взберешься высоко —
Какое утро пред тобой!
Как дышится легко!
Но жарче, жарче южный день,
На зелени долин
Росинки нет... Уйдём под тень
Зонтообразных пинн...

Княгине памятны те дни
Прогулок и бесед,
В душе оставили они
Неизгладимый след.
Но не вернуть ей дней былых,
Тех дней надежд и грез,
Как не вернуть потом о них
Пролитых ею слез!..

Исчезли радужные сны,
Пред нею ряд картин
Забитой, загнанной страны:
Суровый господин
И жалкий труженик-мужик
С понурой головой...
Как первый властвовать привык!
Как рабствует второй!
Ей снятся группы бедняков
На нивах, на лугах,
Ей снятся стоны бурлаков
На волжских берегах...
Наивным ужасом полна,
Она не ест, не спит,
Засыпать спутника она
Вопросами спешит:
«Скажи, ужель весь край таков?
Довольства тени нет?..»
— «Ты в царстве нищих и рабов!» —
Короткий был ответ...

Она проснулась — в руку сон!
Чу, слышен впереди
Печальный звон — кандальный звон!
«Эй, кучер, погоди!»

То ссыльных партия идет,
Больней заныла грудь.
Княгиня деньги им дает,—
«Спасибо, добрый путь!»
Ей долго, долго лица их
Мерещатся потом,
И не прогнать ей дум своих,
Не позабыться сном!
«И та здесь партия была...
Да... нет других путей...
Но след их вьюга замела.
Скорей, ямщик, скорей!..»

Мороз сильней, пустынней путь,
Чем дале на восток;
На триста верст какой-нибудь
Убогий городок,
Зато как радостно глядишь
На темный ряд домов,
Но где же люди? Всюду тишь,
Не слышно даже псов.
Под кровлю всех загнал мороз,
Чаек от скуки пьют.
Прошел солдат, проехал воз,
Куранты где-то бьют.
Замерзли окна... огонек
В одном чуть-чуть мелькнул...
Собор... на выезде острог...
Ямщик кнутом махнул:
«Эй вы!» — и нет уж городка,
Последний дом исчез...
Направо — горы и река,
Налево темный лес...

Кипит больной, усталый ум,
Бессонный до утра,
Тоскует сердце. Смена дум
Мучительно быстра;
Княгиня видит то друзей,
То мрачную тюрьму,

И тут же думается ей, —
Бог знает почему, —
Что небо звездное — песком
Посыпанный листок,
А месяц — красным сургучом
Оттиснутый кружок...

Пропали горы; началась
Равнина без конца.
Еще мертвей! Не встретит глаз
Живого деревца.
«А вот и тундра!» — говорит
Ямщик, бурят степной.
Княгиня пристально глядит
И думает с тоской:
Сюда-то жадный человек
За золотом идет!
Оно лежит по руслам рек,
Оно на дне болот.
Трудна добыча на реке,
Болота страшны в зной,
Но хуже, хуже в руднике,
Глубоко под землей!..
Там гробовая тишина,
Там безрассветный мрак...
Зачем, проклятая страна,
Нашел тебя Ермак?..

Чредой спустилась ночи мгла,
Опять взошла луна.
Княгиня долго не спала,
Тяжелых дум полна...
Уснула... Башня снится ей...
Она вверху стоит;
Знакомый город перед ней
Волнуется, шумит;
К обширной площади бегут
Несметные толпы:
Чиновный люд, торговый люд,
Разносчики, попы;

Пестреют шляпки, бархат, шелк,
Тулупы, армяки...
Стоял уж там какой-то полк,
Пришли еще полки,
Побольше тысячи солдат
Сошлось. Они «ура!» кричат,
Они чего-то ждут...
Народ галдел, народ зевал,
Едва ли сотый понимал,
Что делается тут...
Зато посмеивался в ус,
Лукаво щуря взор,
Знакомый с бурями француз,
Столичный кауфер...

Приспели новые полки:
«Сдавайтесь!» — тем кричат.
Ответ им — пули и штыки,
Сдаваться не хотят.
Какой-то бравый генерал,
Влетев в каре, грозиться стал —
С коня снесли его.
Другой приблизился к рядам:
«Прощенье царь дарует вам!»
Убили и того.

Явился сам митрополит
С хоругвями, с крестом:
«Покайтесь, братия! — гласит, —
Падите пред царем!»
Солдаты слушали, крестясь,
Но дружен был ответ:
«Уйди, старик! молись за нас!
Тебе здесь дела нет...»

Тогда-то пушки навели,
Сам царь скомандовал: «па-ли!..»
Картечь свистит, ядро ревет,
Рядами валится народ...
«О милый! жив ли ты?..»

«ЖЕЛЕЗНАЯ ДОРОГА»

«ДЕДУШКА МАЗАЙ И ЗАЙЦЫ»

Княгиня, память потеряв,
Вперед рванулась и стремглав
Упала с высоты!

Пред нею длинный и сырой
Подземный коридор,
У каждой двери часовой,
Все двери на запор.
Прибою волн подобный плеск
Снаружи слышен ей;
Внутри — бряцанье, ружей блеск
При свете фонарей;
Да отдаленный шум шагов
И долгий гул от них,
Да перекрестный бой часов,
Да крики часовых...

С ключами старый и седой,
Усатый инвалид.
«Иди, печальница, за мной! —
Ей тихо говорит.—
Я проведу тебя к нему,
Он жив и невредим...»
Она доверилась ему,
Она пошла за ним...

Шли долго, долго... Наконец
Дверь визгнула — и вдруг
Пред нею он... живой мертвец...
Пред нею — бедный друг!
Упав на грудь ему, она
Торопится спросить:
«Скажи, что делать? Я сильна,
Могу я страшно мстить!
Достанет мужества в груди,
Готовность горяча,
Просить ли надо?..» — «Не ходи,
Не тронешь палача!»
— «О милый! что сказал ты? Слов
Не слышу я твоих.

То этот страшный бой часов,
    То крики часовых!
Зачем тут третий между нас?..»
    — «Наивен твой вопрос».

«Пора! пробил урочный час!» —
    Тот «третий» произнес...

Княгиня вздрогнула,— глядит
    Испуганно кругом,
Ей ужас сердце леденит:
    Не всё тут было сном!..

Луна плыла среди небес
    Без блеска, без лучей,
Налево был угрюмый лес,
    Направо — Енисей.
Темно! Навстречу ни души,
    Ямщик на козлах спал,
Голодный волк в лесной глуши
    Пронзительно стонал,
Да ветер бился и ревел,
    Играя на реке,
Да инородец где-то пел
    На странном языке.
Суровым пафосом звучал
    Неведомый язык
И пуще сердце надрывал,
    Как в бурю чайки крик...

Княгине холодно; в ту ночь
    Мороз был нестерпим,
Упали силы; ей невмочь
    Бороться больше с ним.
Рассудком ужас овладел,
    Что не доехать ей.
Ямщик давно уже не пел,
    Не понукал коней,
Передней тройки не слыхать.
    «Эй жив ли ты, ямщик?
Что ты замолк? не вздумай спать!»
    — «Не бойтесь, я привык...»

Летят... Из мерзлого окна
Не видно ничего,
Опасный гонит сон она,
Но не прогнать его!
Он волю женщины больной
Мгновенно покорил
И, как волшебник, в край иной
Ее переселил.
Тот край — он ей уже знаком,—
Как прежде неги полн,
И теплым солнечным лучом
И сладким пеньем волн
Ее приветствовал, как друг...
Куда ни поглядит:
«Да, это — юг! да, это юг!» —
Всё взору говорит...

Ни тучки в небе голубом,
Долина вся в цветах,
Всё солнцем залито,— на всем,
Внизу и на горах,
Печать могучей красоты,
Ликует всё вокруг;
Ей солнце, море и цветы
Поют: «Да — это юг!»

В долине между цепью гор
И морем голубым
Она летит во весь опор
С избранником своим.
Дорога их — роскошный сад,
С деревьев льется аромат,
На каждом дереве горит
Румяный, пышный плод;
Сквозь ветви темные сквозит
Лазурь небес и вод;
По морю реют корабли,
Мелькают паруса,
А горы, видные вдали,
Уходят в небеса.
Как чудны краски их! За час
Рубины рдели там,

Теперь заискрился топаз
По белым их хребтам...
Вот вьючный мул идет шажком,
В бубенчиках, в цветах,
За мулом — женщина с венком,
С корзинкою в руках.
Она кричит им: «Добрый путь!» —
И, засмеявшись вдруг,
Бросает быстро ей на грудь
Цветок... да! это юг!
Страна античных, смуглых дев
И вечных роз страна...
Чу! мелодический напев,
Чу! музыка слышна!..

«Да, это юг! да, это юг!
(Поет ей добрый сон.)
Опять с тобой любимый друг,
Опять свободен он!..»

Часть вторая

Уже два месяца почти
Бессменно день и ночь в пути

На диво слаженный возок,
А всё конец пути далек!

Княгинин спутник так устал,
Что под Иркутском захворал.

Два дня прождав его, она
Помчалась далее одна...

Ее в Иркутске встретил сам
Начальник городской;
Как мощи сух, как палка прям,
Высокий и седой.
Сползла с плеча его доха,
Под ней — кресты, мундир,

На шляпе — перья петуха.
    Почтенный бригадир,
Ругнув за что-то ямщика,
    Поспешно подскочил
И дверцы прочного возка
    Княгине отворил...

Княгиня

(входит в станционный дом)

В Нерчинск! Закладывать скорей!

Губернатор

Пришел я — встретить вас.

Княгиня

Велите ж дать мне лошадей!

Губернатор

    Прошу помедлить час.
Дорога наша так дурна,
    Вам нужно отдохнуть...

Княгиня

Благодарю вас! Я сильна...
    Уж недалек мой путь...

Губернатор

Всё ж будет верст до восьмисот,
    А главная беда:
Дорога хуже тут пойдет,
    Опасная езда!..
Два слова нужно вам сказать
    По службе,— и притом
Имел я счастье графа знать,
    Семь лет служил при нем.
Отец ваш редкий человек
    По сердцу, по уму,
Запечатлев в душе навек
    Признательность к нему,
К услугам дочери его
    Готов я... весь я ваш...

Княгиня

Но мне не нужно ничего!
(Отворяя дверь в сени.)
Готов ли экипаж?

Губернатор

Покуда я не прикажу,
Его не подадут...

Княгиня

Так прикажите ж! Я прошу...

Губернатор

Но есть зацепка тут:
С последней почтой прислана
Бумага...

Княгиня

Что же в ней:
Уж не вернуться ль я должна?

Губернатор

Да-с, было бы верней.

Княгиня

Да кто ж прислал вам и о чем
Бумагу? что же — там
Шутили, что ли, над отцом?
Он всё устроил сам!

Губернатор

Нет... не решусь я утверждать...
Но путь еще далек...

Княгиня

Так что же даром и болтать!
Готов ли мой возок?

Губернатор

Нет! Я еще не приказал...
Княгиня! здесь я — царь!

Садитесь! Я уже сказал,
Что знал я графа встарь,
А граф... хоть он вас отпустил,
По доброте своей,
Но ваш отъезд его убил...
Вернитесь поскорей!

Княгиня

Нет! что однажды решено —
Исполню до конца!
Мне вам рассказывать смешно,
Как я люблю отца,
Как любит он. Но долг другой,
И выше и святей,
Меня зовет. Мучитель мой!
Давайте лошадей!

Губернатор

Позвольте-с. Я согласен сам,
Что дорог каждый час,
Но хорошо ль известно вам,
Что ожидает вас?
Бесплодна наша сторона,
А та — еще бедней,
Короче нашей там весна,
Зима — еще длинней.
Да-с, восемь месяцев зима
Там — знаете ли вы?
Там люди редки без клейма,
И те душой черствы;
На воле рыскают кругом
Там только варнаки;
Ужасен там тюремный дом,
Глубоки рудники.
Вам не придется с мужем быть
Минуты глаз на глаз:
В казарме общей надо жить,
А пища: хлеб да квас.
Пять тысяч каторжников там,
Озлоблены судьбой,

Заводят драки по ночам,
Убийства и разбой;
Короток им и страшен суд,
Грознее нет суда!
И вы, княгиня, вечно тут
Свидетельницей... Да!
Поверьте, вас не пощадят,
Не сжалится никто!
Пускай ваш муж — он виноват...
А вам терпеть... за что?

Княгиня

Ужасна будет, знаю я,
Жизнь мужа моего.
Пускай же будет и моя
Не радостней его!

Губернатор

Но вы не будете там жить:
Тот климат вас убьет!
Я вас обязан убедить,
Не ездите вперед!
Ах! вам ли жить в стране такой,
Где воздух у людей
Не паром — пылью ледяной
Выходит из ноздрей?
Где мрак и холод круглый год,
А в краткие жары —
Непросыхающих болот
Зловредные пары?
Да... страшный край! Оттуда прочь
Бежит и зверь лесной,
Когда стосуточная ночь
Повиснет над страной...

Княгиня

Живут же люди в том краю,
Привыкну я шутя...

Губернатор

Живут? Но молодость свою
Припомните... дитя!

Здесь мать — водицей снеговой,
Родив, омоет дочь,
Малютку грозной бури вой
Баюкает всю ночь,
А будит дикий зверь, рыча
Близ хижины лесной,
Да пурга, бешено стуча
В окно, как домовой.
С глухих лесов, с пустынных рек
Сбирая дань свою,
Окреп туземный человек
С природою в бою,
А вы?..

Княгиня

Пусть смерть мне суждена —
Мне нечего жалеть!..
Я еду! еду! я должна
Близ мужа умереть.

Губернатор

Да, вы умрете, но сперва
Измучите того,
Чья безвозвратно голова
Погибла. Для него
Прошу: не ездите туда!
Сноснее одному,
Устав от тяжкого труда,
Прийти в свою тюрьму,
Прийти — и лечь на голый пол
И с черствым сухарем
Заснуть... а добрый сон пришел —
И узник стал царем!
Летя мечтой к родным, к друзьям,
Увидя вас самих,
Проснется он к дневным трудам
И бодр, и сердцем тих,
А с вами?.. с вами не знавать
Ему счастливых грез,
В себе он будет сознавать
Причину ваших слез.

Княгиня

Ах!.. Эти речи поберечь
Вам лучше для других.
Всем вашим пыткам не извлечь
Слезы из глаз моих!
Покинув родину, друзей,
Любимого отца,
Приняв обет в душе моей
Исполнить до конца
Мой долг,— я слез не принесу
В проклятую тюрьму —
Я гордость, гордость в нем спасу,
Я силы дам ему!
Презренье к нашим палачам,
Сознанье правоты
Опорой верной будет нам.

Губернатор

Прекрасные мечты!
Но их достанет на пять дней.
Не век же вам грустить?
Поверьте совести моей,
Захочется вам жить.
Здесь черствый хлеб, тюрьма, позор,
Нужда и вечный гнет,
А там балы, блестящий двор,
Свобода и почет.
Как знать? Быть может, бог судил...
Понравится другой,
Закон вас права не лишил...

Княгиня

Молчите!.. Боже мой!..

Губернатор

Да, откровенно говорю,
Вернитесь лучше в свет.

Княгиня

Благодарю, благодарю
За добрый ваш совет!

И прежде был там рай земной,
А нынче этот рай
Своей заботливой рукой
Расчистил Николай.
Там люди заживо гниют —
Ходячие гробы,
Мужчины — сборище Иуд,
А женщины — рабы.
Что там найду я? Ханжествó,
Поруганную честь,
Нахальной дряни торжество
И подленькую месть.
Нет, в этот вырубленный лес
Меня не заманят,
Где были дубы до небес,
А нынче пни торчат!
Вернуться? жить среди клевет,
Пустых и темных дел?..
Там места нет, там друга нет
Тому, кто раз прозрел!
Нет, нет, я видеть не хочу
Продажных и тупых,
Не покажусь я палачу
Свободных и святых.
Забыть того, кто нас любил,
Вернуться — всё простя?

Губернатор

Но он же вас не пощадил?
Подумайте, дитя:
О ком тоска? к кому любовь?

Княгиня

Молчите, генерал!

Губернатор

Когда б не доблестная кровь
Текла в вас — я б молчал.
Но если рветесь вы вперед,
Не веря ничему,
Быть может, гордость вас спасет...
Достались вы ему
С богатством, с именем, с умом,

С доверчивой душой,
А он, не думая о том,
Что станется с женой,
Увлекся призраком пустым
И — вот его судьба!..
И что ж?.. бежите вы за ним,
Как жалкая раба!

Княгиня

Нет! я не жалкая раба,
Я женщина, жена!
Пускай горька моя судьба —
Я буду ей верна!
О, если б он меня забыл
Для женщины другой,
В моей душе достало б сил
Не быть его рабой!
Но знаю: к родине любовь
Соперница моя,
И если б нужно было, вновь
Ему простила б я!..

Княгиня кончила... Молчал
Упрямый старичок.
«Ну что ж? Велите, генерал,
Готовить мой возок?»
Не отвечая на вопрос,
Смотрел он долго в пол,
Потом в раздумьи произнес:
«До завтра» — и ушел...

Назавтра тот же разговор,
Просил и убеждал,
Но получил опять отпор
Почтенный генерал.
Все убежденья истощив
И выбившись из сил,
Он долго, важен, молчалив,
По комнате ходил
И наконец сказал: «Быть так!

Вас не спасешь, увы!..
Но знайте: сделав этот шаг,
Всего лишитесь вы!..»

— «Да что же мне еще терять?»

— «За мужем поскакав,
Вы отреченье подписать
Должны от ваших прав!»

Старик эффектно замолчал,
От этих страшных слов
Он, очевидно, пользы ждал,
Но был ответ таков:
«У вас седая голова,
А вы еще дитя!
Вам наши кажутся права
Правами — не шутя.
Нет! ими я не дорожу,
Возьмите их скорей!
Где отреченье? Подпишу!
И живо — лошадей!..»

Губернатор

Бумагу эту подписать!
Да что вы?.. Боже мой!
Ведь это значит нищей стать
И женщиной простой!
Всему вы скажете прости,
Что вам дано отцом,
Что по наследству перейти
Должно бы к вам потом!
Права имущества, права
Дворянства потерять!
Нет, вы подумайте сперва —
Зайду я к вам опять!..

———

Ушел и не был целый день...
Когда спустилась тьма,
Княгиня, слабая как тень,
Пошла к нему сама.

Ее не принял генерал:
Хворает тяжело...
Пять дней, покуда он хворал,
Мучительных прошло,
А на шестой пришел он сам
И круто молвил ей:
«Я отпустить не вправе вам,
Княгиня, лошадей!
Вас по этапу поведут
С конвоем...»

Княгиня

Боже мой!
Но так ведь месяцы пройдут
В дороге?..

Губернатор

Да, весной
В Нерчинск придете, если вас
Дорога не убьет.
Навряд версты четыре в час
Закованный идет;
Посередине дня — привал,
С закатом дня — ночлег,
А ураган в степи застал —
Закапывайся в снег!
Да-с, промедленьям нет числа.
Иной упал, ослаб...

Княгиня

Не хорошо я поняла —
Что значит ваш этап?

Губернатор

Под караулом казаков
С оружием в руках,
Этапом водим мы воров
И каторжных в цепях,
Они дорогою шалят,
Того гляди сбегут,
Так их канатом прикрутят
Друг к другу — и ведут.

Трудненек путь! Да вот-с каков:
Отправится пятьсот,
А до нерчинских рудников
И трети не дойдет!
Они как мухи мрут в пути,
Особенно зимой...
И вам, княгиня, так идти?..
Вернитесь-ка домой!

Княгиня

О нет! я этого ждала...
Но вы, но вы... злодей!..
Неделя целая прошла...
Нет сердца у людей!
Зачем бы разом не сказать?..
Уж шла бы я давно...
Велите ж партию сбирать —
Иду! мне всё равно!..

«Нет! вы поедете!..— вскричал
Нежданно старый генерал,
Закрыв рукой глаза.—
Как я вас мучил... Боже мой!..
(Из-под руки на ус седой
Скатилася слеза.)
Простите! да, я мучил вас,
Но мучился и сам,
Но строгий я имел приказ
Преграды ставить вам!
И разве их не ставил я?
Я делал всё, что мог,
Перед царем душа моя
Чиста, свидетель бог!
Острожным жестким сухарем
И жизнью взаперти,
Позором, ужасом, трудом
Этапного пути
Я вас старался напугать.
Не испугались вы!
И хоть бы мне не удержать
На плечах головы,

Я не могу, я не хочу
Тиранить больше вас...
Я вас в три дня туда домчу...

(Отворяя дверь, кричит)

Эй! запрягать, сейчас!..»

Лето 1871

2

КНЯГИНЯ М. Н. ВОЛКОНСКАЯ

(БАБУШКИНЫ ЗАПИСКИ)

(1826—27 г.)

Глава 1

Проказники внуки! Сегодня они
С прогулки опять воротились:
«Нам, бабушка, скучно! В ненастные дни,
Когда мы в портретной садились
И ты начинала рассказывать нам,
Так весело было!.. Родная,
Еще что-нибудь расскажи!..» По углам
Уселись. Но их прогнала я:
«Успеете слушать; рассказов моих
Достанет на целые томы,
Но вы еще глупы: узнаете их,
Как будете с жизнью знакомы!
Я всё рассказала, доступное вам
По вашим ребяческим летам:
Идите гулять по полям, по лугам!
Идите же... пользуйтесь летом!»

И вот, не желая остаться в долгу
У внуков, пишу я записки;
Для них я портреты людей берегу,
Которые были мне близки,
Я им завещаю альбом — и цветы
С могилы сестры — Муравьевой,
Коллекцию бабочек, флору Читы
И виды страны той суровой;

Я им завещаю железный браслет...
Пускай берегут его свято:
В подарок жене его выковал дед
Из собственной цепи когда то...

Родилась я, милые внуки мои,
Под Киевом, в тихой деревне;
Любимая дочь я была у семьи.
Наш род был богатый и древний,
Но пуще отец мой возвысил его:
Заманчивей славы героя,
Дороже отчизны — не знал ничего
Боец, не любивший покоя.
Творя чудеса, девятнадцати лет
Он был полковым командиром,
Он мужеством добыл и лавры побед
И почести, чтимые миром.
Воинская слава его началась
Персидским и шведским походом,
Но память о нем нераздельно слилась
С великим двенадцатым годом:
Тут жизнь его долгим сраженьем была.
Походы мы с ним разделяли;
И в месяц иной не запомним числа,
Когда б за него не дрожали.
«Защитник Смоленска» всегда впереди
Опасного дела являлся...
Под Лейпцигом раненный, с пулей в груди,
Он вновь через сутки сражался,
Так летопись жизни его говорит: [1]
В ряду полководцев России,
Покуда отечество наше стоит,
Он памятен будет! Витии
Отца моего осыпали хвалой,
Бессмертным его называя;
Жуковский почтил его громкой строфой,
Российских вождей прославляя:
Под Дашковой личного мужества жар
И жертву отца-патриота
Поэт воспевает. [2] Воинственный дар
Являя в сраженьях без счета,

Не силой одною врагов побеждал
Ваш прадед в борьбе исполинской:
О нем говорили, что он сочетал
С отвагою гений воинский.

Войной озабочен, в семействе своем
Отец ни во что не мешался,
Но крут был порою; почти божеством
Он матери нашей казался,
И сам он глубоко привязан был к ней.
Отца мы любили — в герое,
Окончив походы, в усадьбе своей
Он медленно гас на покое.
Мы жили в большом подгородном дому.
Детей поручив англичанке,
Старик отдыхал.[3] Я училась всему,
Что нужно богатой дворянке.
А после уроков бежала я в сад
И пела весь день беззаботно,
Мой голос был очень хорош, говорят,
Отец его слушал охотно;
Записки свои приводил он к концу,
Читал он газеты, журналы,
Пиры задавал; наезжали к отцу
Седые, как он, генералы,
И шли бесконечные споры тогда;
Меж тем молодежь танцевала.
Сказать ли вам правду? была я всегда
В то время царицею бала:
Очей моих томных огонь голубой
И черная с синим отливом
Большая коса, и румянец густой
На личике смуглом, красивом,
И рост мой высокий, и гибкий мой стан,
И гордая поступь — пленяли
Тогдашних красавцев: гусаров, улан,
Что близко с полками стояли.
Но слушала я неохотно их лесть...
Отец за меня постарался:
«Не время ли замуж? Жених уже есть,
Он славно под Лейпцигом дрался,

Его полюбил государь, наш отец,
И дал ему чин генерала.
Постарше тебя... а собой молодец,
Волконский! Его ты видала
На царском смотру... и у нас он бывал,
По парку с тобой всё шатался!»
— «Да, помню! Высокий такой генерал...»
— «Он самый!» — старик засмеялся...
«Отец! он так мало со мной говорил!» —
Заметила я, покраснела...
«Ты будешь с ним счастлива!» — круто решил
Старик,— возражать я не смела...

Прошло две недели — и я под венцом
С Сергеем Волконским стояла,
Не много я знала его женихом,
Не много и мужем узнала,—
Так мало мы жили под кровлей одной,
Так редко друг друга видали!
По дальним селеньям, на зимний постой,
Бригаду его разбросали,
Ее объезжал беспрестанно Сергей.
А я между тем расхворалась;
В Одессе потом, по совету врачей,
Я целое лето купалась;
Зимой он приехал за мною туда,
С неделю я с ним отдохнула
При главной квартире... и снова беда!
Однажды я крепко уснула.
Вдруг слышу я голос Сергея (в ночи,
Почти на рассвете то было):
«Вставай! Поскорее найди мне ключи!
Камин затопи!» Я вскочила...
Взглянула: встревожен и бледен он был.
Камин затопила я живо.
Из ящиков муж мой бумаги сносил
К камину — и жег торопливо.
Иные прочитывал бегло, спеша,
Иные бросал не читая.
И я помогала Сергею, дрожа
И глубже в огонь их толкая...

Потом он сказал: «Мы поедем сейчас»,
Волос моих нежно касаясь.
Всё скоро уложено было у нас,
И утром, ни с кем не прощаясь,
Мы тронулись в путь. Мы скакали три дня,
Сергей был угрюм, торопился,
Довез до отцовской усадьбы меня
И тотчас со мною простился.

Глава 2

«Уехал!.. Что значила бледность его
И всё, что в ту ночь совершилось?
Зачем не сказал он жене ничего?
Недоброе что-то случилось!»
Я долго не знала покоя и сна,
Сомнения душу терзали:
«Уехал, уехал! опять я одна!..»
Родные меня утешали,
Отец торопливость его объяснял
Каким-нибудь делом случайным:
«Куда-нибудь сам император послал
Его с поручением тайным,
Не плачь! Ты походы делила со мной,
Превратности жизни военной
Ты знаешь; он скоро вернется домой!
Под сердцем залог драгоценный
Ты носишь: теперь ты беречься должна!
Всё кончится ладно, родная;
Жена муженька проводила одна,
А встретит, ребенка качая!..»

Увы! предсказанье его не сбылось!
Увидеться с бедной женою
И с первенцем сыном отцу довелось
Не здесь — не под кровлей родною!

Как дорого стоил мне первенец мой!
Два месяца я прохворала.
Измучена телом, убита душой,
Я первую няню узнала.

Спросила о муже.— «Еще не бывал!»
— «Писал ли?» — «И писем нет даже».
— «А где мой отец?» — «В Петербург ускакал».
— «А брат мой?» — «Уехал туда же».

«Мой муж не приехал, нет даже письма,
И брат и отец ускакали,—
Сказала я матушке: — Еду сама!
Довольно, довольно мы ждали!»
И как ни старалась упрашивать дочь
Старушка, я твердо решилась;
Припомнила я ту последнюю ночь
И всё, что тогда совершилось,
И ясно сознала, что с мужем моим
Недоброе что-то творится...

Стояла весна, по разливам речным
Пришлось черепахой тащиться.

Доехала я чуть живая опять.
«Где муж мой?» — отца я спросила.
«В Молдавию муж твой ушел воевать».
— «Не пишет он?..» Глянул уныло
И вышел отец... Недоволен был брат,
Прислуга молчала, вздыхая.
Заметила я, что со мною хитрят,
Заботливо что-то скрывая;
Ссылаясь на то, что мне нужен покой,
Ко мне никого не пускали,
Меня окружили какой-то стеной,
Мне даже газет не давали!
Я вспомнила: много у мужа родных,
Пишу — отвечать умоляю.
Проходят недели,— ни слова от них!
Я плачу, я силы теряю...

Нет чувства мучительней тайной грозы.
Я клятвой отца уверяла,
Что я не пролью ни единой слезы,—
И он, и кругом всё молчало!
Любя, меня мучил мой бедный отец;
Жалея, удвоивал горе...

Узнала, узнала я всё наконец!..
Прочла я в самом приговоре,
Что был заговорщиком бедный Сергей:
Стояли они настороже,
Готовя войска к низверженью властей.
В вину ему ставилось тоже,
Что он... Закружилась моя голова...
Я верить глазам не хотела...
«Ужели?..» В уме не вязались слова:
Сергей — и бесчестное дело!

Я помню, сто раз я прочла приговор,
Вникая в слова роковые.
К отцу побежала,— с отцом разговор
Меня успокоил, родные!
С души словно камень тяжелый упал.
В одном я Сергея винила:
Зачем он жене ничего не сказал?
Подумав, и то я простила:
«Как мог он болтать? Я была молода,
Когда ж он со мной расставался,
Я сына под сердцем носила тогда:
За мать и дитя он боялся! —
Так думала я.— Пусть беда велика,
Не всё потеряла я в мире.
Сибирь так ужасна, Сибирь далека,
Но люди живут и в Сибири!..»

Всю ночь я горела, мечтая о том,
Как буду лелеять Сергея.
Под утро глубоким, крепительным сном
Уснула,— и встала бодрее.
Поправилось скоро здоровье мое,
Приятельниц я повидала,
Нашла я сестру,— расспросила ее
И горького много узнала!
Несчастные люди!.. «Всё время Сергей
(Сказала сестра) содержался
В тюрьме; не видал ни родных, ни друзей...
Вчера только с ним повидался
Отец. Повидаться с ним можешь и ты:

Когда приговор прочитали,
Одели их в рубище, сняли кресты,
Но право свиданья им дали!..»

Подробностей ряд пропустила я тут...
Оставив следы роковые,
Доныне о мщеньи они вопиют...
Не знайте их лучше, родные.

Я в крепость поехала к мужу с сестрой,
Пришли мы сперва к «генералу»,
Потом нас привел генерал пожилой
В обширную, мрачную залу.
«Дождитесь, княгиня! мы будем сейчас!»
Раскланявшись вежливо с нами,
Он вышел. С дверей не спускала я глаз.
Минуты казались часами.
Шаги постепенно смолкали вдали,
За ними я мыслью летела.
Мне чудилось: связку ключей принесли,
И ржавая дверь заскрипела.
В угрюмой каморке с железным окном
Измученный узник томился.
«Жена к вам приехала!..» Бледный лицом,
Он весь задрожал, оживился:
«Жена!..» Коридором он быстро бежал,
Довериться слуху не смея...

«Вот он!» — громогласно сказал генерал,
И я увидала Сергея...

Недаром над ним пронеслася гроза:
Морщины на лбу появились,
Лицо было мертвенно бледно, глаза
Не так уже ярко светились,
Но больше в них было, чем в прежние дни,
Той тихой, знакомой печали;
С минуту пытливо смотрели они
И радостью вдруг заблистали,

Казалось, он в душу мою заглянул...
Я горько, припав к его груди,
Рыдала... Он обнял меня и шепнул:
«Здесь есть посторонние люди».
Потом он сказал, что полезно ему
Узнать добродетель смиренья,
Что, впрочем, легко переносит тюрьму,
И несколько слов ободренья
Прибавил... По комнате важно шагал
Свидетель — нам было неловко...
Сергей на одежду свою показал:
«Поздравь меня, Маша, с обновкой,—
И тихо прибавил: — *Пойми и прости»*,—
Глаза засверкали слезою,
Но тут соглядатай успел подойти,
Он низко поник головою.
Я громко сказала: «Да, я не ждала
Найти тебя в этой одежде».
И тихо шепнула: *«Я всё поняла.*
Люблю тебя больше, чем прежде...»
— «Что делать? И в каторге буду я жить
(Покуда мне жизнь не наскучит)».
— «Ты жив, ты здоров, так о чем же тужить?
(Ведь каторга нас не разлучит?)»

«Так вот ты какая!» — Сергей говорил,
Лицо его весело было...
Он вынул платок, на окно положил,
И рядом я свой положила,
Потом, расставаясь, Сергеев платок
Взяла я — мой мужу остался...
Нам после годичной разлуки часок
Свиданья короток казался,
Но что ж было делать! Наш срок миновал —
Пришлось бы другим дожидаться...
В карету меня подсадил генерал,
Счастливо желал оставаться...

Великую радость нашла я в платке:
Целуя его, увидала
Я несколько слов на одном уголке;
Вот что я, дрожа, прочитала:

«Мой друг, ты свободна. Пойми — не пеняй!
Душевно я бодр и — желаю
Жену мою видеть такой же. Прощай!
Малютке поклон посылаю...»

Была в Петербурге большая родня
У мужа; всё знать — да какая!
Я ездила к ним, волновалась три дня,
Сергея спасти умоляя.
Отец говорил: «Что ты мучишься, дочь?
Я всё испытал — бесполезно!»
И правда: они уж пытались помочь,
Моля императора слезно,
Но просьбы до сердца его не дошли...
Я с мужем еще повидалась,
И время приспело: его увезли!..
Как только одна я осталась,
Я тотчас послышала в сердце моем,
Что надо и мне торопиться,
Мне душен казался родительский дом,
И стала я к мужу проситься.

Теперь расскажу вам подробно, друзья,
Мою роковую победу.
Вся дружно и грозно восстала семья,
Когда я сказала: «Я еду!»
Не знаю, как мне удалось устоять,
Чего натерпелась я... Боже!..
Была из-под Киева вызвана мать,
И братья приехали тоже:
Отец «образумить» меня приказал.
Они убеждали, просили,
Но волю мою сам господь подкреплял,
Их речи ее не сломили!
А много и горько поплакать пришлось...
Когда собрались мы к обеду,
Отец мимоходом мне бросил вопрос:
«На что ты решилась?» — «Я еду!»
Отец промолчал... промолчала семья...
Я вечером горько всплакнула,

Качая ребенка, задумалась я...
Вдруг входит отец,— я вздрогну́ла.
Ждала я грозы, но, печален и тих,
Сказал он сердечно и кротко:
«За что обижаешь ты кровных родных?
Что будет с несчастным сироткой?
Что будет с тобою, голубка моя?
Там нужно не женскую силу!
Напрасна великая жертва твоя,
Найдешь ты там только могилу!»
И ждал он ответа, и взгляд мой ловил,
Лаская меня и целуя...
«Я сам виноват! Я тебя погубил! —
Воскликнул он вдруг, негодуя.—
Где был мой рассудок? Где были глаза!
Уж знала вся армия наша...»
И рвал он седые свои волоса:
«Прости! не казни меня, Маша!
Останься!..» И снова молил горячо...
Бог знает, как я устояла!
Припав головою к нему на плечо,
«Поеду!» — я тихо сказала...

«Посмотрим!..» И вдруг распрямился старик,
Глаза его гневом сверкали:
«Одно повторяет твой глупый язык:
«Поеду!» Сказать не пора ли,
Куда и зачем? Ты подумай сперва!
Не знаешь сама, что болтаешь!
Умеет ли думать твоя голова?
Врагами ты, что ли, считаешь
И мать, и отца? Или глупы они...
Что споришь ты с ними, как с ровней?
Поглубже ты в сердце свое загляни,
Вперед посмотри хладнокровней,
Подумай!.. Я завтра увижусь с тобой...»

Ушел он, грозящий и гневный,
А я, чуть жива, пред иконой святой
Упала — в истоме душевной...

Глава 3

«Подумай!..» Я целую ночь не спала,
Молилась и плакала много.
Я божию матерь на помощь звала,
Совета просила у бога,
Я думать училась: отец приказал
Подумать... нелегкое дело!
Давно ли он думал за нас — и решал,
И жизнь наша мирно летела?
Училась я много; на трех языках
Читала. Заметна была я
В парадных гостиных, на светских балах,
Искусно танцуя, играя;
Могла говорить я почти обо всем,
Я музыку знала, я пела,
Я даже отлично скакала верхом,
Но думать совсем не умела.

Я только в последний, двадцатый мой год
Узнала, что жизнь не игрушка,
Да в детстве, бывало, сердечко вздрогнет,
Как грянет нечаянно пушка.
Жилось хорошо и привольно; отец
Со мной не говаривал строго;
Осьмнадцати лет я пошла под венец
И тоже не думала много...

В последнее время моя голова
Работала сильно, пылала;
Меня неизвестность томила сперва.
Когда же беду я узнала,
Бессменно стоял предо мною Сергей,
Тюрьмою измученный, бледный,
И много неведомых прежде страстей
Посеял в душе моей бедной.
Я всё испытала, а больше всего
Жестокое чувство бессилья.
Я небо и сильных людей за него
Молила — напрасны усилья!
И гнев мою душу больную палил,
И я волновалась нестройно,

Рвалась, проклинала... но не было сил
Ни времени думать спокойно.

Теперь непременно я думать должна —
Отцу моему так угодно.
Пусть воля моя неизменно одна,
Пусть всякая дума бесплодна,
Я честно исполнить отцовский приказ
Решилась, мои дорогие.

Старик говорил: «Ты подумай о нас,
Мы люди тебе не чужие:
И мать, и отца, и дитя, наконец,—
Ты всех безрассудно бросаешь,
За что же?» — «Я долг исполняю, отец!»
— «За что ты себя обрекаешь
На муку?» — «Не буду я мучиться там!
Здесь ждет меня страшная мука.
Да если останусь, послушная вам,
Меня истерзает разлука.
Не зная покоя ни ночью, ни днем,
Рыдая над бедным сироткой,
Всё буду я думать о муже моем
Да слышать упрек его кроткий.
Куда ни пойду я — на лицах людей
Я свой приговор прочитаю:
В их шепоте — повесть измены моей,
В улыбке укор угадаю:
Что место мое не на пышном балу,
А в дальней пустыне угрюмой,
Где узник усталый в тюремном углу
Терзается лютою думой,
Один... без опоры... Скорее к нему!
Там только вздохну я свободно.
Делила с ним радость, делить и тюрьму
Должна я... Так небу угодно!..

Простите, родные! Мне сердце давно
Мое подсказало решенье.
И верю я твердо: от бога оно!
А в вас говорит — сожаленье.

Да, ежели выбор решить я должна
Меж мужем и сыном — не боле,
Иду я туда, где я больше нужна,
Иду я к тому, кто в неволе!
Я сына оставлю в семействе родном,
Он скоро меня позабудет.
Пусть дедушка будет малютке отцом,
Сестра ему матерью будет.
Он так еще мал! А когда подрастет
И страшную тайну узнает,
Я верю: он матери чувство поймет
И в сердце ее оправдает!

Но если останусь я с ним... и потом
Он тайну узнает и спросит:
«Зачем не пошла ты за бедным отцом?..» —
И слово укора мне бросит?
О, лучше в могилу мне заживо лечь,
Чем мужа лишить утешенья
И в будущем сына презренье навлечь...
Нет, нет! не хочу я презренья!..

А может случиться — подумать боюсь! —
Я первого мужа забуду,
Условиям новой семьи подчинюсь
И сыну не матерью буду,
А мачехой лютой?.. Горю со стыда...
Прости меня, бедный изгнанник!
Тебя позабыть! Никогда! никогда!
Ты сердца единый избранник...

Отец! ты не знаешь, как дорог он мне!
Его ты не знаешь! Сначала,
В блестящем наряде, на гордом коне,
Его пред полком я видала;
О подвигах жизни его боевой
Рассказы товарищей боя
Я слушала жадно — и всею душой
Я в нем полюбила героя...

Позднее я в нем полюбила отца
Малютки, рожденного мною.

Разлука тянулась меж тем без конца.
Он твердо стоял под грозою...
Вы знаете, где мы увиделись вновь —
Судьба свою волю творила! —
Последнюю, лучшую сердца любовь
В тюрьме я ему подарила!

Напрасно чернила его клевета,
Он был безупречней, чем прежде,
И я полюбила его, как Христа...
В своей арестантской одежде
Теперь он бессменно стоит предо мной,
Величием кротким сияя.
Терновый венец над его головой,
Во взоре — любовь неземная...

Отец мой! должна я увидеть его...
Умру я, тоскуя по муже...
Ты, долгу служа, не щадил ничего
И нас научил ты тому же...
Герой, выводивший своих сыновей
Туда, где смертельней сраженье,—
Не верю, чтоб дочери бедной своей
Ты сам не одобрил решенье!»

Вот что я продумала в долгую ночь,
И так я с отцом говорила...
Он тихо сказал: «Сумасшедшая дочь!» —
И вышел; молчали уныло
И братья, и мать... Я ушла наконец...
Тяжелые дни потянулись:
Как туча ходил недовольный отец,
Другие домашние дулись.
Никто не хотел ни советом помочь,
Ни делом; но я не дремала,
Опять провела я бессонную ночь:
Письмо к государю писала
(В то время молва начала разглашать,
Что будто вернуть Трубецкую
С дороги велел государь. Испытать
Боялась я участь такую,

Но слух был неверен). Письмо отвезла
Сестра моя, Катя Орлова.
Сам царь отвечал мне... Спасибо, нашла
В ответе я доброе слово!
Он был элегантен и мил (Николай
Писал по-французски). Сначала
Сказал государь, как ужасен тот край,
Куда я поехать желала,
Как грубы там люди, как жизнь тяжела,
Как возраст мой хрупок и нежен;
Потом намекнул (я не вдруг поняла)
На то, что возврат безнадежен;
А дальше — изволил хвалою почтить
Решимость мою, сожалея,
Что, долгу покорный, не мог пощадить
Преступного мужа... Не смея
Противиться чувствам высоким таким,
Давал он свое позволенье;
Но лучше желал бы, чтоб с сыном моим
Осталась я дома...
Волненье
Меня охватило. «Я еду!» Давно
Так радостно сердце не билось...
«Я еду! я еду! Теперь решено!..»
Я плакала, жарко молилась...

В три дня я в далекий мой путь собралась,
Всё ценное я заложила,
Надежною шубой, бельем запаслась,
Простую кибитку купила.
Родные смотрели на сборы мои,
Загадочно как-то вздыхая;
Отъезду не верил никто из семьи...
Последнюю ночь провела я
С ребенком. Нагнувшись над сыном моим,
Улыбку малютки родного
Запомнить старалась; играла я с ним
Печатью письма рокового.
Играла и думала: «Бедный мой сын!
Не знаешь ты, чем ты играешь!
Здесь участь твоя: ты проснешься один,
Несчастный! Ты мать потеряешь!»

И в горе упав на ручонки его
Лицом, я шептала, рыдая:
«Прости, что тебя, для отца твоего,
Мой бедный, покинуть должна я...

А он улыбался: не думал он спать,
Любуясь красивым пакетом;
Большая и красная эта печать
Его забавляла...
С рассветом
Спокойно и крепко заснуло дитя,
И щечки его заалели.
С любимого личика глаз не сводя,
Молясь у его колыбели,
Я встретила утро...
Я вмиг собралась.
Сестру заклинала я снова
Быть матерью сыну... Сестра поклялась...
Кибитка была уж готова.

Сурово молчали родные мои,
Прощание было немое.
Я думала: «Я умерла для семьи,
Всё милое, всё дорогое
Теряю... нет счета печальных потерь!..»
Мать как-то спокойно сидела,
Казалось, не веря еще и теперь,
Чтоб дочка уехать посмела,
И каждый с вопросом смотрел на отца.
Сидел он поодаль понуро,
Не молвил словечка, не поднял лица,—
Оно было бледно и хмуро.
Последние вещи в кибитку снесли,
Я плакала, бодрость теряя,
Минуты мучительно медленно шли...
Сестру наконец обняла я
И мать обняла. «Ну, господь вас хранит!» —
Сказала я, братьев целуя.
Отцу подражая, молчали они...
Старик поднялся, негодуя,

По сжатым губам, по морщинам чела
Ходили зловещие тени...
Я молча ему образок подала
И стала пред ним на колени:
«Я еду! хоть слово, хоть слово, отец!
Прости свою дочь, ради бога!..»
Старик на меня поглядел наконец
Задумчиво, пристально, строго
И, руки с угрозой подняв надо мной,
Чуть слышно сказал (я дрожала):
«Смотри! через год возвращайся домой,
Не то — прокляну!..»
Я упала...

Глава 4

«Довольно, довольно объятий и слез!»
Я села — и тройка помчалась.
«Прощайте, родные!» В декабрьский мороз
Я с домом отцовским рассталась
И мчалась без отдыху с лишком три дня;
Меня быстрота увлекала,
Она была лучшим врачом для меня...
Я скоро в Москву прискакала,
К сестре Зинаиде.[4] Мила и умна
Была молодая княгиня,
Как музыку знала! Как пела она!
Искусство ей было святыня.
Она нам оставила книгу новелл,[5]
Исполненных грации нежной,
Поэт Веневитинов стансы ей пел,
Влюбленный в нее безнадежно;
В Италии год Зинаида жила
И к нам — по сказанью поэта —
«Цвет южного неба в очах принесла».[6]
Царица московского света,
Она не чуждалась артистов,— житье
Им было у Зины в гостиной;
Они уважали, любили ее
И Северной звали Коринной...

Поплакали мы. По душе ей была
Решимость моя роковая:

«Крепись, моя бедная! будь весела!
Ты мрачная стала такая.
Чем мне эти темные тучи прогнать?
Как мы распростимся с тобою?
А вот что! ложись ты до вечера спать,
А вечером пир я устрою.
Не бойся! всё будет во вкусе твоем,
Друзья у меня не повесы,
Любимые песни твои мы споем,
Сыграем любимые пьесы...»
И вечером весть, что приехала я,
В Москве уже многие знали.
В то время несчастные наши мужья
Вниманье Москвы занимали:
Едва огласилось решенье суда,
Всем было неловко и жутко,
В салонах Москвы повторялась тогда
Одна ростопчинская шутка:
«В Европе сапожник, чтоб барином стать,
Бунтует,— понятное дело!
У нас революцию сделала знать:
В сапожники, что ль, захотела?..»

И сделалась я «героинею дня».
Не только артисты, поэты —
Вся двинулась знатная наша родня;
Парадные, цугом кареты
Гремели; напудрив свои парики,
Потемкину ровня по летам,
Явились былые тузы-старики
С отменно учтивым приветом;
Старушки, статс-дамы былого двора,
В объятья меня заключали:
«Какое геройство!.. Какая пора!..» —
И в такт головами качали.

Ну, словом, что было в Москве повидней,
Что в ней мимоездом гостило,
Всё вечером съехалось к Зине моей:
Артистов тут множество было,
Певцов-итальянцев тут слышала я,
Что были тогда знамениты,

Отца моего сослуживцы, друзья
Тут были, печалью убиты.
Тут были родные ушедших туда,
Куда я сама торопилась,
Писателей группа, любимых тогда,
Со мной дружелюбно простилась:
Тут были Одоевский, Вяземский; был
Поэт вдохновенный и милый,
Поклонник кузины, что рано почил,
Безвременно взятый могилой.
И Пушкин тут был... Я узнала его...
Он другом был нашего детства,
В Юрзуфе[7] он жил у отца моего,
В ту пору проказ и кокетства
Смеялись, болтали мы, бегали с ним,
Бросали друг в друга цветами.
Всё наше семейство поехало в Крым,
И Пушкин отправился с нами.
Мы ехали весело. Вот наконец
И горы и Черное море!
Велел постоять экипажам отец,
Гуляли мы тут на просторе.

Тогда уже был мне шестнадцатый год.
Гибка, высока не по летам,
Покинув семью, я стрелою вперед
Умчалась с курчавым поэтом;
Без шляпки, с распущенной длинной косой,
Полуденным солнцем палима,
Я к морю летела,— и был предо мной
Вид южного берега Крыма!
Я радостным взором глядела кругом,
Я прыгала, с морем играла;
Когда удалялся прилив, я бегом
До самой воды добегала,
Когда же прилив возвращался опять
И волны грядой подступали,
От них я спешила назад убежать,
А волны меня настигали!..

И Пушкин смотрел... и смеялся, что я
Ботинки мои промочила.

«Молчите! идет гувернантка моя!» —
Сказала я строго. (Я скрыла,
Что ноги промокли)... Потом я прочла
В «Онегине» чудные строки. [8]
Я вспыхнула вся — я довольна была...
Теперь я стара, так далеки
Те красные дни! Я не буду скрывать,
Что Пушкин в то время казался
Влюбленным в меня... но, по правде сказать,
В кого он тогда не влюблялся!
Но, думаю, он не любил никого
Тогда, кроме музы: едва ли
Не больше любви занимали его
Волненья ее и печали...
Юрзуф живописен: в роскошных садах
Долины его потонули,
У ног его море, вдали Аюдаг...
Татарские хижины льнули
К подножию скал; виноград выбе́гал
На кручу лозой отягченной,
И тополь местами недвижно стоял
Зеленой и стройной колонной.
Мы заняли дом под нависшей скалой,
Поэт наверху приютился,
Он нам говорил, что доволен судьбой,
Что в море и горы влюбился.
Прогулки его продолжались по дням
И были всегда одиноки,
Он у́ моря часто бродил по ночам.
По-а́нглийски брал он уроки
У Лены, сестры моей: Байрон тогда
Его занимал чрезвычайно.
Случалось сестре перевесть иногда
Из Байрона что-нибудь — тайно;
Она мне читала попытки свои,
А после рвала и бросала,
Но Пушкину кто-то сказал из семьи,
Что Лена стихи сочиняла:
Поэт подобрал лоскутки под окном
И вывел всё дело на сцену.
Хваля переводы, он долго потом
Конфузил несчастную Лену...

Окончив занятья, спускался он вниз
И с нами делился досугом;
У самой террасы стоял кипарис,
Поэт называл его другом,
Под ним заставал его часто рассвет,
Он с ним, уезжая, прощался...
И мне говорили, что Пушкина след
В туземной легенде остался:
«К поэту летал соловей по ночам,
Как в небо луна выплывала,
И вместе с поэтом он пел — и, певцам
Внимая, природа смолкала!
Потом соловей — повествует народ —
Летал сюда каждое лето:
И свищет, и плачет, и словно зовет
К забытому другу поэта!
Но умер поэт — прилетать перестал
Пернатый певец... Полный горя,
С тех пор кипарис сиротою стоял,
Внимая лишь ропоту моря...»
Но Пушкин надолго прославил его:
Туристы его навещают,
Садятся под ним и на память с него
Душистые ветки срывают...

Печальна была наша встреча. Поэт
Подавлен был истинным горем.
Припомнил он игры ребяческих лет
В далеком Юрзуфе, над морем.
Покинув привычный насмешливый тон,
С любовью, с тоской бесконечной,
С участием брата напутствовал он
Подругу той жизни беспечной!
Со мной он по комнате долго ходил,
Судьбой озабочен моею,
Я помню, родные, что он говорил,
Да так передать не сумею:
«Идите, идите! Вы сильны душой,
Вы смелым терпеньем богаты,
Пусть мирно свершится ваш путь роковой,
Пусть вас не смущают утраты!

Поверьте, душевной такой чистоты
Не стоит сей свет ненавистный!
Блажен, кто меняет его суеты
На подвиг любви бескорыстной!
Что свет? опостылевший всем маскарад!
В нем сердце черствеет и дремлет,
В нем царствует вечный, рассчитанный хлад
И пылкую правду объемлет...

Вражда умирится влияньем годов,
Пред временем рухнет преграда,
И вам возвратятся пенаты отцов
И сени домашнего сада!
Целебно вольется в усталую грудь
Долины наследственной сладость,
Вы гордо оглянете пройденный путь
И снова узнаете радость.
Да, верю! не долго вам горе терпеть,
Гнев царский не будет же вечным...
Но если придется в степи умереть,
Помянут вас словом сердечным:
Пленителен образ отважной жены,
Явившей душевную силу
И в снежных пустынях суровой страны
Сокрывшейся рано в могилу!

Умрете, но ваших страданий рассказ
Поймется живыми сердцами,
И заполночь правнуки ваши о вас
Беседы не кончат с друзьями.
Они им покажут, вздохнув от души,
Черты незабвенные ваши,
И в память прабабки, погибшей в глуши,
Осушатся полные чаши!..
Пускай долговечнее мрамор могил,
Чем крест деревянный в пустыне,
Но мир Долгорукой еще не забыл,
А Бирона нет и в помине.

Но что я?.. Дай бог вам здоровья и сил!
А там и увидеться можно:
Мне царь «Пугачева» писать поручил,
Пугач меня мучит безбожно,
Расправиться с ним я на славу хочу,
Мне быть на Урале придется.
Поеду весной, поскорей захвачу,
Что путного там соберется,
Да к вам и махну, переехав Урал...»
Поэт написал «Пугачева»,
Но в дальние наши снега не попал.
Как мог он сдержать это слово?..

Я слушала музыку, грусти полна,
Я пению жадно внимала;
Сама я не пела,— была я больна,
Я только других умоляла:
«Подумайте: я уезжаю с зарей...
О, пойте же, пойте! играйте!..
Ни музыки я не услышу такой,
Ни песни... Наслушаться дайте!..»

И чудные звуки лились без конца!
Торжественной песней прощальной
Окончился вечер,— не помню лица
Без грусти, без думы печальной!
Черты неподвижных, суровых старух
Утратили холод надменный,
И взор, что, казалось, навеки потух,
Светился слезой умиленной...
Артисты старались себя превзойти,
Не знаю я песни прелестней
Той песни-молитвы о добром пути,
Той благословляющей песни...
О, как вдохновенно играли они!
Как пели!.. и плакали сами...
И каждый сказал мне: «Господь вас храни!» —
Прощаясь со мной со слезами...

Глава 5

Морозно. Дорога бела и гладка,
Ни тучи на всем небосклоне...
Обмерзли усы, борода ямщика,
Дрожит он в своем балахоне.
Спина его, плечи и шапка в снегу,
Хрипит он, коней понукая,
И кашляют кони его на бегу,
Глубоко и трудно вздыхая...

Обычные виды: былая краса
Пустынного русского края,
Угрюмо шумят строевые леса,
Гигантские тени бросая;
Равнины покрыты алмазным ковром,
Деревни в снегу потонули,
Мелькнул на пригорке помещичий дом,
Церковные главы блеснули...

Обычные встречи: обоз без конца,
Толпа богомолок старушек,
Гремящая почта, фигура купца
На груде перин и подушек;
Казенная фура! с десяток подвод:
Навалены ружья и ранцы.
Солдатики! Жидкий, безусый народ,
Должно быть, еще новобранцы;
Сынков провожают отцы-мужики
Да матери, сестры и жены.
«Уводят, уводят сердечных в полки!» —
Доносятся горькие стоны...

Подняв кулаки над спиной ямщика,
Неистово мчится фельдъегерь.
На самой дороге догнав русака,
Усатый помещичий егерь
Махнул через ров на проворном коне,
Добычу у псов отбивает.
Со всей своей свитой стоит в стороне
Помещик — борзых подзывает...

Обычные сцены: на станциях ад —
Ругаются, спорят, толкутся.
«Ну, трогай!» Из окон ребята глядят,
Попы у харчевни дерутся;
У кузницы бьется лошадка в станке,
Выходит весь сажей покрытый
Кузнец с раскаленной подковой в руке:
«Эй, парень, держи ей копыты!..»

В Казани я сделала первый привал,
На жестком диване уснула;
Из окон гостиницы видела бал
И, каюсь, глубоко вздохнула!
Я вспомнила: час или два с небольшим
Осталось до Нового года.
«Счастливые люди! как весело им!
У них и покой, и свобода,
Танцуют, смеются!.. а мне не знавать
Веселья... я еду на муки!..»
Не надо бы мыслей таких допускать,
Да молодость, молодость, внуки!

Здесь снова пугали меня Трубецкой,
Что будто ее воротили:
«Но я не боюсь — позволенье со мной!»
Часы уже десять пробили.
Пора! я оделась. «Готов ли ямщик?»
— «Княгиня, вам лучше дождаться
Рассвета,— заметил смотритель-старик.—
Метель начала подыматься!»
— «Ах! то ли придется еще испытать!
Поеду. Скорей, ради бога!..»

Звенит колокольчик, ни зги не видать,
Что дальше, то хуже дорога,
Поталкивать начало сильно в бока,
Какими-то едем грядами,
Не вижу я даже спины ямщика:
Бугор намело между нами.
Чуть-чуть не упала кибитка моя,
Шарахнулась тройка и стала.

Ямщик мой заохал: «Докладывал я:
Пождать бы! дорога пропала!..»

Послала дорогу искать ямщика,
Кибитку рогожей закрыла,
Подумала: верно, уж полночь близка,
Пружинку часов подавила:
Двенадцать ударило! Кончился год,
И новый успел народиться!
Откинув циновку, гляжу я вперед —
По-прежнему вьюга крутится.
Какое ей дело до наших скорбей,
До нашего нового года?
И я равнодушна к тревоге твоей
И к стонам твоим, непогода!
Своя у меня роковая тоска,
И с ней я борюсь одиноко...

Поздравила я моего ямщика.
«Зимовка тут есть недалеко,—
Сказал он,— рассвета дождемся мы в ней!»
Подъехали мы, разбудили
Каких-то убогих лесных сторожей,
Их дымную печь затопили.
Рассказывал ужасы житель лесной,
Да я его сказки забыла...
Согрелись мы чаем. Пора на покой!
Метель всё ужаснее выла.
Лесник покрестился, ночник погасил
И с помощью пасынка Феди
Огромных два камня к дверям привалил.
«Зачем?» — «Одолели медведи!»

Потом он улегся на голом полу,
Всё скоро уснуло в сторожке,
Я думала, думала... лежа в углу
На мерзлой и жесткой рогожке...
Сначала веселые были мечты:
Я вспомнила праздники наши,
Огнями горящую залу, цветы,
Подарки, заздравные чаши,

И шумные речи, и ласки... кругом
Всё милое, всё дорогое —
Но где же Сергей?.. И подумав о нем,
Забыла я всё остальное!

Я живо вскочила, как только ямщик
Продрогший в окно постучался.
Чуть свет на дорогу нас вывел лесник,
Но деньги принять отказался.
«Не надо, родная! Бог вас защити,
Дороги-то дальше опасны!»
Крепчали морозы по мере пути
И сделались скоро ужасны.
Совсем я закрыла кибитку мою —
И темно, и страшная скука,
Что делать? Стихи вспоминаю, пою,
Когда-нибудь кончится мука!
Пусть сердце рыдает, пусть ветер ревет
И путь мой заносят метели,
А все-таки я подвигаюсь вперед!
Так ехала я три недели...

Однажды, заслышав какой-то содом,
Циновку мою я открыла,
Взглянула: мы едем обширным селом,
Мне сразу глаза ослепило:
Пылали костры по дороге моей...
Тут были крестьяне, крестьянки,
Солдаты и — целый табун лошадей...
«Здесь станция: ждут серебрянки [1],—
Сказал мой ямщик.— Мы увидим ее,
Она, чай, идет недалече...»

Сибирь высылала богатство свое,
Я рада была этой встрече:
«Дождусь серебрянки! Авось что-нибудь
О муже, о наших узнаю.
При ней офицер, из Нерчинска их путь...»
В харчевне сижу, поджидаю...

[1] Обоз с серебром.

Вошел молодой офицер; он курил,
Он мне не кивнул головою,
Он как-то надменно глядел и ходил,
И вот я сказала с тоскою:
«Вы видели, верно... известны ли вам
Те... жертвы декабрьского дела...
Здоровы они? Каково-то им там?
О муже я знать бы хотела...»
Нахально ко мне повернул он лицо —
Черты были злы и суровы —
И, выпустив изо рта дыму кольцо,
Сказал: «Несомненно здоровы,
Но я их не знаю — и знать не хочу,
Я мало ли каторжных видел!..»
Как больно мне было, родные! Молчу...
Несчастный! меня же обидел!..
Я бросила только презрительный взгляд,
С достоинством юноша вышел...
У печки тут грелся какой-то солдат,
Проклятье мое он услышал
И доброе слово — не варварский смех —
Нашел в своем сердце солдатском:
«Здоровы! — сказал он,— я видел их всех,
Живут в руднике Благодатском!..»
Но тут возвратился надменный герой,
Поспешно ушла я в кибитку.
«Спасибо, солдатик! спасибо, родной!
Недаром я вынесла пытку!»

Поутру на белые степи гляжу,
Послышался звон колокольный,
Тихонько в убогую церковь вхожу,
Смешалась с толпой богомольной.
Отслушав обедню, к попу подошла,
Молебен служить попросила...
Всё было спокойно — толпа не ушла...
Совсем меня горе сломило!
За что мы обижены столько, Христос?
За что поруганьем покрыты?
И реки давно накопившихся слез
Упали на жесткие плиты!

Казалось, народ мою грусть разделял,
Молясь молчаливо и строго,
И голос священника скорбью звучал,
Прося об изгнанниках бога...
Убогий, в пустыне затерянный храм!
В нем плакать мне было не стыдно,
Участье страдальцев, молящихся там,
Убитой душе необидно...

(Отец Иоанн, что молебен служил
И так непритворно молился,
Потом в каземате священником был
И с нами душой породнился.)

А ночью ямщик не сдержал лошадей,
Гора была страшно крутая,
И я полетела с кибиткой моей
С высокой вершины Алтая!

В Иркутске проделали то же со мной,
Чем там Трубецкую терзали...
Байкал. Переправа — и холод такой,
Что слезы в глазах замерзали.
Потом я рассталась с кибиткой моей
(Пропала саннáя дорога).
Мне жаль ее было: я плакала в ней
И думала, думала много!

Дорога без снегу — в телеге! Сперва
Телега меня занимала,
Но вскоре потом, ни жива, ни мертва,
Я прелесть телеги узнала.
Узнала и голод на этом пути.
К несчастию, мне не сказали,
Что тут ничего невозможно найти,
Тут почту бурята держали.
Говядину вялят на солнце они
Да греются чаем кирпичным,
И тот еще с салом! Господь сохрани
Попробовать вам, непривычным!
Зато под Нерчинском мне задали бал:
Какой-то купец тороватый

В Иркутске заметил меня, обогнал
И в честь мою праздник богатый
Устроил... Спасибо! я рада была
И вкусным пельменям, и бане...
А праздник как мертвая весь проспала
В гостиной его на диване...

Не знала я, что впереди меня ждет!
Я утром в Нерчинск прискакала,
Не верю глазам,— Трубецкая идет!
«Догнала тебя я, догнала!»
— *«Они в Благодатске!»*—Я бросилась к ней,
Счастливые слезы роняя...
В двенадцати только верстах мой Сергей,
И Катя со мной Трубецкая!

Глава 6

Кто знал одиночество в дальнем пути,
Чьи спутники — горе да вьюга,
Кому провиденьем дано обрести
В пустыне негаданно друга,
Тот нашу взаимную радость поймет...
«Устала, устала я, Маша!»
— «Не плачь, моя бедная Катя! Спасет
Нас дружба и молодость наша!
Нас жребий один неразрывно связал,
Судьба нас равно обманула,
И тот же поток твое счастье умчал,
В котором мое потонуло.
Пойдем же мы об руку трудным путем,
Как шли зеленеющим лугом,
И обе достойно свой крест понесем,
И будем мы сильны друг другом.
Что мы потеряли? подумай, сестра!
Игрушки тщеславья... Не много!
Теперь перед нами дорога добра,
Дорога избранников бога!
Найдем мы униженных, скорбных мужей,
Но будем мы им утешеньем,
Мы кротостью нашей смягчим палачей,
Страданье осилим терпеньем.

Опорою гибнущим, слабым, больным
Мы будем в тюрьме ненавистной,
И рук не положим, пока не свершим
Обета любви бескорыстной!..
Чиста наша жертва,— мы всё отдаем
Избранникам нашим и богу.
И верю я: мы невредимо пройдем
Всю трудную нашу дорогу...»

Природа устала с собой воевать —
День ясный, морозный и тихий.
Снега под Нерчинском явились опять,
В санях покатили мы лихо...
О ссыльных рассказывал русский ямщик
(Он знал их фамилии даже):
«На этих конях я возил их в рудник,
Да только в другом экипаже.
Должно быть, дорога легка им была:
Шутили, смешили друг дружку;
На завтрак ватрушку мне мать испекла,
Так я подарил им ватрушку,
Двугривенный дали — я брать не хотел:
— „Возьми, паренек, пригодится..."»

Болтая, он живо в село прилетел.
«Ну, барыни! где становиться?»
— «Вези нас к начальнику прямо в острог».
— «Эй, други, не дайте в обиду!»

Начальник был тучен и, кажется, строг,
Спросил, по какому мы виду?
«В Иркутске читали инструкцию нам
И выслать в Нерчинск обещали...»
— «Застряла, застряла, голубушка, там!»
— «Вот копия, нам ее дали...»
— «Что копия? с ней попадешься впросак!»
— «Вот царское вам позволенье!»
Не знал по-французски упрямый чудак,
Не верил нам,— смех и мученье!
«Вы видите подпись царя: Николай?»
До подписи нет ему дела,

Ему из Нерчинска бумагу подай!
Поехать за ней я хотела,
Но он объявил, что отправится сам
И к утру бумагу добудет.
«Да точно ли?..» — «Честное слово! А вам
Полезнее выспаться будет!..»

И мы добрались до какой-то избы,
О завтрашнем утре мечтая;
С оконцем из слюды, низка, без трубы,
Была наша хата такая,
Что я головою касалась стены,
А в дверь упиралась ногами;
Но мелочи эти нам были смешны,
Не то уж случалося с нами.
Мы вместе! теперь бы легко я снесла
И самые трудные муки...

Проснулась я рано, а Катя спала,
Пошла по деревне от скуки:
Избушки такие ж, как наша, числом
До сотни, в овраге торчали,
А вот и кирпичный с решетками дом!
При нем часовые стояли.
«Не здесь ли преступники?» — «Здесь,
да ушли».
— «Куда?» — «На работу вестимо!»
Какие-то дети меня повели...
Бежали мы все — нестерпимо
Хотелось мне мужа увидеть скорей;
Он близко! Он шел тут недавно!
«Вы видите их?» — я спросила детей.
«Да, видим! Поют они славно!
Вон дверца... гляди же! Пойдем мы теперь,
Прощай!..» Убежали ребята...

И словно под землю ведущую дверь
Увидела я — и солдата.
Сурово смотрел часовой,— наголо
В руке его сабля сверкала.
Не золото, внуки, и здесь помогло,
Хоть золото я предлагала!

Быть может, вам хочется дальше читать,
Да просится слово из груди!
Помедлим немного. Хочу я сказать
Спасибо вам, русские люди!
В дороге, в изгнаньи, где я ни была,
Всё трудное каторги время,
Народ! я бодрее с тобою несла
Мое непосильное бремя.
Пусть много скорбей тебе пало на часть,
Ты делишь чужие печали,
И где мои слезы готовы упасть,
Твои уж давно там упали!..
Ты любишь несчастного, русский народ!
Страдания нас породнили...
«Вас в каторге самый закон не спасет!» —
На родине мне говорили;
Но добрых людей я встречала и там,
На крайней ступени паденья,
Умели по-своему выразить нам
Преступники дань уваженья;
Меня с неразлучною Катей моей
Довольной улыбкой встречали:
«Вы — ангелы наши!» За наших мужей
Уроки они исполняли.
Не раз мне украдкой давал из полы
Картофель колодник клейменый:
«Покушай! горячий, сейчас из золы!»
Хорош был картофель печеный,
Но грудь и теперь заныват с тоски,
Когда я о нем вспоминаю...
Примите мой низкий поклон, бедняки!
Спасибо вам всем посылаю!
Спасибо!.. Считали свой труд ни во что
Для нас эти люди простые,
Но горечи в чашу не подлил никто,
Никто — из народа, родные!..

Рыданьям моим часовой уступил,
Как бога его я просила!
Светильник (род факела) он засветил,
В какой-то подвал я вступила

И долго спускалась всё ниже; потом
Пошла я глухим коридором,
Уступами шел он; темно было в нем
И душно; где плесень узором
Лежала; где тихо струилась вода
И лужами книзу стекала.
Я слышала шорох; земля иногда
Комками со стен упадала;
Я видела страшные ямы в стенах;
Казалось, такие ж дороги
От них начинались. Забыла я страх,
Проворно несли меня ноги!

И вдруг я услышала крики: «Куда,
Куда вы? Убиться хотите?
Ходить не позволено дамам туда!
Вернитесь скорей! Погодите!»
Беда моя! видно, дежурный пришел
(Его часовой так боялся),
Кричал он так грозно, так голос был зол,
Шум скорых шагов приближался...
Что делать? Я факел задула. Вперед
Впотьмах наугад побежала...
Господь, коли хочет, везде проведет!
Не знаю, как я не упала,
Как голову я не оставила там!
Судьба берегла меня. Мимо
Ужасных расселин, провалов и ям
Бог вывел меня невредимо:
Я скоро увидела свет впереди,
Там звездочка словно светилась...
И вылетел радостный крик из груди:
«Огонь!» Я крестом осенилась...
Я сбросила шубу... Бегу на огонь,
Как бог уберег во мне душу!
Попавший в трясину испуганный конь
Так рвется, завидевши сушу...

И стало, родные, светлей и светлей!
Увидела я возвышенье:
Какая-то площадь... и тени на ней...
Чу... молот! работа, движенье...

Там люди! Увидят ли только они?
Фигуры отчетливей стали...
Вот ближе, сильней замелькали огни.
Должно быть, меня увидали...
И кто-то стоявший на самом краю
Воскликнул: «Не ангел ли божий?
Смотрите, смотрите!» — «Ведь мы не в раю:
Проклятая шахта похожей
На ад!» — говорили другие, смеясь,
И быстро на край выбегали,
И я приближалась поспешно. Дивясь,
Недвижно они ожидали.

«Волконская!» — вдруг закричал Трубецкой
(Узнала я голос). Спустили
Мне лестницу; я поднялася стрелой!
Всё люди знакомые были:
Сергей Трубецкой, Артамон Муравьев,
Борисовы, князь Оболенский...
Потоком сердечных, восторженных слов,
Похвал моей дерзости женской
Была я осыпана; слезы текли
По лицам их, полным участья...
Но где же Сергей мой? «За ним уж пошли,
Не умер бы только от счастья!
Кончает урок: по три пуда руды
Мы в день достаем для России,
Как видите, нас не убили труды!»
Веселые были такие,
Шутили, но я под веселостью их
Печальную повесть читала
(Мне новостью были оковы на них,
Что их закуют — я не знала)...
Известьем о Кате, о милой жене,
Утешила я Трубецкого;
Все письма, по счастию, были при мне,
С приветом из края родного
Спешила я их передать. Между тем,
Внизу офицер горячился:
«Кто лестницу принял? Куда и зачем
Смотритель работ отлучился?

Сударыня! Вспомните слово мое,
Убьетесь!.. Эй, лестницу, черти!
Живей!..» (Но никто не подставил ее...)
«Убьетесь, убьетесь до смерти!
Извольте спуститься! да что ж вы?..» Но мы
Всё вглубь уходили... Отвсюду
Бежали к нам мрачные дети тюрьмы,
Дивясь небывалому чуду.
Они пролагали мне путь впереди,
Носилки свои предлагали...

Орудья подземных работ на пути,
Провалы, бугры мы встречали.
Работа кипела под звуки оков,
Под песни,— работа над бездной!
Стучались в упругую грудь рудников
И заступ и молот железный.
Там с ношею узник шагал по бревну,
Невольно кричала я: «Тише!»
Там новую мину вели в глубину,
Там люди карабкались выше
По шатким подпоркам... Какие труды!
Какая отвага!.. Сверкали
Местами добытые глыбы руды
И щедрую дань обещали...

Вдруг кто-то воскликнул: «Идет он! идет!»
Окинув пространство глазами,
Я чуть не упала, рванувшись вперед,—
Канава была перед нами.
«Потише, потише! Ужели затем
Вы тысячи верст пролетели,—
Сказал Трубецкой,— чтоб на горе нам всем
В канаве погибнуть — у цели?»
И за руку крепко меня он держал:
«Что б было, когда б вы упали?»
Сергей торопился, но тихо шагал.
Оковы уныло звучали.
Да, цепи! Палач не забыл никого
(О, мстительный трус и мучитель!),—
Но кроток он был, как избравший его
Орудьем своим искупитель.

Пред ним расступались, молчанье храня,
Рабочие люди и стража...
И вот он увидел, увидел меня!
И руки простер ко мне: «Маша!»
И стал, обессиленный словно, вдали.
Два ссыльных его поддержали.
По бледным щекам его слезы текли,
Простертые руки дрожали...

Душе моей милого голоса звук
Мгновенно послал обновленье,
Отраду, надежду, забвение мук,
Отцовской угрозы забвенье!
И с криком «иду!» я бежала бегом,
Рванув неожиданно руку,
По узкой доске над зияющим рвом
Навстречу призывному звуку...
«Иду!..» Посылало мне ласку свою
Улыбкой лицо испитое...
И я побежала... И душу мою
Наполнило чувство святое.
Я только теперь, в руднике роковом,
Услышав ужасные звуки,
Увидев оковы на муже моем,
Вполне поняла его муки,
И силу его... и готовность страдать!
Невольно пред ним я склонила
Колени,— и прежде чем мужа обнять,
Оковы к губам приложила!..

И тихого ангела бог ниспослал
В подземные копи,— в мгновенье
И говор, и грохот работ замолчал,
И замерло словно движенье,
Чужие, свои — со слезами в глазах,
Взволнованны, бледны, суровы,
Стояли кругом. На недвижных ногах
Не издали звука оковы,
И в воздухе поднятый молот застыл...
Всё тихо — ни песни, ни речи...
Казалось, что каждый здесь с нами делил
И горечь, и счастие встречи!

Святая, святая была тишина!
Какой-то высокой печали,
Какой-то торжественной думы полна.

«Да где же вы все запропали?» —
Вдруг снизу донесся неистовый крик.
Смотритель работ появился.
«Уйдите!— сказал со слезами старик.—
Нарочно я, барыня, скрылся,
Теперь уходите. Пора! Забранят!
Начальники люди крутые...»
И словно из рая спустилась я в ад...
И только... и только, родные!
По-русски меня офицер обругал
Внизу, ожидавший в тревоге,
А сверху мне муж по-французски сказал:
«Увидимся, Маша,— в остроге!..»

ПРИМЕЧАНИЯ К ПОЭМЕ «Кн. М. Н. ВОЛКОНСКАЯ»

[1] См. «Деяния российских полководцев и генералов, ознаменовавших себя в достопамятную войну с Францией, в 1812—1815 годах». С.-Петербург. 1822 года. Часть 3, стр. 30—64. Биография генерала от кавалерии Николая Николаевича Раевского.

[2] См. соч. Жуковского, изд. 1849 года, том I, «Певец во стане русских воинов», стр. 280:

Раевский, слава наших дней,
Хвала! перед рядами
Он первый — грудь против мечей
С отважными сынами...

Факт, о котором здесь упоминается, в «Деяниях» рассказан следующим образом, часть 3, стр. 52.:

«В сражении при Дашкове, когда храбрые Россияне, от чрезвычайного превосходства в силах и ужасного действия артиллерии неприятеля, несколько поколебались, генерал Раевский, зная, сколько личный пример начальника одушевляет подчиненных ему воинов, *взяв за руки двух своих сыновей, не достигших еще двадцатилетнего возраста, бросился с ними вперед на одну неприятельскую батарею,* упорствовавшую еще покориться мужеству героев, вскричал: *«Вперед, ребята, за царя и отечество! я и дети мои, коих приношу в жертву, откроем вам путь!..»* и что могло после сего противостоять усилиям и рвению предводимых таким начальником войск! Батарея была тотчас взята».

Этот факт рассказан и у Михайловского-Данилевского (т. I, стр. 329, изд. 1839 года), с тою разницею, что, по рассказу Данилевского, дело происходило не под *Дашковой*, а при *Салта-*

новке, и при этом случае упомянут подвиг шестнадцатилетнего юнкера, ровесника с Раевским, несшего впереди полка знамя, при переходе через греблю, под убийственным огнем, и когда младший из Раевских (Николай Николаевич) просил у него знамя, под предлогом, что тот устал: «Дайте мне нести знамя», юнкер, не отдавая оного, отвечал: «Я сам умею умирать!». Подлинность всего этого подтверждает и генерал Липранди, заметка которого (из дневника и воспоминаний И. П. Липранди) помещена в «Архиве» г. Бартенева (1866 года, стр. 1214).

[3] Наша поэма была уже написана, когда мы вспомнили, что генерал Раевский и по возвращении из похода, окончившегося взятием Парижа, продолжал служить. Мы не сочли нужным изменить нашего текста, так как это обстоятельство чисто внешнее; притом Раевский, командовавший корпусом, расположенным близ Киева, под старость, действительно, часто живал в деревне, где, по свидетельству Пушкина, который хорошо знал Н. Н. Раевского и был другом с его сыновьями, занимался, между прочим, домашнею медициной и садоводством. Приводим, кстати, свидетельство Пушкина о Раевском в одном из писем брату:

«Мой друг, счастливейшие минуты в жизни моей провел я посреди семейства почтенного Раевского. Я в нем любил человека с ясным умом, с простой, прекрасной душой; снисходительного, попечительного друга, всегда милого, ласкового хозяина. Свидетель екатерининского века, памятник 12-го года, человек без предрассудков, с сильным характером и чувствительный, он невольно привяжет к себе всякого, кто только достоин понимать и ценить его высокие качества».

[4] Зинаида Волконская, урожденная кн. Белосельская, была родственницей нашей героине по мужу.

[5] Quatre Nouvelles. Par M-me La Princesse Zénéide Wolkonsky, née P-sse Béloselsky. Moscou, dans l'imprimerie d'Auguste Semen. 1819.

[6] См. стихотворения Д. В. Веневитинова, изд. А. Пятковского. СПб., 1862 (Элегия, стр. 96):

«На цвет небес ты долго нагляделась
И цвет небес в очах нам принесла».

Пушкин также посвятил З. В<олконс>кой стихотворение (1827 год), начинающееся стихом:

«Царица муз и красоты»
и пр.

[7] Юрзуф, очаровательный уголок южного берега Крыма, лежит на восточной оконечности южного берега, на пути между Яйлою и Ялтою. Заметим здесь, что во всем нашем рассказе о пребывании Пушкина у Раевских в Юрзуфе не вымышлено нами ни одного слова. Анекдот о шалости Пушкина по поводу переводов Елены Николаевны Раевской рассказан в статье г. Бартенева: «Пушкин в Южной России» («Русский архив» 1866 года, стр. 1115). О друге своем кипарисе упоминает сам Пушкин в известном письме к Дельвигу: «В двух шагах от дома рос кипарис; каждое утро я посещал его и привязался к нему чувством,

похожим на дружество». Легенда, связавшаяся впоследствии с этим другом Пушкина, рассказана в «Крымских письмах» Евгении Тур («С.-Петербургские ведомости» 1854 года, письмо 5-е) и повторена в упомянутой выше статье г. Бартенева.

[8] Я помню море пред грозою,
Как я завидовал волнам,
Бежавшим бурной чередою
С любовью лечь к ее ногам,
и проч.

(«Онегин» Пушкина)

Лето 1872

УТРО

Ты грустна, ты страдаешь душою:
Верю — здесь не страдать мудрено.
С окружающей нас нищетою
Здесь природа сама заодно.

Бесконечно унылы и жалки
Эти пастбища, нивы, луга,
Эти мокрые, сонные галки,
Что сидят на вершине стога;

Эта кляча с крестьянином пьяным,
Через силу бегущая вскачь
В даль, сокрытую синим туманом,
Это мутное небо... Хоть плачь!

Но не краше и город богатый:
Те же тучи по небу бегут;
Жутко нервам — железной лопатой
Там теперь мостовую скребут.

Начинается всюду работа;
Возвестили пожар с каланчи;
На позорную площадь кого-то
Повезли — там уж ждут палачи.

Проститутка домой на рассвете
Поспешает, покинув постель;
Офицеры в наемной карете
Скачут за город: будет дуэль.

Торгаши просыпаются дружно
И спешат за прилавки засесть:
Целый день им обмеривать нужно,
Чтобы вечером сытно поесть.

Чу! из крепости грянули пушки!
Наводненье столице грозит...
Кто-то умер: на красной подушке
Первой степени Анна лежит.

Дворник вора колотит — попался!
Гонят стадо гусей на убой;
Где-то в верхнем эта́же раздался
Выстрел — кто-то покончил собой...

1872 или 1873

ДЕТСТВО

(НЕОКОНЧЕННЫЕ ЗАПИСКИ)

1

В первые годы младенчества
Помню я церковь убогую,
Стены ее деревянные,
Крышу неровную, серую,
Мохом зеленым поросшую.
Помню я горе отцовское:
Толки его с прихожанами,
Что угрожает обрушиться
Старое, ветхое здание.
Часто они совещалися,
Как обновить отслужившую
Бедную церковь приходскую;
Поговорив, расходилися,
Храм окружали подпорками,
И продолжалось служение.
В ветхую церковь бестрепетно
В праздники шли православные,—
Шли старики престарелые,

Шли малолетки беспечные,
Бабы с грудными младенцами.
В ней причащались, венчалися,
В ней отпевали покойников...

Синее небо виднелося
В трещины старого купола,
Дождь иногда в эти трещины
Падал: по лицам молящихся
И по иконам угодников
Крупные капли струилися.
Ими случайно омытые,
Обыкновенно чуть видные,
Темные лики святителей
Вдруг выступали... Боялась я,—
Словно в семью нашу мирную
Люди вошли незнакомые
С мрачными, строгими лицами...

То растворялось нечаянно
Ветром окошко непрочное,
И в заунывно-печальное
Пение гимна церковного
Звонкая песня врывалася,
Полная горя житейского,—
Песня сурового пахаря!..

Помню я службу последнюю:
Гром загремел неожиданно,
Всё сотрясенное здание
Долго дрожало, готовое
Рухнуть: лампады горящие,
Паникадилы качалися,
С звоном упали тяжелые
Ризы с иконы Спасителя,
И растворилась безвременно
Дверь алтаря. Православные
В ужасе ниц преклонилися —
Божьего ждали решения!..

2

Ближе к дороге красивая,
Новая церковь кирпичная
Гордо теперь возвышается
И заслоняет развалины
Старой. Из ветхого здания
Взяли убранство убогое,
Вынесли утварь церковную,
Но до остатков строения
Руки мирян не коснулися.
Словно больной, от которого
Врач отказался, оставлено
Времени старое здание.
Ласточки там поселилися —
То вылетали оттудова,
То возвращались стремительно,
Громко приветствуя птенчиков
Звонким своим щебетанием...

В землю врастая медлительно,
Эти остатки убогие
Преобразились в развалины
Странные, чудно красивые.
Дверь завалилась, обрушился
Купол; оторваны бурею,
Ветхие рамы попадали;
Травами густо проросшие,
В зелени стены терялися,
И простирали в раскрытые
Окна — березы соседние
Ветви свои многолистые...

Их семена, занесенные
Ветром на крышу неровную,
Дали отростки: любила я
Эту березку кудрявую,
Что возвышалась там, стройная,
С бледно-зелеными листьями,
Точно вчера только ставшая
На ноги резвая девочка,
Что уж сегодня вскарабкалась

На высоту,— и бестрепетно
Смотрит оттуда, с смеющимся,
Смелым и ласковым личиком...

Птицы носились там стаями,
Там стрекотали кузнечики,
Да деревенские мальчики
И русокудрые девочки
Живмя там жили: по тропочкам
Между высокими травами
Бегали, звонко аукались,
Пели веселые песенки.
Там мое детство беспечное
Мирно летело... Играла я,
Помню, однажды с подругами
И набежала нечаянно
На полусгнившее дерево.
Пылью обдав меня, дерево
Вдруг подо мною рассыпалось:
Я провалилась в развалины,
Внутрь запустелого здания,
Где не бывала со времени
Службы последней...

Объятая
Трепетом, я огляделася:
Гнездышек ряд под карнизами,
Ласточки смотрят из гнездышек,
Словно кивают головками,
А по стенам молчаливые,
Строгие лица угодников...
Перекрестилась невольно я,—
Жутко мне было! дрожала я,
А уходить не хотелося.
Чудилось мне: наполняется
Церковь опять прихожанами;
Голос отца престарелого,
Пение гимнов божественных,
Вздохи и шепот молитвенный
Слышались мне,— простояла бы
Долго я тут неподвижная,

Если бы вдруг не услышала
Криков: «Параша! да где же ты?..»
Я отозвалась; нахлынули
Дети гурьбой,— и наполнились
Звуками жизни развалины,
Где столько лет уж не слышались
Голос и шаг человеческий...

19 марта 1873

СТИХОТВОРЕНИЯ, ПОСВЯЩЕННЫЕ РУССКИМ ДЕТЯМ

1

ДЯДЮШКА ЯКОВ

Дом — не тележка у дядюшки Якова.
Господи боже! чего-то в ней нет!
Седенький сам, а лошадка каракова;
Вместе обоим сто лет.
Ездит старик, продает понемногу,
Рады ему, да и он-то того:
Выпито вечно и сыт, слава богу.
Пусто в деревне, ему ничего,
Знает, где люди: и ку́плю, и мену
На полосах поведет старина;
Дай ему свеклы, картофельку, хрену,
Он тебе всё, что полюбится,— на!
Бог, видно, дал ему добрую душу.
Ездит — кричит то и знай:

«По грушу! по грушу!
Купи, сменяй!»

«У дядюшки у Якова
Сбоина макова
Больно лакома —
На грош два кома!
Девкам утехи —
Рожки, орехи!

Эй! малолетки!
Пряники редки,
Всякие штуки:
Окуни, щуки,
Киты, лошадки!
Посмотришь — любы,
Раскусишь — сладки,
Оближешь губы!..»

«Стой, старина!» Старика обступили
Парней, и девок, и детушек тьма.
Все наменяли сластей, накупили —
То-то была суета, кутерьма!
Смех на какого-то Кузю печального:
Держит коня перед носом сусального;
Конь — загляденье, и лаком кусок...
Где тебе вытерпеть? Ешь, паренек!
Жалко девочку сиротку Феклушу:
Все-то жуют, а ты слюнки глотай...

«По грушу! по грушу!
Купи, сменяй»

«У дядюшки у Якова
Про баб товару всякого.
Ситцу хорошего —
Нарядно, дешево!
Эй! молодицы!
Красны девицы,
Тетушки, сестры!
Платочки пестры,
Булавки востры,
Иглы не ломки,
Шнурки, тесемки!
Духи, помада,
Всё — чего надо!..»

Зубы у девок, у баб разгорелись.
Лен, и полотна, и пряжу несут.
«Стойте, не вдруг! белены вы объелись?
Тише! поспеете!..» Та́к вот и рвут!

Зорок торгаш, а то просто беда бы!
Затормошили старинушку бабы,
Клянчат, ласкаются, только держись:
«Цвет ты наш маков,
Дядюшка Яков,
Не дорожись!»
— «Меньше нельзя, разрази мою душу!
Хочешь бери, а не хочешь — прощай!»

«По грушу! по грушу!
Купи, сменяй!»

«У дядюшки у Якова
Хватит про всякого.
Новы коврижки,
Гляди-ко: книжки!
Мальчик-сударик,
Купи букварик!
Отцы почтенны!
Книжки неценны;
По гривне штука —
Деткам наука!
Для ребятишек,
Тимошек, Гришек,
Гаврюшек, Ванек...
Букварь не пряник,
А почитай-ка,
Язык прикусишь...
Букварь не сайка,
А как раскусишь,
Слаще ореха!
Пяток — полтина,
Глянь — и картина!
Ей-ей утеха!
Умен с ним будешь,
Денег добудешь...
По букварм!
По буквари!
Хватай — бери!
Читай — смотри!»

И букварей таки много купили —
«Будет вам пряников: нате-ка вам!»
Пряники, правда, послаще бы были,
Да рассудилось уж так старикам.
Книжки с картинками, писаны четко —
То-то дойти бы, что писано тут!
Молча крепилась Феклуша-сиротка,
Глядя, как пряники дети жуют,
А как увидела в книжках картинки,
Так на глаза навернулись слезинки.
Сжалился, дал ей букварь старина:
«Коли бедна ты, так будь ты умна!»
Экой старик! видно добрую душу!
Будь же ты счастлив! Торгуй, наживай!

«По грушу! по грушу!
Купи, сменяй!»

1867

2

ПЧЕЛЫ

«Натко медку! с караваем покушай,
Притчу про пчелок послушай!

Нынче не в меру вода разлилась,
Думали, просто идет наводнение,
Только и сухо, что наше селение
По огороды, где ульи у нас.
Пчелка осталась водой окруженная,
Видит и лес, и луга вдалеке,
Ну и летит,— ничего налегке,
А как назад полетит нагруженная,
Сил не хватает у милой. Беда!
Пчелами вся запестрела вода,
Тонут работницы, тонут сердечные!
Горю помочь мы не чаяли, грешные,
Не догадаться самим бы вовек!
Да нанесло человека хорошего,
Под благовещенье помнишь прохожего?
Он надоумил, христов человек!

Слушай, сынок, как мы пчелок избавили:
Я при прохожем тужил-тосковал;
«Вы бы им до суши вехи поставили»,—
    Это он слово сказал!

Веришь: чуть первую веху зеленую
На воду вывезли, стали втыкать,
Поняли пчелки сноровку мудреную:
Так и валят — валят отдыхать!
Как богомолки у церкви на лавочке,
Сели — сидят.

            На бугре-то ни травочки,
Ну, а в лесу и в полях благодать:
Пчелкам не страшно туда залетать.
Всё от единого слова хорошего!
Кушай на здравие, будем с медком.
    Благослови бог прохожего!»

Кончил мужик, осенился крестом;
Мед с караваем парнишка докушал,
Тятину притчу тем часом прослушал
И за прохожего низкий поклон
Господу богу отвесил и он.

15 марта 1867

3

ГЕНЕРАЛ ТОПТЫГИН

Дело под вечер, зимой,
    И морозец знатный.
По дороге столбовой
Едет парень молодой,
    Мужичок обратный;
Не спешит, трусит слегка;
    Лошади не слабы,
Да дорога не гладка —
    Рытвины, ухабы.

Нагоняет ямщичок
Вожака с медведем:
«Посади нас, паренек,
Веселей доедем!»
— «Что ты? с мишкой» — «Ничего!
Он у нас смиренный,
Лишний шкалик за него
Поднесу, почтенный!»
— «Ну садитесь!» — Посадил
Бородач медведя,
Сел и сам — и потрусил
Полегоньку Федя...
Видит Трифон кабачок,
Приглашает Федю.
«Подожди ты нас часок!» —
Говорит медведю.
И пошли. Медведь смирен,
Видно, стар годами,
Только лапу лижет он
Да звенит цепями...

Час проходит; нет ребят,
То-то выпьют лихо!
Но привычные стоят
Лошаденки тихо.

Свечерело. Дрожь в конях,
Стужа злее на ночь;
Заворочался в санях
Михайло Иваныч,
Кони дернули; стряслась
Тут беда большая —
Рявкнул мишка! — понеслась
Тройка как шальная!

Колокольчик услыхал,
Выбежал Федюха,
Да напрасно — не догнал!
Экая поруха!
Быстро, бешено неслась
Тройка — и не диво:

На ухабе всякий раз
Зверь рычал ретиво;
Только стон кругом стоял:
«Очищай дорогу!
Сам Топтыгин-генерал
Едет на берлогу!»
Вздрогнет встречный мужичок,
Жутко станет бабе,
Как мохнатый седочок
Рявкнет на ухабе.
А коням подавно страх —
Не передохнули!
Верст пятнадцать на весь мах
Бедные отдули!

Прямо к станции летит
Тройка удалая.
Проезжающий сидит,
Головой мотая;
Ладит вывернуть кольцо.
Вот и стала тройка;
Сам смотритель на крыльцо
Выбегает бойко.
Видит, ноги в сапогах
И медвежья шуба,
Не заметил впопыхах,
Что с железом гу́ба,
Не подумал: где ямщик
От коней гуляет?
Видит — барин матерйк,
«Генерал»,— смекает.
Поспешил фуражку снять:
«Здравия желаю!
Что угодно приказать,
Водки или чаю?..»
Хочет барину помочь
Юркий старичишка;
Тут во всю медвежью мочь
Заревел наш мишка!
И смотритель отскочил:
«Господи помилуй!

Сорок лет я прослужил
    Верой, правдой, силой;
Много видел на тракту́
    Генералов строгих,
Нет ребра, зубов во рту
    Не хватает многих,
А такого не видал,
    Господи Исусе!
Небывалый генерал,
    Видно, в новом вкусе!..»

Прибежали ямщики,
    Подивились тоже;
Видят — дело не с руки,
    Что-то тут негоже!
Собрался честной народ,
    Всё село в тревоге;
«Генерал в санях ревет,
    Как медведь в берлоге!»
Трус бежит, а кто смелей,
    Те — потехе ради —
Жмутся около саней;
    А смотритель сзади.
Струсил, издали кричит:
    «В избу не хотите ль?»
Мишка вновь как зарычит...
    Убежал смотритель!
Оробел и убежал,
    И со всею свитой...

Два часа в санях лежал
    Генерал сердитый.
Прибежали той порой
    Ямщик и вожатый;
Вразумил народ честной
    Трифон бородатый
И Топтыгина прогнал
    Из саней дубиной...
А смотритель обругал
    Ямщика скотиной...

1867

4

ДЕДУШКА МАЗАЙ И ЗАЙЦЫ

1

В августе, около Малых Вежей,
С старым Мазаем я бил дупелей.

Как-то особенно тихо вдруг стало,
На́ небе солнце сквозь тучу играло.

Тучка была небольшая на нем,
А разразилась жестоким дождем!

Прямы и светлы, как прутья стальные,
В землю вонзались струи дождевые

С силой стремительной... Я и Мазай,
Мокрые, скрылись в какой-то сарай.

Дети, я вам расскажу про Мазая.
Каждое лето домой приезжая,

Я по неделе гощу у него.
Нравится мне деревенька его:

Летом ее убирая красиво,
Исстари хмель в ней родится на диво,

Вся она тонет в зеленых садах;
Домики в ней на высоких столбах

(Всю эту местность вода понимает,
Так что деревня весною всплывает,

Словно Венеция). Старый Мазай
Любит до страсти свой низменный край.

Вдов он, бездетен, имеет лишь внука,
Торной дорогой ходить ему — скука!

За́ сорок верст в Кострому прямиком
Сбегать лесами ему нипочем:

«Лес не дорога: по птице, по зверю
Выпалить можно».— «А леший?» — «Не верю!

Раз в кураже я их звал-поджидал
Целую ночь,— никого не видал!

За день грибов насбираешь корзину,
Ешь мимоходом бруснику, малину;

Вечером пеночка нежно поет,
Словно как в бочку пустую удод

Ухает; сыч разлетается к ночи,
Рожки точены, рисованы очи.

Ночью... ну, ночью робел я и сам:
Очень уж тихо в лесу по ночам.

Тихо как в церкви, когда отслужили
Службу и накрепко дверь затворили,

Разве какая сосна заскрипит,
Словно старуха во сне проворчит...»

Дня не проводит Мазай без охоты.
Жил бы он славно, не знал бы заботы,

Кабы не стали глаза изменять:
Начал частенько Мазай пуделять.

Впрочем, в отчаянье он не приходит:
Выпалит дедушка,— заяц уходит,

Дедушка пальцем косому грозит:
«Врешь — упадешь!» — добродушно кричит.

Знает он много рассказов забавных
Про деревенских охотников славных:

Кузя сломал у ружьишка курок,
Спичек таскает с собой коробок,

Сядет за ку́стом — тетерю подманит,
Спичку к затравке приложит — и грянет!

Ходит с ружьишком другой зверолов,
Носит с собою горшок угольков.

«Что ты таскаешь горшок с угольками?»
— «Больно, родимый, я зябок руками;

Ежели зайца теперь services,
Прежде я сяду, ружье положу,

Над уголечками руки погрею,
Да уж потом и палю по злодею!»

«Вот так охотник!» — Мазай прибавлял.
Я, признаюсь, от души хохотал.

Впрочем, милей анекдотов крестьянских
(Чем они ху́же, однако, дворянских?)

Я от Мазая рассказы слыхал.
Дети, для вас я один записал...

2

Старый Мазай разболтался в сарае:
«В нашем болотистом, низменном крае
Впятеро больше бы дичи велось,
Кабы сетями ее не ловили,
Кабы силками ее не давили;
Зайцы вот тоже,— их жалко до слез!
Только весенние воды нахлынут,
И без того они сотнями гинут,—
Нет! еще мало! бегут мужики,
Ловят, и топят, и бьют их баграми.
Где у них совесть?.. Я раз за дровами
В лодке поехал — их много с реки
К нам в половодье весной нагоняет,—
Еду, ловлю их. Вода прибывает.
Вижу один островок небольшой —
Зайцы на нем собралися гурьбой.

С каждой минутой вода подбиралась
К бедным зверькам; уж под ними осталось
Меньше аршина земли в ширину,
    Меньше сажени в длину.
Тут я подъехал: лопочут ушами,
Сами ни с места; я взял одного,
Прочим скомандовал: прыгайте сами!
Прыгнули зайцы мои,— ничего!
Только уселась команда косая,
Весь островочек пропал под водой.
«То-то! — сказал я, — не спорьте со мной!
Слушайтесь, зайчики, деда Мазая!»
Этак гуторя, плывем в тишине.
Столбик не столбик, зайчишко на пне,
Лапки скрестивши, стоит, горемыка,
Взял и его — тягота невелика!
Только что начал работать веслом,
Глядь, у куста копошится зайчиха —
Еле жива, а толста как купчиха!
Я ее, дуру, накрыл зипуном —
Сильно дрожала... Не рано уж было.
Мимо бревно суковатое плыло,
Сидя, и стоя, и лежа пластом,
Зайцев с десяток спасалось на нем.
«Взял бы я вас — да потопите лодку!»
Жаль их, однако, да жаль и находку —
Я зацепился багром за сучок
И за собою бревно поволок...

Было потехи у баб, ребятишек,
Как прокатил я деревней зайчишек:
«Глянь-ко: что делает старый Мазай!»
Ладно! любуйся, а нам не мешай!
Мы за деревней в реке очутились.
Тут мои зайчики точно сбесились:
Смотрят, на задние лапы встают,
Лодку качают, грести не дают:
Берег завидели плуты косые,
Озимь, и рощу, и ку́сты густые!..
К берегу плотно бревно я пригнал,
Лодку причалил — и «с богом!» сказал...

И во весь дух
Пошли зайчишки.
А я им: «У-х!
Живей, зверишки!
Смотри, косой,
Теперь спасайся,
А чур зимой
Не попадайся!
Прицелюсь — бух!
И ляжешь... Ууу-х!..»
Мигом команда моя разбежалась,
Только на лодке две пары осталось —
Сильно измокли, ослабли; в мешок
Я их поклал — и домой приволок,
За ночь больные мои отогрелись,
Высохли, выспались, плотно наелись;
Вынес я их на лужок; из мешка
Вытряхнул, ухнул — и дали стречка!
Я проводил их всё тем же советом:
«Не попадайтесь зимой!»
Я их не бью ни весною, ни летом,
Шкура плохая,— линяет косой...»

1870

5

СОЛОВЬИ

Качая младшего сынка,
Крестьянка старшим говорила:
«Играйте, детушки, пока!
Я сарафан почти дошила;

Сейчас буренку обряжу,
Коня навяжем травку кушать,
И вас в ту рощицу свожу —
Пойдем соловушек послушать.

Там их, что в кузове груздей,—
Да не мешай же мне, проказник! —
У нас нет места веселей;
Весною, дети, каждый праздник

По вечерам туда идут
И стар и молод. На поляне
Девицы красные поют,
Гуторят пьяные крестьяне.

А в роще, милые мои,
Под разговор и смех народа
Поют и свищут соловьи
Звончей и слаще хоровода!

И хорошо и любо всем...
Да только (Клим, не трогай Сашу!)
Чуть-чуть соловушки совсем
Не разлюбили рощу нашу:

Ведь наш-то курский соловей
В цене,— тут много их ловили,
Ну, испугалися сетей,
Да мимо нас и прокатили!

Пришла, рассказывал ваш дед,
Весна, а роща как немая
Стоит — гостей залетных нет!
Взяла крестьян тоска большая.

Уж вот и праздник наступил
И на поляне погуляли,
Да праздник им не в праздник был!
Крестьяне бороды чесали.

И положили меж собой —
Умел же бог на ум наставить —
На той поляне, в роще той
Сетей, силков вовек не ставить.

И понемногу соловьи
Опять привыкли к роще нашей,
И нынче, милые мои,
Им места нет любей и краше!

Туда с сетями сколько лет
Никто и близко не подходит,
И строго-настрого запрет
От деда к внуку переходит.

Зато весной весь лес гремит!
Что день, то новый хор прибудет...
Под песни их деревня спит,
Их песня нас поутру бу́дит...

Запомнить надобно и вам:
Избави бог тут ставить сети!
Ведь надо ж бедным соловьям
Дать где-нибудь и отдых, дети...»

Средний сын кота дразнил,
Меньшой полз матери на шею,
А старший с важностью спросил,
Кубарь пуская перед нею:

«А есть ли, мама, для людей
Такие рощицы на свете?»
— «Нет, мест таких... без податей
И без рекрутчины нет, дети.

А если б были для людей
Такие рощи и полянки,
Все на руках своих детей
Туда бы отнесли крестьянки...»

1870

6

НАКАНУНЕ СВЕТЛОГО ПРАЗДНИКА

1

Я ехал к Ростову
Высоким холмом,
Лесок малорослый
Тянулся на нем:

Береза, осина,
Да ель, да сосна;
А слева — долина,
Как скатерть ровна.

Пестрел деревнями,
Дорогами дол,
Он всё понижался
И к озеру шел,

Ни озера, дети,
Забыть не могу,
Ни церкви на самом
Его берегу:

Тут чудо картину
Я видел тогда!
Ее вспоминаю
Охотно всегда...

2

Начну по порядку:
Я ехал весной,
В страстную субботу,
Пред самой Святой.

Домой поспешая
С тяжелых работ,
С утра мне встречался
Рабочий народ;

Скучая смертельно,
Решал я вопрос:
Кто плотник, кто слесарь,
Маляр, водовоз!

Нетрудное дело!
Идут кузнецы —
Кто их не узнает?
Они молодцы

И петь, и ругаться,
Да — день не такой!
Идет кривоногий
Гуляка-портной:

В одном сертучишке,
Фуражка как блин,—
Гармония, трубка,
Утюг и аршин!

Смотрите — красильщик!
Узнаешь сейчас:
Нос выпачкан охрой
И суриком глаз;

Он кисти и краски
Несет за плечом,
И словно ландкарта
Передник на нем.

Вот пильщики: сайку
Угрюмо жуют
И словно солдаты
Все в ногу идут,

А пилы стальные
У добрых ребят,
Как рыбы живые,
На плечах дрожат!

Я доброго всем им
Желаю пути;
В родные деревни
Скорее прийти,

Омыть с себя копоть
И пот трудовой
И встретить Святую
С веселой душой...

3

Стемнело. Болтая
С моим ямщиком,
Я ехал всё тем же
Высоким холмом,

Взглянул на долину,
Что к озеру шла,
И вижу — долина
Моя ожила:

На каждой тропинке,
Ведущей к селу,
Толпы появились;
Вечернюю мглу

Огни озарили:
Куда-то идет
С пучками горящей
Соломы народ.

Куда? Я подумать
О том не успел,
Как колокол громко
Ответ прогудел!

У озера ярко
Горели костры,—
Туда направлялись,
Нарядны, пестры,

При свете горящей
Соломы,— толпы...
У божьего храма
Сходились тропы,—

Народная масса
Сдвигалась, росла.
Чудесная, дети,
Картина была!..

20 марта 1873

НАД ЧЕМ МЫ СМЕЕМСЯ...

Раз сказал я за пирушкой:
«До свидания, друзья!
Вечер с матушкой-старушкой
Проведу сегодня я:
Нездорова — ей не спится,
Надо бедную занять...»
С той поры, когда случится
Мне с друзьями пировать,
Как запас вестей иссякнет
И настанет тишина,
Кто-нибудь наверно брякнет:
«Человек! давай вина!
Выпьем мы еще по чаше
И — *туда*... живей, холоп!
Ну... а ты — иди к мамаше!
Ха! ха! ха!..» Хоть пулю в лоб!..

Водовоз воды бочонок
В гололедицу тащил;
Стар и слаб, как щепка тонок,
Бедный выбился из сил.
Я усталому салазки
На бугор помог ввезти.
На беду, в своей коляске
Мчался Митя по пути —
Как всегда, румян и светел,
Он рукою мне послал
Поцелуй — он всё заметил
И друзьям пересказал.
С той поры мне нет проходу:
Филантроп да филантроп!
«Что? возил сегодня воду?..
Ха! ха! ха!..» Хоть пулю в лоб!..

<1874>

ТРИ ЭЛЕГИИ

А. Н. Плещееву

1

Ах! что изгнанье, заточенье!
Захочет — выручит судьба!
Что враг! — возможно примиренье,
Возможна равная борьба;

Как гнев его ни беспределен,
Он промахнется в добрый час...
Но той руки удар смертелен,
Которая ласкала нас!..

Один, один!.. А ту, кем полны
Мои ревнивые мечты,
Умчали роковые волны
Пустой и милой суеты.

В ней сердце жаждет жизни новой,
Не сносит горестей оно
И доли трудной и суровой
Со мной не делит уж давно...

И тайна всё: печаль и му́ку
Она сокрыла глубоко?
Или решилась на разлуку
Благоразумно и легко?

Кто скажет мне?.. Молчу, скрываю
Мою ревнивую печаль,
И столько счастья ей желаю,
Чтоб было прошлого не жаль!

Что ж, если сбудется желанье?..
О, нет! живет в душе моей
Неотразимое сознанье,
Что без меня нет счастья ей!

Всё, чем мы в жизни дорожили,
Что было лучшего у нас,—

Мы на один алтарь сложили,
И этот пламень не угас!

У берегов чужого моря,
Вблизи, вдали он ей блеснет
В минуту сиротства и горя,
И — верю я — она придет!

Придет... и, как всегда, стыдлива,
Нетерпелива и горда,
Потупит очи молчаливо.
Тогда... Что я скажу тогда?..

Безумец! для чего тревожишь
Ты сердце бедное свое?
Простить не можешь ты ее —
И не любить ее не можешь!..

2

Бьется сердце беспокойное,
Отуманились глаза.
Дуновенье страсти знойное
Налетело, как гроза.

Вспоминаю очи ясные
Дальней странницы моей,
Повторяю стансы страстные,
Что сложил когда-то ей.

Я зову ее, желанную:
Улетим с тобою вновь
В ту страну обетованную,
Где венчала нас любовь!

Розы там цветут душистые,
Там лазурней небеса,
Соловьи там голосистее,
Густолиственней леса...

3

Разбиты все привязанности, разум
Давно вступил в суровые права,
Гляжу на жизнь неверующим глазом...
Всё кончено! Седеет голова.

Вопрос решен: трудись, пока годишься,
И смерти жди! Она недалека...
Зачем же ты, о сердце! не миришься
С своей судьбой?.. О чем твоя тоска?..

Непрочно всё, что нами здесь любимо,
Что день — сдаем могиле мертвеца,
Зачем же ты в душе неистребима,
Мечта любви, не знающей конца?..

Усни... умри!..

<1874>

СТРАШНЫЙ ГОД

(1870)

Страшный год! Газетное витийство
И резня, проклятая резня!
Впечатленья крови и убийства,
Вы вконец измучили меня!

О, любовь! — где все твои усилья?
Разум! — где плоды твоих трудов?
Жадный пир злодейства и насилья,
Торжество картечи и штыков!

Этот год готовит и для внуков
Семена раздора и войны.
В мире нет святых и кротких звуков,
Нет любви, свободы, тишины!

Где вражда, где трусость роковая,
Мстящая — купаются в крови,
Стон стоит над миром не смолкая;

Только ты, поэзия святая,
Ты молчишь, дочь счастья и любви!

Голос твой, увы, бессилен ныне!
Сгибнет он, ненужный никому,
Как цветок, потерянный в пустыне,
Как звезда, упавшая во тьму

Прочь, о, прочь! сомненья роковые,
Как прийти могли вы на уста?
Верю, есть еще сердца живые,
Для кого поэзия свята.

Но гремел, когда они родились,
Тот же гром, ручьями кровь лила;
Эти души кроткие смутились
И, как птицы в бурю, притаились
В ожиданьи света и тепла.

Между 1872 и 1874

*

Смолкли честные, доблестно павшие,
Смолкли их голоса одинокие,
За несчастный народ вопиявшие,
Но разнузданы страсти жестокие.

Вихорь злобы и бешенства носится
Над тобою, страна безответная.
Всё живое, всё доброе косится...
Слышно только, о ночь безрассветная!

Среди мрака, тобою разлитого,
Как враги, торжествуя, скликаются,
Как на труп великана убитого
Кровожадные птицы слетаются,
Ядовитые гады сползаются...

Между 1872 и 1874

УНЫНИЕ

1

Сгорело ты, гнездо моих отцов!
Мой сад заглох, мой дом бесследно сгинул,
Но я реки любимой не покинул.
Вблизи ее песчаных берегов
Я и теперь на лето укрываюсь
И, отдохнув, в столицу возвращаюсь
С запасом сил и ворохом стихов.
Мой черный конь, с Кавказа приведенный,
Умен и смел,— как вихорь он летит,
Еще отцом к охоте приученный,
Как вкопанный при выстреле стоит.
Когда Кадо [1] бежит опушкой леса
И глухаря нечаянно спугнет,
На всем скаку остановив Черкеса, [2]
Спущу курок — и птица упадет.

2

Какой восторг! За перелетной птицей
Гонюсь с ружьем, а вольный ветер нив
Сметает сор, навеянный столицей,
С души моей. Я духом бодр и жив,
Я телом здрав. Я думаю... мечтаю...
Не чувствовать над мыслью молотка
Я не могу, как сильно ни желаю,
Но если он приподнят хоть слегка,
Но если я о нем позабываю
На полчаса,— и тем я дорожу.
Я *сам себя*, читатель, *нахожу*,
А это всё, что нужно для поэта.
Так шли дела; но нынешнее лето
Не задалось: не заряжал ружья
И не писал еще ни строчки я.

---

[1] Собака.
[2] Лошадь.

3

Мне совестно признаться: я томлюсь,
Читатель мой, мучительным недугом.
Чтоб от него отделаться, делюсь
Я им с тобой: ты быть умеешь другом,
Довериться тебе я не боюсь.
Недуг не нов (но сила вся в размере),
Его зовут уныньем; в старину
Я храбро с ним выдерживал войну,
Иль хоть смягчал трудом по крайней мере,
А нынче с ним не оберусь хлопот.
Быть может, есть причина в атмосфере;
А может быть, мне знать себя дает,
Друзья мои, пятидесятый год.

4

Да, он настал — и требует отчета!
Когда зима нам кудри убелит,
Приходит к нам нежданная забота
Свести итог... О юноши! грозит
Она и вам, судьба не пощадит:
Наступит час рассчитываться строго
За каждый шаг, за целой жизни труд,
И мстящего, зовущего на суд
В душе своей вы ощутите бога.
Бог старости — неутолимый бог.
(От юности готовьте ваш итог!)

5

Приходит он к прожившему полвека
И говорит: «Оглянемся назад,
Поищем дел, достойных человека...»
Увы! их нет! одних ошибок ряд!
Жестокий бог! он дал двойное зренье
Моим очам; пытливое волненье
Родил в уме, душою овладел.
«Я даром жил, забвенье мой удел», —
Я говорю, с ним жизнь мою читая.
Прости меня, страна моя родная:

Бесплоден труд, напрасен голос мой!
И вижу я, поверженный в смятенье,
В случайности несчастной — преступленье,
Предательство в ошибке роковой...

6

Измученный, тоскою удрученный,
Жестокостью судьбы неблагосклонной
Вины мои желаю объяснить,
Гоню врага, хочу его забыть.
Он тут как тут! В любимый труд, в забаву —
Мешает он во всё свою отраву,
И снова мы идем рука с рукой,
Куда? увы! опять я проверяю
Всю жизнь мою — найти итог желаю,—
Угодно ли последовать за мной?

7

Идем! Пути, утоптанные гладко,
Я пренебрег, я шел своим путем,
Со стороны блюстителей порядка
Я, так сказать, был вечно под судом.
И рядом с ним — такая есть возможность! —
Я знал другой недружелюбный суд,
Где трусостью зовется осторожность,
Где подлостью умеренность зовут.
То юношества суд неумолимый.
Меж двух огней я шел неутомимый.
Куда пришел? Клянусь, не знаю сам!
Решить вопрос предоставляю вам!

8

Враги мои решат его согласно,
Всех меряя на собственный аршин,
В чужой душе они читают ясно,
Но мой судья — читатель-гражданин.
Лишь в суд его храню слепую веру.
Суди же ты, кем взыскан я не в меру!
Еще мой труд тобою не забыт
И знаешь ты: во мне нет сил героя —

Тот не герой, кто лавром не увит
Иль на щите не вынесен из боя,—
Я рядовой (теперь уж инвалид)...

9

Суди, решай! А ты, мечта больная,
Воспрянь и, мир бесстрашно облетая,
Мой ум к труду, к покою возврати!
Чтоб отдохнуть душою не свободной,
Иду к реке — кормилице народной...
С младенчества на этом мне пути
Знакомо всё... Знакомой грусти полны
Ленивые, медлительные волны...
О чем их грусть?.. Бывало, каждый день
Я здесь бродил в раздумьи молчаливом
И слышал я в их ропоте тоскливом
Тоску и скорбь сопутных деревень...

10

Под берегом, где вечная прохлада
От старых ив, нависших над рекой,
Стоит в воде понуренное стадо,
Над ним шмелей неутомимый рой.
Лишь овцы рвут траву береговую,
Как рекруты острижены вплотную.
Не весел вид реки и берегов.
Свистит кулик, кружится рыболов,
Добычу карауля как разбойник;
Таинственно снастями шевеля,
Проходит барка; виден у руля
Высокий крест: на барке есть покойник...

11

Чу! конь заржал. Трава кругом на славу,
Но лошадям не весело пришлось,
И, позабыв зеленую атаву,
Под дым костра, спасающий от ос,

Сошлись они, поникли головами
И машут в такт широкими хвостами.
Лишь там, вдали, остался серый конь.
Он не бежит проворно на огонь,
Хоть и над ним кружится рой докучный,
Серко стоит понур и недвижим.
Несчастный конь, ненатурально тучный!
Ты поражен недугом роковым!

12

Я подошел: алела бугорками
По всей спине, усыпанной шмелями,
Густая кровь... струилась из ноздрей...
Я наблюдал жестокий пир шмелей,
А конь дышал всё реже, всё слабей.
Как вкопанный стоял он час — и боле
И вдруг упал. Лежит недвижим в поле...
Над трупом солнца раскаленный шар
Да степь кругом. Вот с вышины спустился
Степной орел; над жертвой покружился
И царственно уселся на стожар.
В досаде я послал ему удар,
Спугнул его, но он вернется к ночи
И выклюет ей острым клювом очи...

13

Иду на шелест нивы золотой.
Печальные, убогие равнины!
Недавние и страшные картины,
Стесняя грудь, проходят предо мной.
Ужели бог не сжалится над нами,
Сожженных нив дождем не оживит
И мельница с недвижными крылами
И этот год без дела простоит?

14

Ужель опять наградой будет плугу
Голодный год?.. Чу! женщина поет!
Как будто в гроб кладет она подругу.
Душа болит, уныние растет.

Народ! народ! Мне не дано геройства
Служить тебе, плохой я гражданин,
Но жгучее, святое беспокойство
За жребий твой донес я до седин!
Люблю тебя, пою твои страданья,
Но где герой, кто выведет из тьмы
Тебя на свет?.. На смену колебанья
Твоих судеб чего дождемся мы?..

15

День свечерел. Томим тоскою вялой,
То по лесам, то по лугу брожу.
Уныние в душе моей усталой,
Уныние — куда ни погляжу.
Вот дождь пошел и гром готов уж грянуть,
Косцы бегут проворно под шатры,
А я дождем спасаюсь от хандры,
Но, видно, мне и нынче не воспрянуть!
Упала ночь, зажглись в лугах костры,
Иду домой, тоскуя и волнуясь,
Беру перо, привычке повинуясь,
Пишу стихи и, недовольный, жгу.
Мой стих уныл, как ропот на несчастье,
Как плеск волны в осеннее ненастье,
На северном пустынном берегу...

5—12 июля 1874

ПУТЕШЕСТВЕННИК

В городе волки по улицам бродят,
Ловят детей, гувернанток и дам,
Люди естественным это находят,
Сами они подражают волкам.

В городе волки, и волки на даче,
А уж какая их тьма на Руси!
Скоро уж там не останется клячи...
Ехать в деревню... теперь-то? Merci! [1]

[1] Спасибо (*франц.*).— *Ред.*

Прусский барон, опоясавши выю
Белым жабо в три вершка ширины,
Ездит один, изучая Россию,
По захолустьям несчастной страны:

«Как у вас хлебушко?» — «Нет ни ковриги!»
— «Где у вас скот?» — «От заразы подох!»
А заикнулся про школу, про книги —
Прочь побежали. «Помилуй нас бог!

Книг нам не надо — неси их к жандару!
В прошлом году у прохожих людей
Мы их купили по гривне за пару,
А натерпелись на тыщу рублей!»

Думает немец: «Уж я не оглох ли?
К школе привешен тяжелый замок,
Нивы посохли, коровы подохли,
Как эти люди заплатят оброк?»

«Что наблюдать? что записывать
в книжку?» —
В грусти барон сам с собой говорит...
Дай ты им гривну да хлеба коврижку
И наблюдай, немчура, аппетит...

13 июля 1874

ОТЪЕЗЖАЮЩЕМУ

Даже вполголоса мы не певали,
Мы горемыки-певцы!
Под берегами мы ведра прождали,
Словно лентяи-пловцы.

Старость подходит — недуги да горе!
Жизнь бесполезно прошла.
Хоть на прощанье в открытое море,
В море царящего зла

Прямо и смело направить бы лодку.
Сунься-ко!.. Сделаешь шаг,
А на втором перервут тебе глотку!
Друг моей юности (ныне мой враг)!

Я не дивлюсь, что отчизну любезную
Счел ты за лучшее кинуть.
Жить для нее — надо силу железную,
Волю железную — сгинуть.

23 июля 1874

ГОРЕ СТАРОГО НАУМА

(Волжская быль)

1

Науму паточный завод
И дворик постоялый
Дают порядочный доход.
Наум — неглупый малый:

Задаром сняв клочок земли,
Крестьянину с охотой
В нужде ссужает он рубли,
А тот плати работой —

Так обращен нагой пустырь
В картофельное поле...
Вблизи — Бабайский монастырь,
Село Большие Соли,

Недалеко и Кострома.
Наум живет — не тужит,
И Волга-матушка сама
Его карману служит.

Питейный дом его стоит
На самом «перекате»;
Как лето Волгу обмелит,
К пустынной этой хате

Тропа знакома бурлакам:
Выходит много «чарки»...
Здесь ходу нет большим судам;
Здесь «паузятся» барки.

Купцы бегут: «Помогу дай!»
Наум купцов встречает,
Мигнет народу: не плошай!
И сам не оплошает...

Кипит работа до утра:
Всё весело, довольно.
Итак, нет худа без добра!
Подумаешь невольно,

Что ты, жалея бедняка,
Мелеешь год от года,
Благословенная река,
Кормилица народа!

2

Люблю я краткой той поры
Случайные тревоги,
И труд, и песни, и костры.
С береговой дороги

Я вижу сотни рук и лиц,
Мелькающих красиво,
А паруса, что крылья птиц,
Колеблются лениво,

А месяц медленно плывет,
А Волга чуть лепечет.
Чу! резко свистнул пароход;
Бежит и искры мечет,

Ущелья темных берегов
Стогласым эхом полны...
Не всё же песням бурлаков
Внимают эти волны.

Я слушал жадно иногда
И тот напев унылый,
Но гул довольного труда
Мне слаще слышать было.

Увы! я дожил до седин,
Но изменился мало.
Иных времен, иных картин
Провижу я начало

В случайной жизни берегов
Моей реки любимой:
Освобожденный от оков,
Народ неутомимый

Созреет, густо заселит
Прибрежные пустыни;
Наука воды углубит:
По гладкой их равнине

Суда-гиганты побегут
Несчетною толпою,
И будет вечен бодрый труд
Над вечною рекою...

3

Мечты!.. Я верую в народ,
Хоть знаю: эта вера
К добру покамест не ведет.
Я мог бы для примера

Напомнить лица, имена,
Но это будет смело,
А смелость в наши времена —
Рискованное дело!

Пока над нами не висит
Ни тучки, солнце блещет,—
Толпа трусливого клеймит,
Отважным рукоплещет,

Но поднял бурю смелый шаг,—
Она же рада шикать,
Друзья попрячутся, а враг
Спешит беду накликать...

О Русь! . . . .
. . . .
. . . .
. . . .

4

Науму с лишком пятьдесят,
А ни детей, ни женки.
Наум был сердцем суховат,
Любил одни деньжонки.

Он говорил: «Жениться — взять
Обузу! А «сударки»
Еще тошней: и время трать,
И деньги на подарки».

Опровергать его речей
Тогда не приходилось,
Хоть, может быть, в груди моей
Иное сердце билось,

Хотя у нас, как лед и зной,
Причины были розны:
«Над одинокой головой
Не так и тучи грозны;

Пускай лентяи и рабы
Идут путем обычным,
Я должен быть своей судьбы
Царем единоличным!»

Я думал гордо. Кто не рад
Оставить миру племя?
Но я родился невпопад —
Лихое было время!

Забыло солнышко светить,
Погас и месяц ясный,
И трудно было отличить
От ночи день ненастный.

Гром непрестанно грохотал,
И вихорь был ужасен,
И человек под ним стоял
Испуган и безгласен.

Был краткий миг: заря зажгла
Роскошно край лазури,
И буря новая пришла
На смену старой бури.

И новым силам новый бой
Готовился... Усталый,
Поник я буйной головой.
Погибли идеалы,

Ушло и время... Места нет
Желанному союзу.
Умру — и мой исчезнет след!
Надежда вся на музу!

5

Судьба Наума берегла,
По милости господней
Что год — обширнее дела,
А сам сытей, дородней.

Он говорил: «Чего ж еще?
Хоть плавать я умею,
Купаюсь в Волге по плечо,
Не лезу я по шею!»

Стреляя серых куликов
На отмели песчаной,
Заслышу говор бубенцов,
И свист, и топот рьяный,

На кручу выбегу скорей:
  Знакомая тележка,
Нарядны гривы у коней,
  У седока — усмешка...

Лихая пара! На шлеях
  И бляхи и чешуйки.
В личных, высоких сапогах,
  В солидной, синей чуйке,

В московском новом картузе,
  Сам правя пристяжною,
Наум катит во всей красе.
  Увидит — рад душою!

Кричит: «Довольно вам палить,
  Пора чайку покушать!..»
Наум любил поговорить,
  А я любил послушать.

Закуску, водку, самовар
  Вносили по порядку
И Волги драгоценный дар —
  Янтарную стерлядку.

Наум усердно предлагал
  Рябиновку, вишневку,
А расходившись, обивал
  «Смоленую головку».

«Ну, как делишки?» — «В барыше»,—
  С улыбкой отвечает.
Разговорившись по душе,
  Подробно исчисляет,

Что дало в год ему вино
  И сколько от завода.
«Накопчено, насолено —
  Чай, хватит на три года!

Всё лето занято трудом,
Хлопот по самый ворот.
Придет зима — лежу сурком,
Не то поеду в город.

Начальство — други-кумовья,
Стрясись беда — поправят,
Работы много —свистну я:
Соседи не оставят;

Округа вся в горсти моей;
Казна— надежней цепи:
Уж нет помещичьих крепей,
Мои остались крепи.

Судью за денежки куплю,
Умилостивлю бога...»
(Русак природный — во хмелю
Он был хвастлив немного)...

6

Полвека прожил так Наум
И не тужил нимало,
Работал в нем житейский ум,
А сердце мирно спало.

Встречаясь с ним, я вспоминал
Невольно дуб красивый
В моем саду: там сети ткал
Паук трудолюбивый.

С утра спускался он не раз
По тонкой паутинке,
Как по канату водолаз,
К какой-нибудь личинке,

То комара подстерегал
И жадно влек в объятья.
А пообедав, продолжал
Обычные занятья.

И вывел, точно напоказ,
Паук мой паутину.
Какая ткань! Какой запас
На черную годину!

Там мошек целые стада
Нашли себе могилы,
Попали бабочки туда —
Летуньи пестрокрылы;

Его сосед, другой паук,
Качался там, замучен,
А мой — отъелся вон из рук!
Доволен, гладок, тучен,

То мирно дремлет в уголку,
То мухою закусит...
Живется славно пауку:
Не тужит и не трусит!

С Наумом я давно знаком;
Еще как был моложе,
Наума с этим пауком
Я сравнивал... И что же?

Уж округлился капитал,
В купцы бы надо вскоре,
А человек затосковал!
Пришло к Науму горе...

7

Сидел он поздно у ворот,
В расчеты погруженный;
Последний свистнул пароход
На Волге полусонной,

И потянулись на покой
И человек, и птица.
Зашли к Науму той порой
Молодчик да девица:

У Тани русая коса
И голубые очи,
У Вани вьются волоса.
«Укрой от темной ночи!»

— «А самоварчик надо греть?»
— «Пожалуй»... Ни минутки
Не могут гости посидеть:
У них и смех, и шутки,

Задеть друг дружку норовят
Ногой, рукой, плечами,
И так глядят... и так шалят,
Чуть отвернись, губами!

То вспыхнет личико у ней,
То белое, как сливки...
Поели гости калачей,
Отведали наливки:

«Теперь уснем мы до утра,
У вас покой, приволье!»
— «А кто вы?» — «Братец и сестра,
Идем на богомолье».

Он думал: «Врет! поди сманил
Купеческую дочку!
Да что мне? лишь бы заплатил!
Пускай ночуют ночку».

Он им подушек пару дал:
«Уснете на диване».
И доброй ночи пожелал
И мòлодцу и Тане.

В своей каморке на часах
Поддернул кверху гири
И утонул в пуховиках...
Проснулся: бьет четыре,

Еще темно; во рту горит.
Кваску ему желалось,

Да квас-то в горнице стоит,
Где парочка осталась.

«Жаль! не пришло вчера на ум!
Да я пройду тихонько,
Добуду! (думает Наум)
Чай, спят они крепонько,

Не скоро их бы разбудил
Теперь и конский топот...»
Но только дверь приотворил,
Услышал тихий шепот:

«Покурим, Ваня!» — говорит
Молодчику девица.
И спичка чиркнула — горит...
Увидел он их лица:

Красиво Ванино лицо,
Красивее у Тани!
Рука, согнутая в кольцо,
Лежит на шее Вани,

Нагая, полная рука!
У Тани грудь открыта,
Как жар горит одна щека,
Косой другая скрыта.

Еще он видел на лету,
Как встретились их очи.
И вновь на юную чету
Спустился полог ночи.

Назад тихонько он ушел,
И с той поры Наума
Не узнают: он вечно зол,
Сидит один угрюмо,

Или пойдет бродить окрест
И к ночи лишь вернется,
Соленых рыжиков не ест,
И чай ему не пьется.

Забыл наливки настоять
Душистой поленикой.
Хозяйство стало упадать —
Грозит урон великой!

На счетах спутался не раз,
Хоть счетчик был отменный...
Две пары глаз, блаженных глаз,
Горят пред ним бессменно!

«Я сладко пил, я сладко ел,—
Он думает уныло,—
А кто мне в очи так смотрел?..»
И всё ему постыло...

7—10 августа 1874

ЭЛЕГИЯ

А. Н. Е<рако>ву

Пускай нам говорит изменчивая мода,
Что тема старая «страдания народа»
И что поэзия забыть ее должна.
Не верьте, юноши! не ста́реет она.
О, если бы ее могли состарить годы!
Процвел бы божий мир!.. Увы! пока народы
Влачатся в нищете, покорствуя бичам,
Как тощие стада по скошенным лугам,
Оплакивать их рок, служить им будет муза,
И в мире нет прочней, прекраснее союза!..
Толпе напоминать, что бедствует народ
В то время, как она ликует и поет,
К народу возбуждать вниманье сильных мира—
Чему достойнее служить могла бы лира?..

Я лиру посвятил народу своему.
Быть может, я умру неведомый ему,
Но я ему служил — и сердцем я спокоен...
Пускай наносит вред врагу не каждый воин,
Но каждый в бой иди! А бой решит судьба...

Я видел красный день: в России нет раба!
И слезы сладкие я пролил в умиленьи...
«Довольно ликовать в наивном увлеченьи,—
Шепнула Муза мне.— Пора идти вперед:
Народ освобожден, но счастлив ли народ?..»

Внимаю ль песни жниц над жатвой золотою,
Старик ли медленный шагает за сохою,
Бежит ли по лугу, играя и свистя,
С отцовским завтраком довольное дитя,
Сверкают ли серпы, звенят ли дружно косы —
Ответа я ищу на тайные вопросы,
Кипящие в уме: «В последние года
Сносней ли стала ты, крестьянская страда?
И рабству долгому пришедшая на смену
Свобода, наконец, внесла ли перемену
В народные судьбы? в напевы сельских дев?
Иль так же горестен нестройный их напев?..»

Уж вечер настает. Волнуемый мечтами,
По нивам, по лугам, уставленным стогами,
Задумчиво брожу в прохладной полутьме,
И песнь сама собой слагается в уме,
Недавних, тайных дум живое воплощенье:
На сельские труды зову благословенье,
Народному врагу проклятия сулю,
А другу у небес могущества молю,
И песнь моя громка!.. Ей вторят долы, нивы,
И эхо дальних гор ей шлет свои отзывы,
И лес откликнулся... Природа внемлет мне,
Но тот, о ком пою в вечерней тишине,
Кому посвящены мечтания поэта,
Увы! не внемлет он — и не дает ответа...

15—17 августа 1874

ПРОРОК

Не говори: «Забыл он осторожность!
Он будет сам судьбы своей виной!..»
Не хуже нас он видит невозможность
Служить добру, не жертвуя собой.

Но любит он возвышенней и шире,
В его душе нет помыслов мирских.
«Жить для себя возможно только в мире,
Но умереть возможно для других!»

Так мыслит он — и смерть ему любезна.
Не скажет он, что жизнь его нужна,
Не скажет он, что гибель бесполезна:
Его судьба давно ему ясна...

Его еще покамест не распяли,
Но час придет — он будет на кресте;
Его послал бог Гнева и Печали
Рабам земли напомнить о Христе.

Август 1874

ПОЭТУ

(Памяти Шиллера)

Где вы — певцы любви, свободы, мира
И доблести?.. Век «крови и меча»!
На трон земли ты посадил банкира,
Провозгласил героем палача...

Толпа гласит: «Певцы не нужны веку!»
И нет певцов... Замолкло божество...
О, кто ж теперь напомнит человеку
Высокое призвание его?..

Прости слепцам, художник вдохновенный,
И возвратись!.. Волшебный факел свой,
Погашенный рукою дерзновенной,
Вновь засвети над гибнущей толпой!

Вооружись небесными громами!
Наш падший дух вознеси на высоту,
Чтоб человек не мертвыми очами
Мог созерцать добро и красоту...

Казни корысть, убийство, святотатство!
Сорви венцы с предательских голов,

Увлекших мир с пути любви и братства,
Стяжанного усильями веков,

На путь вражды!.. В его дела и чувства
Гармонию внести лишь можешь ты.
В твоей груди, гонимый жрец искусства,
Трон истины, любви и красоты.

6 сентября 1874

НОЧЛЕГИ

1

НА ПОСТОЯЛОМ ДВОРЕ

Вступили кони под навес,
Гремя бесчеловечно.
Усталый, я с телеги слез,
Ночлегу рад сердечно.

Спрыгнули псы; задорный лай
Наполнил всю деревню;
Впустил нас дворник Николай
В убогую харчевню.

Усердно кушая леща,
Сидел уж там прохожий
В пальто с господского плеча.
«Спознились, сударь, тоже?» —

Он, низко кланяясь, сказал.
«Да, нынче дни коротки.—
Уселся я, а он стоял.—
Садитесь! выпьем водки!»

Прохожий выпил рюмки две
И разболтался сразу:
«Иду домой... а жил в Москве...
До царского указу

Был крепостной: отец и дед
Помещикам служили.
Мне было двадцать восемь лет,
Как волю объявили,

Наш барин стал куда как лих,
Сердился, придирался.
А перед самым сроком стих,
С рабами попрощался,

Сказал нам: «Вольны вы теперь,—
И очи помутились,—
Идите с богом!» Верь, не верь,
Мы тоже прослезились

И потянулись кто куда...
Пришел я в городишко,
А там уж целая орда
Таких же — нет местишка!

Решился я идти в Москву,
В конторе записался,
И вышло место к Покрову́.
Не барин — клад попался!

Сначала, правда, злился он.
Чем больше угождаю,
Тем он грубей: прогонит вон...
За что?.. Не понимаю!

Да с ним — как я смекнул поздней —
Знать надо было штучку:
Сплошал — сознайся поскорей,
Не лги, не чмокай в ручку!

Не то рассердишь: «Ермолай!
Опомнись! как не стыдно!
Привычки рабства покидай!
Мне за тебя обидно!

Ты человек! ты гражданин!
Знай: сила не в богатстве,
Не в том — велик ли, мал ли чин,
А в равенстве и братстве!

Я раболепства не терплю,
Не льсти, не унижайся!
Случиться может: сам вспылю —
И мне не поддавайся!..»

Работы мало, да и той
Сам половину правил,
Я захворал — всю ночь со мной
Сидел — пиявки ставил;

За каждый шаг благодарил.
С любовью, не со страхом
Три года я ему служил —
И вдруг пошло всё прахом!

Однажды он сердитый встал,
Порезался, как брился,
Всё не по нем! весь день ворчал
И вдруг совсем озлился.

Кастит!.. «Потише, господин!» —
Сказал я, вспыхнув тоже.
«Как! что?.. Зазнался, хамов сын!» —
И хлоп меня по роже!

По старой памяти, я прочь,
А он за мной — бедовый!..
«Так вот,— продумал я всю ночь,—
Каков он — барин новый!

Такие речи поведет,
Что слушать любо-мило,
А кончит тем же, что прибьет!
Нет, прежде проще было!»

Обидно! Я его считал
Не барином, а братом...
Настало утро — не позвал.
Свернувшись под халатом,

Стонал как раненый весь день,
Не выпил чашки чаю...
А ночью барин словно тень
Прокрался к Ермолаю.

Вперед уставился лицом:
«Ударь меня скорее!
Мне легче будет!..» (Мертвецом
Глядел он, был белее

Своей рубахи.) «Мы равны,
Да я сплошал... я знаю...
Как быть? сквитаться мы должны...
Ударь!.. Я позволяю.

Не так ли, друг? Скорее хлоп
И снова правы, святы...»
— Не так! Вы барин — я холоп,
Я беден, вы богаты!

(Сказал я.) Должен я служить,
Пока стаёт терпенья,
И я служить готов... а бить
Не буду... с позволенья!..»

Он всё свое, а я свое,
Спор долго продолжался,
Смекнул я: тут мне не житье!
И с барином расстался.

Иду покамест в Арзамас,
Там у меня невеста...
Нельзя ли будет через вас
Достать другое место?..»

1874

2

НА ПОГОРЕЛОМ МЕСТЕ

Слава богу, хоть ночь-то светла!
Увлекаться так глупо и стыдно.
Мы устали, промокли дотла,
А кругом деревеньки не видно.

Наконец увидал я бугор,
Там угрюмые сосны стояли,
И под ними дымился костер,
Мы с Трофимом [1] туда побежали.

«Горевали, а вот и ночлег!»
— «Табор, что ли, цыганский там?» —
«Нету!
Не видать ни коней, ни телег,
Не заметно и красного цвету.

У цыганок, куда ни взгляни,
Красный цвет — это первое дело!»
— «Косари?» — «Кабы были они,
Хоть одна бы тут женщина пела».

— «Пастухи ли огонь развели?..»
Через пни погорелого бора
К неширокой реке мы пришли
И разгадку увидели скоро:

Погорельцы разбили тут стан.
К нам навстречу ребята бежали:
«Не видали вы наших крестьян?
Побираться пошли — да пропали!»

— «Не видали!..» Весь табор притих...
Звучно щиплет траву лошаденка,
Бабы нянчат младенцев грудных,
Утешает ребят старушонка:

«Воля божья! усните скорей!
Эту ночь потерпите вы только!

[1] Проводник.

Завтра вам накуплю калачей.
Вот и деньги... Глядите-ка сколько!»

— «Где ты, бабушка, денег взяла?»
— «У оконца, на месячном свете,
В ночи зимние пряжу пряла...»
Побренчали казной ее дети...

Старый дед, словно царь Соломон,
Роздал им кой-какую одежу.
Патриархом библейских времен
Он глядел, завернувшись в рогожу:

Величавая строгость в чертах,
Череп голый, нависшие брови,
На груди и на голых ногах
След недавних обжогов и крови.

Мой вожатый к нему подлетел:
«Здравствуй, дедко!»—«Живите здоровы!»
— «Погорели? А хлеб уцелел?
Уцелели лошадки, коровы?..»

— «Хлебу было сгореть мудрено;—
Отвечал патриарх неохотно.—
Мы его не имели давно.
Спите, детки, окутавшись плотно!

А к костру не ложитесь: огонь
Подползет — опалит волосенки.
Уцелел — из двенадцати — конь,
Из семнадцати—три коровенки».

— «Нет и ваших дремучих лесов?
Век росли, а в неделю пропали!»
— «Соблазняли они мужиков,
Шутка! сколько у барина крали!»

Молча взял он ружье у меня,
Осмотрел, осторожно поставил.
Я сказал: «Беспощадней огня
Нет врага— ничего не оставил!»

— «Не скажи. Рассудила судьба,
Что нельзя же без древа-то в мире,
И оставил нам на гроба
Эти сосны...» (Их было четыре...)

20—21 ноября 1874

3

У ТРОФИМА

Звезды осени мерцают
Тускло, месяц без лучей,
Кони бережно ступают,
Реки налило дождей.

Поскорей бы к самовару!
Нетерпением томим,
Жадно я курю сигару
И молчу. Молчит Трофим,

Он сказал мне: «Месяц в небе
Словно сайка на столе» —
Значит: думает о хлебе,
Я мечтаю о тепле.

Едем... едем... Тучи вьются
И бегут... Конца им нет!
Если разом все прольются —
Поминай, как звали свет!

Вот и наша деревенька!
Встрепенулся спутник мой:
«Есть тут валенки, надень-ка!»
— «Чаю! рому!.. Всё долой!..»

Вот погашена лучина,
Ночь, но оба мы не спим.
У меня своя причина,
Но чего не спит Трофим?

«Что ты охаешь, Степаныч?»
— «Страшно, барин! мочи нет.

Вспомнил то, чего бы на ночь
Вспоминать совсем не след!

И откуда черт приводит
Эти мысли? Бороню,
Управляющий подходит,
Низко голову клоню,

Поглядеть в глаза не смею,
Да и он-то не глядит —
Знай накладывает в шею.
Шея, веришь ли? трещит!

Только стану забываться,
Голос барина: «Трофим!
Недоимку!» Кувыркаться
Начинаю перед ним...»

— «Страшно, видно, воротиться
К недалекой старине?»
— «Так ли страшно, что мутится
Вся утробушка во мне!

И теперь уйдешь весь в пятки,
Как посредник налетит,
Да с Трофима взятки гладки:
Пошумит — и укатит!

И теперь в квашне солома
Перемешана с мукой,
Да зато покойно дома,
А бывало — волком вой!

Дети были малолетки,
Я дрожал и за детей,
Как цыплят из-под наседки
Вырвет — пикнуть не посмей!

Как томили! Как пороли!
Сыну сказывать начну —
Сын не верит. А давно ли?..
Дочку барином пугну —

Девка прыснет, захохочет:
«Шутишь, батька!»
— „Погоди!
Если только бог захочет,
То ли будет впереди!"»

— «Есть у вас в округе школы?»
— «Есть».— «Учите-ка детей!
Не беда, что люди голы,
Лишь бы были поумней.

Перестанет есть солому,
Трусу праздновать народ...
И твой внук отцу родному
Не поверит в свой черед».

18 июля 1874

*

Скоро стану добычею тленья.
Тяжело умирать, хорошо умереть;
Ничьего не прошу сожаленья,
Да и некому будет жалеть.

Я дворянскому нашему роду
Блеска лирой своей не стяжал;
Я настолько же чуждым народу
Умираю, как жить начинал.

Узы дружбы, союзов сердечных —
Всё порвалось: мне с детства судьба
Посылала врагов долговечных,
А друзей уносила борьба.

Песни вещие их не допеты,
Пали жертвою злобы, измен
В цвете лет; на меня их портреты
Укоризненно смотрят со стен.

1874

ПРИМЕЧАНИЯ

СТИХОТВОРЕНИЯ И ПОЭМЫ
1861—1874

На смерть Шевченко. Впервые — «Зоря», Львов, 1866, № 6, с. 87; в России при жизни Некрасова не было опубликовано по цензурным причинам. Т. Г. Шевченко в 1847 г. был арестован. При обыске у него нашли революционные стихи и карикатуры на царя и царицу. Поэт был сослан рядовым в Отдельный Оренбургский корпус с запрещением писать и рисовать. Более десяти лет длилась неволя, только в 1858 г. Шевченко вернулся в столицу. Он хорошо был встречен литературной общественностью, установились связи и с редакцией «Современника»: журнал печатал его стихи и статьи о его жизни и творчестве. 26 февраля 1861 г. Шевченко не стало. В. Е. Якушкин так передавал историю создания этого стихотворения: «В толпе литераторов, собравшихся ко гробу Шевченко, находился и Некрасов. Когда он шел за гробом многострадального кобзаря, у него сложились стихи в его память. Вернувшись домой, Некрасов записал эти стихи, но из осторожности,— время тогда было такое,— он разорвал листок сверху вниз, так что стихи были разделены пополам. Поэт уничтожил правую половину листка с началом стихов и сохранил у себя левую с рифмами. Уже незадолго до своей кончины Некрасов вспомнил об этом стихотворении и восстановил текст его, причем рассказал историю стихотворения П. А. Ефремову, от которого ее и слышал пишущий эти строки».

Похороны. Впервые — «Современник», 1861, № 9, с. 128. В автографе вместо стихов: *«У тебя порошку я попрашивал, // И всегда ты нескупо давал»* были строки, в которых более отчетливо говорилось о демократизме героя:

> Ты у нас про житье наше спрашивал
> Ровней с нами себя называл
> А лицо было словно дворянское...
> Приносил ты нам много вестей
> И про темное дело крестьянское
> И про войны заморских царей...

Стихотворение стало широко распространенной песней.
Порошку — пороху.

Дума. Впервые — «Современник», 1861, № 9, с. 255—256. Стихотворение написано спустя несколько месяцев после кресть-

янской реформы. Безземельные крестьяне столкнулись с новым бедствием — отсутствием работы.

Недоимка — неуплаченный в срок налог.

Коробейники. Впервые — «Современник», 1861, № 10, с. 599—620. Одновременно поэма вышла в серии «Красные книжки», выпускавшейся Некрасовым для народного чтения. Поэма посвящена Г. Я. Захарову, с которым Некрасов охотился, приезжая в родные края. Имя Захарова упомянуто и в стихотворении «Крестьянские дети». Сестра поэта А. А. Буткевич сообщает, что «Коробейники» написаны в деревне, по возвращении с охоты, а по словам сына Г. Я. Захарова, сюжет «Коробейников» и некоторые детали поэмы основаны на рассказах Г. Я. Захарова и его жены. В 1927—1928 гг. исследователь А. В. Попов записал от И. Г. Захарова подробную историю убийства двух коробейников, лежащую в основе поэмы: «Охотник этот был Давыд Петров из деревни Сухоруковой. Он встретил в своей деревне коробейников, направлявшихся прямиком через болото в село Закобякино Ярославской губернии, «надумал» их убить, чтобы забрать деньги, и проследил в лесу. Коробейники поняли, что не к добру оказался среди них как будто недавно виденный человек с ружьем, и просили оставить их. Когда Давыд убивал, то пастушок слышал выстрелы и крики. После убийства Давыд затащил одного убитого на дерево, другого спрятал под корни. Потом их нашли, но не знали, кто убил...» Суд и другие подробности, выведенные в конце поэмы, в рассказе И. Г. Захарова отсутствовали. Многое в этом произведении было необычным для читателей поэзии того времени, прежде всего то, что событийная часть поэмы предваряется пространным посвящением «простому мужику», крестьянину деревни Шоды. В издании «Красных книжек» этому посвящению был придан подчеркнуто торжественный вид: помещенное на двух страницах с типографским выделением имени и отчества крестьянина, оно выглядело как посвящение высокопоставленному лицу. Рассказ об убийстве одним деревенским бедняком двух столь же бедных разносчиков нехитрого товара в 1860-е годы под пером Некрасова получил остропублицистическое звучание. В революционно-демократической литературе тема народных преступлений, выяснение и выделение их социального смысла была актуальной и носила политический характер. «Коробейники» открывают новый этап в творчестве Некрасова — произведений, написанных не только о народе, но и для народа. Издавая «Красные книжки», Некрасов писал книгопродавцу И. А. Голышеву: «Посылаю Вам 1500 экземпляров моих стихотворений, назначающихся для народа. На обороте каждой книжечки выставлена цена — 3 копейки за экземпляр,— потому я желал бы, чтобы книжки не продавались дороже: чтобы из трех копеек одна поступала в Вашу пользу и две в пользу офеней (продавцов), таким образом, книжка и выйдет в три копейки, не дороже». Расходы по изданию серии Некрасов взял на себя. В числе распространителей «Красной» серии был и Салтыков-Щедрин. В письме 1863 г. к И. А. Панаеву он просил прислать ему 1-й и 2-й выпуски книжек «по 30 экземпляров каждой». Поэма, предназначенная для крестьянского чтения, наполнена, как ни одно предыдущее произведение поэта, фольклорными мотивами, а начало поэмы, ее первые 24 строки, с середины

1870-х гг. включалось в народные песенники (песня под названием «Коробушка», которая и поныне остается одной из любимейших русских народных песен). «Песней убогого странника» из поэмы сразу же после ее опубликования воспользовался для пропаганды идей крестьянской революции Н. Г. Чернышевский. Он процитировал «Песню» в статье о Николае Успенском и так прокомментировал ее: «Жалкие ответы, слова нет, но глупые ответы «Я живу холодно, холодно».— А разве не можешь ты жить тепло? Разве нельзя быть избе теплою?—«Я живу голодно, голодно».— Да разве нельзя тебе жить сытно, разве плоха земля, если ты живешь на черноземе, или мало земли вокруг тебя, если она не чернозем,— чего же ты смотришь? — «Жену я бью, потому что рассержен холодом».— Да разве жена в этом виновата? — «Я в кабак иду с голоду».— Разве тебя накормят в кабаке? Ответы твои понятны только тогда, когда тебя признать простофилею. Не так следует жить и не так следует отвечать, если ты не глуп». Несколько позднее «Песню» процитировал А. И. Герцен. Он писал, что «на все реформы, революции, объявления прав» народ отвечал стихами поэта: «Голодно, странничек, голодно! Холодно, родименькой, холодно!». Д. И. Писарев в «Физиологических картинах», приведя эти же строки Некрасова, отметил: «И в этих двух ответах сказано столько, сколько не выскажешь десятью поэмами». Современная критика сразу же отметила народность «Коробейников». В этой связи рецензент журнала «Русское слово» также особо выделил «Песню убогого странника»: «Это великая и грозная своим величием простота. Дальше уже в этом отношении, мне кажется, поэту идти некуда: в песне странника он овладел элементом народного творчества, он постиг тайну этого творчества». Ап. Григорьев назвал поэму «удивительной по форме», она предстала перед критиком как ряд «беспрестанно сменяющихся картин, в рамы которых вошло множество доселе нетронутых сторон народной жизни, картин, писанных широкою кистью, с разнообразным колоритом... Одной этой поэмы было бы достаточно, чтобы убедить каждого, насколько Некрасов поэт почвы, поэт народный, то есть насколько поэзия его органически связана с жизнью». Так же, как и отрывок: «Ой, полна, полна коробушка...», «Песня убогого странника» и отрывок «Хорошо было детинушке // Сыпать ласковы слова...» и т. д., известный под названием «Катерина», были неоднократно положены на музыку.

Глава 1. *Коробейники* — торговцы мануфактурными и галантерейными товарами, разносящие их по деревням. *Кумач, китайка* — дешевые хлопчатобумажные ткани фабричного производства. Кумач — обычно ярко-красного, а китайка — желтого цвета. *Коробушка* — ласкательное от короб — плетеное изделие из лыка (луба — см. ниже), служащее для переноски разных предметов. *Ситцу штуку целую.* Фабричный рулон ткани определенных размеров. *Полуштофик.* Штоф — четырехугольный стеклянный сосуд, вмещающий $^1/_8$ или $^1/_{10}$ ведра водки, вина. *Покров* — осенний церковный праздник иконы Покрова Богородицы (1 октября ст. ст.), к которому обычно приурочивались деревенские свадьбы. Глава 2. *Новины* — небеленые домотканые холсты. *Вожеватые* — обходительные, приветливые. *Миткаль* — небеленый ситец. *Плис* — хлопчатобумажный бархат. *Исполать* — хвала, слава (употребляется в восклицательном обращении как выражение одобрения). *Ку-*

тейники — насмешливое прозвище духовенства. Глава 3. *Война проклятая* — Крымская война 1854—1855 гг. *Целовальник* — содержатель кабака. *Подоконники, балахонники* — нищие крестьяне. *Балахон* — род верхней летней крестьянской одежды. *Светопреставление* — по религиозным воззрениям, конец света. *Грянут, грянут гласы трубные! // Станут мертвые вставать!* — Религиозная картина грядущего конца мира, при котором по трубному гласу с небес мертвые воскреснут для так называемого «страшного суда». Глава 4. *Лыком шитые купцы!* — т. е. торговцы из крестьян, от *лыко* (луб) — внутренняя часть коры молодых лиственных деревьев (преимущественно липы), шедшая в крестьянских хозяйствах на изготовление многочисленных плетеных предметов обихода (коробов, лаптей и т. д.). *Савраска* — конь саврасой (светло-гнедой с желтизной) масти. Здесь — общее название крестьянской лошади. *Косуля* — соха или легкий плуг. *И в свиное ухо складывал // Полы свиточки своей.* — Народная насмешка над мусульманами, которым ислам запрещает употребление свиного мяса. *Сабашники* — здесь: охотники с собаками. *Кашпирята с Зюзенятами* — от фамилий ярославских и костромских помещиков Кашпировых и Зюзиных. *Борзители* — охотники с борзыми собаками. *Встрелось нам лицо духовное.* По распространенному суеверию, встреча со священнослужителем — дурная примета. *Долог хвост, да не пушист.* — Говорится о крысе. Глава 5. *Кочажник* — болотистая местность с кочками. Глава 6. *Прокурат* — обманщик, притворщик. *Зерцало* — настольная эмблема в виде трехгранной призмы, на сторонах которой были помещены тексты указов Петра I о строгом соблюдении правосудия, непременная принадлежность государственных учреждений России до 1917 г. *Поля не ораны* — т. е. не паханы. *Онучи* — обмотки для ноги под сапог или лапоть.

20 ноября 1861. Впервые — «Современник», 1862, № 1, с. 348, в статье Некрасова «Посмертные стихотворения Н. А. Добролюбова», без заглавия и без первых четырех строк. Написано в день похорон Добролюбова. Поэта и критика связывали совместная работа в «Современнике» и личная дружба. Некрасов восхищался цельностью и нравственной высотой личности Добролюбова. Добролюбов высоко ценил поэзию Некрасова и первым заговорил об истинной народности его стихов. 2 января 1862 г. петербургские студенты устроили вечер памяти Добролюбова, на котором Некрасов выступил с кратким словом. Он говорил: «Мы во всю нашу жизнь не встречали русского юноши, столь чистого, бесстрашного духом, самоотверженного. Наше сожаление о нем не имеет границ и едва ли когда изгладится... Мы ушли с этой могилы, но мысль наша осталась там и поминутно зовет нас туда и поминутно рисует нам один и тот же неотразимый образ». Вслед за этим поэт прочитал свое стихотворение.

Крестьянские дети. Впервые — «Время», 1861, № 10, с. 356—363, с посвящением «О. С. Ч<ерныше>вской», с цензурным искажением: вместо *«Те честные мысли, которым нет воли, // Которым нет смерти — дави не дави»* было напечатано: *«Те честные мысли, которым нет доли, // Которым нет смерти...»*. Отрывок: *«Однажды, в студеную зимнюю пору...»* и т. д. часто

включают в хрестоматии для детей под названием: «Мужичок с ноготок».

Гаврила — Г. Я. Захаров, которому посвящена поэма «Коробейники» (см. прим. на с. 370). *У нас же дорога большая была.* Ярославско-Костромской низовой тракт, называемый в то время также Сибиркой или Владимиркой, на который выходил грешневский дом Некрасовых. *Шерстобит* — работник, который особым молотком взбивал шерсть перед прядением или валянием. *Чухна* (устар., пренебр.) — финн. *Черемис* (устар.) — мари. *Лава* — мостки. *Пожня* — поле, где сжата рожь.

«Что ни год — уменьшаются силы...». Впервые — «Стихотворения», 1864, ч. 3, с. 127. Положено на музыку.

Свобода. Впервые — «Стихотворения», 1869—1873, ч. 4, с. 237—238. Написано под непосредственным впечатлением от крестьянской реформы 1861 г. В стихотворении отразилось двойственное отношение Некрасова к «освобождению» крестьян. С одной стороны, поэт не мог не радоваться раскрепощению народа, с другой — ясно видел иллюзорность провозглашенной царским манифестом «свободы». Л. Ф. Пантелеев в своих воспоминаниях приводит резкие слова Некрасова: «Да разве это настоящая воля! Нет, это чистый обман, издевательство над крестьянами».

Слезы и нервы. Впервые — в газете «Новое время», 1876, 25 апреля, без подписи, первым номером в цикле «Из записной книжки» с примечанием: «Нам передана «Записная книжка» одного из современных наших поэтов, наполненная стихотворными заметками и отрывками. Время от времени мы будем делиться с читателями этими отрывками и заметками». Стихотворение обращено к А. Я. Панаевой. Датируется 1861 г.

Дешевая покупка. Впервые — «Современник», 1862, № 2, с. 683—686, с более подробным эпиграфом: «За скорым отъездом распродаются: мебель, зеркала, фарфоровая и фаянсовая посуда, ножи, вилки и все, принадлежащее хозяйству. В такой-то улице, дом Воронина, № такой-то, по парадной лестнице» («Полицейские ведомости»). Автор воспоминаний о Некрасове Е. Литвинова со слов А. Я. Панаевой пересказывает случай, происшедший с Некрасовым и, возможно, послуживший поводом к написанию стихотворения.

Обязательный — в значении: любезный. *Ломовые извозчики.* Извозчики, занимавшиеся перевозкой грузов.

«Литература с трескучими фразами...». Впервые — «Стихотворения», 1864, ч. 3, с. 18, с цензурным пропуском двух стихов: *«Администрация наша с указами // О забирании всякого встречного...»* Написано в обстановке правительственной реакции, возникшей как ответ на революционное возбуждение, охватившее разные слои общества после реформы 1861 г.

На псарне. Впервые — «Стихотворения», 1869, ч. 4, с. 242. Некрасовым датировано 1863 годом, однако строка: *«Воля придет — чай, бежишь без оглядки?»* — дает основание предполагать, что стихотворение могло быть написано до крестьянской реформы 1861 г.

«Благодарение господу богу...». Впервые — «Стихотворения», 1869, ч. 4, с. 244—246, с цензурным пропуском последней строфы. Полное чтение строки: «*С саблей усач...*» — неизвестно. В одном из экземпляров «Стихотворений» рукою неустановленного лица было добавлено: «*—негодяй*». Дорога, о которой говорится в стихотворении, возможно, тот самый низовой Ярославско-Костромской тракт, который проходил через Грешнево и который, по воспоминаниям поэта, называли «Сибиркой и Владимиркой». Написано в период массовых арестов и ссылок революционеров. Число ссыльных особенно увеличилось после подавления польского восстания 1863 г. В 1883 г. директор департамента полиции В. К. Плеве представил царю специальную «Записку о направлении периодической прессы в связи с общественным движением в России». Значительное место в этой «Записке» было уделено Некрасову, его журналам и стихам. «Некрасов,— писал Плеве,— со злобной насмешкой встретил меры правительственного преследования, которое постигло пропагандистов, и призывал новые силы на смену выбывающим. Глубокое впечатление производят следующие места его стихотворений...» Среди цитат, приведенных Плеве,— последние шесть строк из стихотворения «Благодарение господу богу...».

«Надрывается сердце от муки...». Впервые — «Современник», 1863, № 9, с. 312, с цензурным пропуском стиха: «*Барабанов, цепей, топора*». Стихотворение отразило настроение и мысли Некрасова в период нарастания правительственной реакции 1862—1863 гг. (аресты В. А. Обручева, Н. Г. Чернышевского, Н. А. Серно-Соловьевича, Д. И. Писарева и др., установление почти военного положения в Петербурге в связи с распускаемыми слухами о предумышленных поджогах, беспримерные цензурные репрессии против передовой печати). Отзвуки этого стихотворения исследователи находят в более позднем стихотворении Михайлова «Грусть ко мне в сердце назойливей просится...».

Мороз, Красный нос. Впервые — «Время», 1863, № 1, с. 302—305, под названием «Смерть Прокла» (главки 1, 2, 6, 7); полностью — «Современник», 1864, № 1, с. 5—40, под названием «Мороз, Красный нос», с посвящением сестре А. А. Буткевич, но без текста стихотворного посвящения (первых 49 строк), которое было написано позже, в конце 1860-х гг. Замысел поэмы и начало работы над ней относятся к концу 1862 г., завершение — к концу 1863 — началу 1864 г. Одна из редакций имела название «Смерть крестьянина», в процессе работы Некрасов вводит новую тему — величие и драматизм судьбы русской женщины-крестьянки. Дарья становится центральным образом поэмы. В окончательном варианте усиливается эпическое звучание произведения, вводятся фольклорно-сказочные, мифологические мотивы. В основе содержания поэмы — изображение национального характера, жизни крестьянской семьи, ее идеалов, поэтические картины русской природы. Первоначально поэма завершилась эпилогом, в котором рассказывалось о спасении Дарьи, о возвращении ее домой, к детям. Но поэт устраняет благополучный конец, поднимая повествование до жанра высокой трагедии. Хотя Некрасов перед публичным чтением поэмы на вечере Литературного фонда предупредил своих слушателей о том, что в произведении отсутствует всякая политическая

«тенденция» и что в нем нет «никакого служения направлению», идейно-политическая борьба эпохи, несомненно, отразилась в поэме. Центральной темой «Мороза, Красного носа» стала тема народная. А единства воззрений на русский народ, оценок его возможностей и нравственной силы не было в то время даже в революционно-демократическом лагере. Так, критик журнала «Русское Слово» В. А. Зайцев писал в 1863 г. в одной из своих статей: «Народ груб, туп, и вследствие этого пассивен; это, конечно, не его вина, но это — так, и какой бы то ни было инициативы с его стороны странно ожидать...». Сниженную оценку роли народа в историческом процессе дает в статьях 1863—1864 гг. и Д. И. Писарев. За несколько лет до этого Добролюбов писал в «Современнике» о «великих силах, таящихся в народе» и утверждал: «...народ способен ко всевозможным и возвышенным чувствам и поступкам наравне с людьми всякого сословия, если еще не больше... следует строго различать в нем последствия внешнего гнета от его внутренних и естественных стремлений...». Поэма Некрасова продемонстрировала верность идеалам Добролюбова, в ней в ярких художественных образах воплощена мысль о высоких внутренних качествах и возможностях русского народа. Вслед за поэмой «Современник» печатает фельетон Салтыкова-Щедрина «Деревня зимою», в котором автор привлекает внимание к тому же предмету изображения — тяжесть крестьянского труда, в частности извоза. Используя статистические данные, Салтыков-Щедрин высмеивает идиллические описания крестьянских работ в очерке В. Селиванова «Год русского земледельца» («Русская беседа», 1857). Близость фельетона «Деревня зимою» по общему тону, по идейному замыслу поэме Некрасова несомненна. Таким образом, открытая оппозиция фельетониста «Современника» славянофильскому этнографу Селиванову обнаружила объект скрытой полемики Некрасова. Неудивительно поэтому то, что славянофильская газета «День» выступила с резкой критикой поэмы Некрасова. Н. М. Павлов решительно отказал произведению Некрасова в народности. По его мнению, поэту недостает такта в изображении народной жизни, а последние строфы проникнуты «беспощадной иронией», «злейшим отрицанием» и являются свидетельством «самого отчаянного скептицизма». Даже сочувствие поэта страданиям народа, по утверждению Павлова, исходит из «мутных источников души человеческой». В защиту Некрасова со статьей, резко полемизирующей со славянофильским «Днем», в журнале «Русское Слово» выступил В. А. Зайцев. Он писал о гражданственности звучания поэмы, о силе высказанного в ней протеста. «Если потрясающее изображение бедствий есть само по себе протест, то, конечно, протест этот так же силен, как велико горе, представленное поэтом... всякое отрицание есть вместе с тем положительное желание, чтобы прекратилось то положение, против которого я протестую...» Отстаивая правдивость изображенных Некрасовым картин тяжелой крестьянской жизни, Зайцев в протесте против существующего жизненного порядка видит высокий идеал и отмечает верность воплощения этого идеала поэтом. Процитировав строки о втором сне Дарьи, критик заключает: «Эта картина есть самый полный идеал счастья, какой только могла создать фантазия крестьянки», но эта картина «представлена бредом умирающей, а не действительностью... Если бы в минуту смерти крестьянке

грезилось ее действительное прошлое, то она увидела бы побои мужа, не радостный труд, не чистую бедность, а смрадную нищету». Таким образом глубоко сочувственный отклик Зайцева обнаружил и односторонность эстетических оценок критика и некоторую упрощенность понимания художественных образов, созданных поэтом. Выступление «Русского Слова» дало повод подключиться к спору о поэме «почвенническому» журналу «Эпоха». Н. Н. Страхов в своих «Заметках» высмеивает позицию критика «Русского Слова», прибегая к приемам гротеска: «...Г-н Некрасов изобразил счастливые минуты крестьянского семейства, полного взаимной любви. Как можно! — восклицает критик: я ведь знаю, что ни любви, ни счастливых минут у них вовсе нет. Очень может быть, что критику кажется одной фантазией, одним идеалом даже то, как Савраска «в мягкие добрые губы Гришухино ухо берет». Вот если бы Савраска откусил ухо у Гришухи, тогда это было бы ближе к действительности и не противоречило бы некрасовской манере ее изображать». Полемика между журналами велась по отдельным, зачастую очень важным и принципиальным вопросам, каждый критик выражал не только свою личную точку зрения, но и позицию журнала, который он представлял, но в высокой оценке художественности поэмы, ее гуманистического пафоса были едины рецензенты всех направлений. Оптимизм поэмы, ее гражданская активность передавались читателям. В автобиографических заметках незадолго до смерти поэт писал о том, что муза олицетворялась для него в образе «породистой русской крестьянки, в каком она всего чаще являлась мне и в каком обрисована в поэме моей «Мороз, Красный нос»».

Часть первая. *Подклеть* — нижняя (обычно нежилая) часть избы. *Перл* — жемчужина. *Ходебщик* (диалект.) — вожак дрессированного медведя. *Гужи, гуж* — кожаная петля в хомуте, которой с помощью дуги прикрепляют оглобли к упряжи. Часть вторая. *Пени* — жалобы. *Дровни* — крестьянские сани без кузова для перевозки дров, грузов. *Плашка* (диалект.) — нетолстое срубленное дерево или отрезанная вершина большого дерева. *Косу клепала* — отбивала (точила) косу молотком на чугунной бабке. *Спасов день* — три церковных праздника (1, 6 и 16 августа ст. ст.). *Новина* — небеленый холст. *Залотошила* (диалект.) — засуетилась, зашумела. *Схимница* — монашенка, принявшая схиму, т. е. высшую монашескую степень, требующую выполнения суровых аскетических правил. *Палица* — старинное оружие — тяжелая дубинка с утолщенным концом. *Булава* — короткая палка, жезл с шарообразным утолщением на конце, служивший в старину оружием и символом власти. *Рига* — сарай для сушки снопов и молотьбы. *Дольний* — земной, человеческий.

Зеленый Шум. Впервые — «Современник», 1863, № 3, с. 143—144. Образ зеленого шума Некрасов заимствовал из игровой песни украинских девушек. Некоторые детали перешли в стихотворение из комментария к этой песне, написанного украинским этнографом М. А. Максимовичем. Комментатор отметил: «В этом *зеленом шуме* девчат отозвался Днепр, убирающийся в зелень своих лугов и островов, шумящий в весеннем разливе своем и дающий тогда полное приволье рыболовству. В одно весеннее утро я видел здесь, что воды Днепра, и его песчаная Белая коса за Шумиловкою

и самый воздух над ними — все было зелено... В то утро дул порывистый горишний, т. е. верховой, ветер, набегая на прибрежные ольховые кусты, бывшие тогда в цвету, он поднимал с них целые облака зеленоватой цветочной пыли и развевал ее по всему полуденному небосклону». В «Зеленом Шуме» Некрасов впервые обратился к стиху — трехстопному ямбу с мужским и дактилическим окончаниями, которым позднее он написал свою знаменитую поэму — эпопею народной жизни — «Кому на Руси жить хорошо». *Верховой ветер* — ветер, дующий с берега. Многократно положено на музыку.

Что думает старуха, когда ей не спится. Впервые — «Современник», 1863, № 3, с. 203—204.

«В полном разгаре страда деревенская...». Впервые — «Современник», 1863, № 4, с. 557—558, под заглавием «Страда».

Жбан — кувшин с крышкой.

Кумушки. Впервые — «Солдатская беседа», 1863, № 1, с. 31—32.

Кубарь — детская игрушка, волчок.

Песня об «Аргусе». Впервые — «Современник», 1863, № 4 («Свисток», № 9, с. 67—71), первая редакция, под заглавием: «Песня об «Очерках» (Из лирической драмы «Видение на Неве»)», подпись: «Савва Намордников». В стихотворении отражен эпизод из истории русской прессы 1860-х гг. Цензор Амплий Николаевич Очкин, имевший репутацию человека «благонамеренного», тридцать лет редактировал официальную газету «С.-Петербургские ведомости». Выйдя в отставку, он стал издавать свою газету — «Очерки». Для привлечения подписчиков Очкин решил придать газете легкий либеральный оттенок, поэтому в качестве редактора был приглашен публицист демократического направления Г. З. Елисеев (впоследствии — народник). Елисеев в свою очередь привлек к сотрудничеству в газете П. Л. Лаврова, А. П. Щапова, А. И. Левитова, Н. Г. Помяловского, М. А. Антоновича. Таким образом, неожиданно для издателя «Очерки» стали радикальнейшей газетой. Напуганный Очкин пытался уговорить Елисеева изменить направление издания. Журналисты-демократы, разумеется, отказались от этого. Очкин оказался вынужденным прекратить издание, часть подписчиков получила обратно деньги за подписку, часть удовлетворилась предложенной издателем взамен «Очерков» подпиской на либеральную газету Н. Г. Писаревского «Современное слово». В тексте «Современника» газета имела свое подлинное название, вместо: *«Гибель, несчастный, тебе!..»* было напечатано: *«Гибель, о Амплий, тебе!..»*.

С места квартального — сатира Некрасова подчеркнута тем, что герой выбирает между «либеральной» журналистикой и мелким полицейским чином квартального надзирателя, при этом намекается на дополнительный доход квартального — поборы с населения. *Пренумерант* — подписчик. *Пускается в свист* — намек на сатиру «Свистка». *По мосткам против крепости.* Некрасов сатирически подчеркивает опасения издателя оказаться в тюрьме за радикальное направление газеты. Имеется в виду Петропавловская крепость. *Плашкоут* — широкое плоскодонное судно, употреблявшееся

для перевозок по рекам. Плашкоуты на Неве соединяли, превращая во временные мосты. (Единственным постоянным мостом через Неву во времена Некрасова был нынешний мост Лейтенанта Шмидта). *Выя* — шея. *Меч дамоклесов* — неизбежная угроза. Восходит к древнегреческой легенде о тиране Дионисии, который заставлял своего придворного Дамокла сидеть под мечом, подвешенным на тонкой нити над его головой. Таким образом Дамокл должен был проникаться чувством опасности, которая постоянно грозит правителю-тирану. *Конюшенная* — улица в Петербурге. *Действительный статский советник*. По «Табели о рангах», введенной Петром I в России,— чин гражданской службы, соответствовавший армейскому генерал-майору. *Охтенка* — жительница Охты, предместья Петербурга. Охта снабжала столицу молочными продуктами. Сравни у Пушкина: *С кувшином охтенка спешит... Билет* — здесь: квитанция на подписку. *Ракалии* (бранное) — негодяи, подлецы. *Регалия* — сорт дорогих сигар. *И засвистал, засвистал!* — еще один намек на сатиры «Свистка».

Из автобиографии генерал-лейтенанта Федора Илларионовича Рудометова 2-го, уволенного в числе прочих в 1857 году. Впервые — «Современник», 1863, № 4 («Свисток», № 9, с. 67—71), в другой редакции, под заглавием: «Мое желание (романс господина, обиженного литературой)», подпись: «Савва Намордников». Во время подготовки издания «Стихотворений» 1873—1874 гг. Некрасов добавил к заглавию после: «в 1857 году» слова: «и в 1866 году вновь призванного на службу отечеству», которые тут же зачеркнул, понимая, что они не могут быть пропущены цензурой. Сатира Некрасова направлена против всей политики царского правительства в области просвещения. Образ Рудометова перекликается с грибоедовским Скалозубом (*«Фельдфебеля в Волтеры дам»*) и близок помпадурам Салтыкова-Щедрина. *Рудометов* — фамилия, указывающая на цензурные «кровопускания» русской литературе, ассоциирующаяся у Некрасова с красным карандашом цензора (*«Это кровь ... проливается»* — «О погоде»). Не случайно в приписке к названию и указание на 1866 г. — год закрытия передовых журналов: «Русское Слово», «Современник», покушения Каракозова, массовых арестов. *Разводы* — см. прим. к стих. «Новости». *И мощь мою — и крепость*. Каламбур. Современники воспринимали его не только как указание на физическую крепость генерала, но и на Петропавловскую крепость.

Калистрат. Впервые — «Современник», 1863, № 9, с. 313. В том же 1863 г. цензура запретила перепечатку «Калистрата» в «Русской книжке», составленной известным фольклористом, этнографом, пропагандистом и революционером И. А. Худяковым как хрестоматия для народного чтения.

Неоднократно положено на музыку (М. П. Мусоргский и др.). *Носит лапти с подковыркою*. В отличие от обычных лаптей, плетенных в два ряда, лапти с подковыркою плелись в три ряда.

Пожарище. Впервые — «Современник», 1863, № 10, с. 519—520.

Лошадка заводская, т. е. породистая лошадь. Селекцией лошадей занимались на специальных конных заводах. *Столб уце-*

лел — столб на въезде в деревню с ее названием и именем владельца. *Видны портреты* и т. д.— распространенные в то время лубочные картинки, изображающие военных героев. *Блюхер* Г. Л.— прусский фельдмаршал, прославился в битве при Ватерлоо (1815 г.). Его лубочное изображение упоминает Некрасов также в поэме «Кому на Руси жить хорошо» (глава «Сельская ярмонка»). *Забалканский* — русский генерал-фельдмаршал И. И. Дибич, прозванный Забалканским за переход через Балканы в русско-турецкую войну 1829 г.

Орина, мать солдатская. Впервые — «Современник», 1864, № 2, с. 573—576, под заглавием: «Горе старой Орины», без эпиграфа. Содержание стихотворения было остро-злободневным, оно писалось во время проведения военных реформ, значительно сокративших срок службы в армии. Поэтому цензура настороженно отнеслась к этому произведению, и в № 11 «Современника» за 1863, для которого оно предназначалось, стихотворение опубликовано не было. Сестра поэта А. А. Буткевич писала в своих воспоминаниях: «Орина, мать солдатская сама ему рассказывала свою ужасную жизнь. Он говорил, что несколько раз делал крюк, чтобы поговорить с ней, а то боялся сфальшить».

Вышло молодцу в бессрочные — был уволен из военной службы без срока по болезни. *Бесталанная* — неудачливая, несчастливая. *«Не белы снежки»* — старинная народная песня «Не белы-то снежочки забелилися...» *Артикул ружьем выкидывал* — т. е. демонстрировал, как на учениях, ружейные приемы.

Памяти Добролюбова. Впервые — «Современник», 1864, № 11—12, с. 276, с цензурным пропуском стихов от: *«Года минули, страсти улеглись...»* до: *«Совмещены в нем были благодатно...»* и искажением: *«Учил ты жить для славы, для отчизны»*. Вследствие этого искажения изменился и первый стих: *«...ты на рассвете жизни»*. В первой публикации заглавие отсутствовало, но был подзаголовок: «(Отрывок)» и эпиграф из стихотворения Добролюбова:

«Милый друг, я умираю,
Но спокоен я душою
И тебя благословляю —
Шествуй тою же стезею...»

Эпиграф подписан: «Д». Позднее Некрасов написал примечание: «Надо заметить, что я хлопотал не о верности факта, а старался выразить тот идеал общественного деятеля, который одно время лелеял Добролюбов». В. И. Ленин эпиграфом к некрологу Фридриха Энгельса избрал строки: *«Какой светильник разума погас, // Какое сердце биться перестало!»*.

Возвращение. Впервые — «Современник», 1865, № 9, с. 32. Написано в 1864 г. по возвращении Некрасова из-за границы и под впечатлением от поездки в Карабиху осенью того же года. Автограф этого стихотворения Некрасов послал В. А. Панаеву (о нем см. прим. к стих. «Родина», т. 1). Под стихотворением — приписка: «Здоров ли ты? Вот тебе стихи. Из них ты увидишь, что я не очень весел. Некрасов».

Железная дорога. Впервые — «Современник», 1865, № 10, с. 547—552, с подзаголовком: («Посвящается детям»), с фиктивной датой «1855» и с цензурными пропусками. Во всех прижизненных изданиях, кроме первой публикации, эпиграф оканчивался другим ответом «Папаши»: «Инженеры, душенька!». Эта замена, безусловно, цензурного происхождения. Первой претензией цензора Ф. П. Еленева к «Железной дороге» был эпиграф. В своем донесении он писал: «Хотя прямой смысл этого эпиграфа в связи со стихотворением не заключает в себе оскорбления для бывшего главноуправляющего путями сообщения, но некоторые могут видеть здесь другой, скрытый смысл; во всяком случае подобное выставление имен высших правительственных лиц крайне неуместно». Еще в мае 1864 г. Некрасов пытался опубликовать поэму, но цензурный комитет запретил печатание. Она появилась в «Современнике» после отмены предварительной цензуры и сразу же стала причиной второго предостережения журналу (после третьего предостережения журнал подлежал закрытию). Такая реакция цензуры, по мнению современного исследователя, объясняется еще и тем, что для современников Некрасова и официозных историков было характерным возвеличивание роли Николая I в деле строительства Петербургско-Московской (Николаевской), первой в России, железной дороги (время строительства — 1842—1852 гг.). Таким образом, неназванное в поэме имя царя, претендовавшего на честь создателя дороги, присутствовало в читательском сознании. Включаясь в спор — «Кто строил эту дорогу?» — Некрасов называет подлинного создателя — народ. По своему содержанию поэма перекликается с тем, что писали о строительстве железных дорог Н. А. Добролюбов («Опыт отучения людей от пищи», 1860) и В. А. Слепцов («Владимирка и Клязьма», 1861) и др. О революционизирующем влиянии поэмы на молодежь писал, вспоминая свою юность, Г. В. Плеханов: «Я был тогда в последнем классе военной гимназии. Мы сидели после обеда группой в несколько человек и читали Некрасова. Едва мы окончили «Железную дорогу», раздался сигнал, звавший нас на фронтовое учение... Когда мы стали строиться, мой приятель С. подошел ко мне и, сжимая в руке ружейный ствол, прошептал: „Эх, взял бы я это ружье и пошел бы сражаться за русский народ!"». Интересен взгляд на поэму историка М. Н. Покровского. Он увидел в «Железной дороге» «теорию трудовой стоимости в стихах, написанную человеком, наверное, в глаза не видавшим ни одной работы Маркса... «Железную дорогу»,— писал Покровский в 1929 г.,— знают все наизусть, но все ли замечают, что в ней дано опять-таки в каких-нибудь двух сотнях изумительно сильных строк, все капиталистическое общество, от его базы, пролетариев, согнанных «с Волхова, с матушки-Волги, с Оки, с разных концов государства великого», до его верхушки, в образе «толстого, присадистого, красного, как медь», подрядчика, не минуя промежуточного слоя, «грамотея-десятника»... Если бы Некрасов ничего не написал, кроме «Железной дороги», он стоил бы, чтобы пролетарская революция поставила ему памятник».

В пальто на красной подкладке. Некрасов этой деталью подчеркивает, что герой одет по правилам того времени, в соответствии со своим генеральским чином. Одежда Вани — кучерской армячок — дань моде, выставляющей напоказ мнимое народолюбие.

В обаянии — здесь: в прекраснодушном неведении. *Десятник* — старший над группой рабочих. *Ратник* — воин. *Видел я в Вене святого Стефана.* Собор святого Стефана — архитектурная достопримечательность Вены. *Или для вас Аполлон Бельведерский // Хуже печного горшка.* Перефразированные строки из стихотворения Пушкина «Поэт и толпа». *Термы* — древнеримские бани. *Лабазник* — торговец, владелец лабаза. *Недоимка* — здесь: невзысканные с рабочих долги.

Притча о Ермолае трудящемся. Впервые — «Стихотворения», 1869, ч. 4, с. 169.

Начало поэмы. Впервые — «Стихотворения», 1869, ч. 4, с. 239—240, под рубрикой: «Отрывки». *В Италии писал о русских ссыльных.* Некрасов имеет в виду поэму «Несчастные», которую он написал в Риме в 1856 г. *То запах дегтя с сеном пополам... Чу! воз скрипит!* Те же детали возникают при воспроизведении родного пейзажа и в стихотворении «Рыцарь на час» (*«Чу! Стучит проезжающий воз, Дегтиком потянуло с дороги...»*).

О погоде. Впервые — часть первая: «Утренняя прогулка» — «Современник», 1859, № 1, с. 307—311, без эпиграфа, с посвящением П. А<нненко>ву, «До сумерек» — «Современник», 1859, № 2, с. 507—512, «Сумерки»,— «Современник», 1859, № 3, с. 5—8; часть вторая — «Крещенские морозы» — «Современник», 1865, № 2, с. 541—545, «Кому холодно, кому жарко!» — «Современник», 1865, № 3, с. 235—239, с ремаркой после текста: «(продолжение впредь)». Эта ремарка и первоначальный подзаголовок к первой части: («вступление к сатирам») указывают на незавершенность цикла. Некрасов предполагал создать большой цикл сатир, в которых предстали бы обличительные картины пореформенной России. С этим замыслом связаны также сатиры «Балет» и «Газетная» и отдельные фрагменты, позднее вошедшие в поэму «Недавнее время». Но многие темы, намеченные в первых сатирах, Некрасов не мог подробно разработать по цензурным причинам, поэтому большой цикл распался, от него обособились отдельные сатирические стихотворения и часть этого общего цикла — сатиры, объединенные названием «О погоде». Между первой и второй частью «О погоде» предполагалась еще одна, связующая сатира, а завершать произведение должны были две сатиры, в которых поэт намеревался затронуть вопрос о петербургских пожарах 1862 г. и прокатившейся в связи с ними волной обысков и арестов. Они не были написаны, но тема петербургских пожаров возникает в «Газетной» и «Недавнем времени». В «Современнике» «О погоде» напечатано с рядом цензурных искажений. В «Утренней прогулке» вместо: *«Да попу, да на гроб, да на свечи»* было: *«Да на гроб, да на саван, на свечи»*, вместо: *«Да господь как захочет обидеть»* — *«Да судьба как захочет обидеть»*. В корректуре I главки «До сумерек» цензор вычеркнул четыре строки, из-за чего отрывок в восемь строк от: *«Муж, супругою страстно любимый»* до: *«В спину бедного Ваньки стучит»* Некрасов вынужден был заменить строкой точек. Вместо: *«Тут жандарм-*

ский седой генерал» напечатано: *«Тут какой-то седой генерал»*, вместо: *«Сдали парня?»* было: *«Чу, прощанья»*. Из первой публикации Некрасов устранил строки о взаимоотношениях цензора и Краевского и также, вероятно, по соображениям автоцензуры, в печатный текст не вошло следующее за этими строками четверостишие — слова рассыльного Миная о Белинском:

> Нет, шалишь: это дело ученое,
> Чья возьмет, попытаем сперва,
> Не гляди, что лицо-то зеленое,—
> Человек-голова!

В «Сумерках» вместо стиха: *«Словно цепи куют на несчастный народ»* напечатано: *«Словно общая гибель идет»*. В сатире «Кому холодно, кому жарко!» строка: *«Где катаются сами цари»* по требованию цензуры заменена на: *«Где катаются моды цари»*.

Утренняя прогулка. *Слава богу, стрелять перестали!* Выстрелами из пушек Петропавловской крепости жители столицы оповещались о подъеме воды в Неве и опасности наводнения. *Исакиев мост* — наплавной мост через Неву против Исаакиевского собора. *Там одной незаметной могилы* и т. д. Речь идет о могиле В. Г. Белинского на Волковом кладбище, долгое время остававшейся затерянной даже для друзей и почитателей великого критика. До сумерек. *Тесак* — один из видов оружия в царской армии, род большого кинжала с прямым и широким клинком. *Ванька* — извозчик. *Под жестокой рукой человека* и т. д. Эта подглавка была напечатана как самостоятельное стихотворение под заглавием: «Городская кляча» в издании Некрасова «Красные книжки». *Федотов* П. А.— художник-жанрист. *Тут бедняк итальянец с фигурами* — продавец гипсовых статуэток, такой итальянец — уличный разносчик выведен Некрасовым в его водевиле «Актер». *Рассыльный Минай* — вероятно, реальное лицо, о нем Некрасов пишет также в «Песнях о свободном слове». *Много было до сорок девятого; // Отдохнули потом... да опять // С пятьдесят этак прорвало с пятого.* Речь идет об эпохе цензурного террора (1848—1855 — «мрачное семилетие»), когда значительно сократилась печатная продукция. Доцензурный вариант этих строк: *«Заколодило с сорок девятого, // Отдыхали лет семь да опять»*. *Я «Записки» носил с основания.* Журнал «Отечественные Записки» был основан в 1818 г. П. П. Свиньиным. *То носил к Александру Сергеичу.* Журнал «Современник» был основан Пушкиным в 1836 г. *А теперь уж тринадцатый год* и т. д. Речь идет о Н. А. Некрасове, с 1847 г. редактировавшем «Современник». Редакция журнала и квартира Некрасова помещались с 1857 г. на Литейной улице в доме А. А. Краевского (теперь — Литейный проспект, № 36). *Все зарезать друг дружку стараются.* Имеется в виду мелочная перебранка журналов, ставящая своей целью «перебить» подписчиков у конкурентов. Некрасов писал об этом в стихотворении «Деловой разговор». *А рассыльный таскай шестьдесят.* Намек на то, что цензура вымарывала представленное к печати и содержание журнала приходилось почти полностью обновлять. *Фрейганг* А. И.— цензор. *Краевский* А. А.— редактор-издатель «Отечественных Записок». *На Исакия смотрит, крестясь.*— На Исаакиевский собор. *Знал Булгарина, Греча, Сенков-*

ского, // У Воейкова долго служил. Булгарин, Сенковский — см. прим. к стих. «Говорун», т. 1. Греч Н. И.— историк литературы, беллетрист, основатель журнала «Сын отечества» и (вместе с Булгариным) газеты «Северная пчела». Воейков А. Ф.— поэт, переводчик и журналист. *Если красные встретит кресты* — цензорские вычеркивания красным карандашом. *Да близ медной статуи Петра* и т. д. Речь идет о просителях, собравшихся у входа в Сенат на площади у памятника Петру I («Медный всадник» на Сенатской площади, теперь — площади Декабристов). С у м е р к и. *До чугунных коней на воротах застав.* Имеется в виду колесница на Триумфальных Нарвских воротах. *Там торчит Веллингтонов сапог.* Сапог для верховой езды, изображенный на вывеске сапожника. *С открытою грудью Диана.* Восковая фигура в витрине парикмахерской. *И кондуктор с трубой.* Сигналы дилижансов и почтовых карет подавались особым рожком. *Ты знаком уже нам, петербургский бедняк* и т. д. Речь идет об одном из произведений «натуральной школы», изображающем жизнь городского труженика. Возможно, имеется в виду какой-нибудь очерк из изданного Некрасовым сборника «Физиологии Петербурга». К р е щ е н с к и е м о р о з ы. *Самоед на Неве удивляется.* Самоедами называли ненцев. Зимой в Петербурге, на невском льду, располагалось несколько ненецких семейств, зарабатывающих на жизнь тем, что они устраивали катание по реке на оленях. *Вспомним Бозио.* Анджолина Бозио — известная итальянская певица, с большим успехом выступавшая на петербургской сцене. В 1859 г. она простудилась и умерла. Похоронена в России. *Известья из Вильно.* Под заголовком «Из Вильно» в газетах печатались материалы о подавлении польского восстания 1863 г. *Муравьев* М. Н.— генерал-адъютант, в 1863—1865 гг. генерал-губернатор Северо-Западного края, кровавый усмиритель восставших поляков, прозванный «Вешателем». *Катков* М. Н.— редактор газеты «Московские Ведомости», на страницах которой превозносились действия Муравьева-Вешателя. К о м у х о л о д н о, к о м у ж а р к о. *Девы из Риги.* Условное наименование проституток. *Над Думой // Показались два красных шара.* При возникновении пожара над городской думой поднимали красные деревянные шары. Их количество и сочетание обозначало ту часть города, где возник пожар, и его силу.

«Я в н о р о д с т в е н н ы с з е м л е й...». Впервые — «Стихотворения», 1873—1874, ч. 6, с. 234, с цензурной купюрой в предпоследней строке, печаталось: «————*ских орлов*». Написано после введения в действие положения о земствах — местном самоуправлении (1864), которое возложило на крестьянские общины ряд государственных повинностей, что способствовало капиталистическому закрепощению «освобожденного» крестьянства. Дворянство от этих повинностей было освобождено.

«Весть» — петербургская газета, издававшаяся В. Д. Скарятиным и Н. Н. Юматовым, рупор крупного дворянства. Герцен дал ей название — «газета неокрепостников».

Г а з е т н а я. Впервые — «Современник», 1865, № 8, с. 505, с подзаголовком «Сатира 12», с цензурными искажениями. По первоначальному замыслу — часть сатиры «Клуб», которая должна была войти в большой цикл сатир (см. прим. к стих. «О погоде», с. 381). *Газетная* — название одной из комнат Английского клуба,

предназначенной для чтения газет и журналов. Следующая часть сатиры должна была называться «Игорная». Появление «Газетной» связано с вступлением в действие нового закона о печати (см. прим. к стих. «Песни о свободном слове», с. 388). Стихотворение было опубликовано в первой же освобожденной от предварительной цензуры книжке «Современника». Готовя «Газетную» к печати, Некрасов смягчил наиболее острые в цензурном отношении стихи, возможно, под влиянием или по совету какого-нибудь неофициального цензора. Так, в рукописи было: «*Вместо северный скверный орел*», затем в наборной рукописи исправлено: «*Вместо северный скверный народ*», в печати же появилась строка, не вызывающая политических ассоциаций: «*Вместо северный скверный полет*». Слова: «*ты сын палача*» зачеркнуты в наборной рукописи, вместо них появилось: «*а кто твой отец?*» и т. п. Намеренные искажения не спасли «Газетную» от цензурных репрессий. В докладе цензора, члена Совета Главного управления по делам печати В. Я. Фукса сатира была названа среди «зловредных» статей и особое внимание было обращено на то, что в ней «изображено в крайне оскорбительном виде существующее, а следовательно охраняемое силою закона звание цензора». «Газетная» — это одно из произведений, напечатанных в №№ 8 и 9 «Современника», за которые журналу было объявлено первое предостережение. Правда, в опубликованном тексте этого предостережения стихотворение не названо, но произошло это потому, что главе цензурного ведомства было неудобно расписаться «в получении оплеухи». Публикацию «Газетной» в издании стихотворений 1869—1873 гг. Некрасов вынужден был сопроводить кратким предисловием: «Само собою разумеется, что лицо цензора, представленное в этой сатире,— вымышленное и, так сказать, исключительное в ряду тех почтенных личностей, которые, к счастью русской литературы, постоянно составляли большинство в ведомстве, державшем до 1865 года в своих руках судьбы всей русской прессы». Это утверждение воспринималось читателями как ироническое.

Прав доныне старик Грибоедов... Имеются в виду строки из комедии «Горе от ума» — слова Фамусова: «*Ей сна нет от французских книг, // А мне от русских больно спится —*». *Просто Толстой* — Ф. М. Толстой, беллетрист, композитор и музыкальный критик, член Совета Главного управления по делам печати, негласный цензор «Современника», а затем (до 1872 г.) «Отечественных Записок». *Что явилась потребность субсидий.* В 1860-е гг. ряд газет и журналов Петербурга и Москвы получал правительственные субсидии на издание. Эти субсидии являлись формой правительственного подкупа печати. *Исполать!* — Слава, хвала! *Кто идею свободы с поджогом* и т. д. Причиной нескольких больших пожаров, происшедших в Петербурге весной 1862 г., реакционная печать объявила «поджоги», которые производились «нигилистами» — революционной молодежью. Эту клевету печатно разоблачали, кроме Некрасова, Герцен в «Колоколе» и другие деятели революционно-демократического направления. *Кто на тему: вино и свобода // На народ напечатал донос.* Имеются в виду статьи реакционной печати, обвинявшие народ в повальном пьянстве, лени и т. д., как результате «свободы» — крестьянской реформы 1861 г. *Нам Катков предстоит великаном, // Мы Тургенева кушать зовем...* М. Н. Катков, редактор — издатель газеты «Московские Ведомо-

сти» и журнала «Русский Вестник» выражал интересы дворянства и крупного чиновничества, его статьи пользовались авторитетом в кругах высшей русской бюрократии и поместного дворянства. Сближение имен Каткова и Тургенева, возможно, произошло у Некрасова потому, что роман Тургенева «Отцы и дети», воспринятый частью демократической читающей публики как «антинигилистический», был напечатан в журнале Каткова. *«Инвалид»* — официальная газета «Русский Инвалид», издававшаяся Военным министерством. Печатала сообщения о наградах, служебных назначениях. *Маколей* Т.— английский политический деятель, публицист и либеральный историк. *Гизот (Гиво)* Ф.— либеральный французский историк и политический деятель. В трудах Гизо, однако, намечена тенденция объяснения исторического процесса борьбой классов. *Прудон* П.— французский социалист, теоретик анархизма. *Тьер* А.— французский политический деятель, буржуазный историк. Труды названных историков, публицистов и общественных деятелей, отнюдь не отличающихся революционными взглядами, широко переводились в России в 1860-е гг. «Тощий человечек» Некрасова, служивший в цензурном комитете в годы «Мрачного семилетия» («занимаясь семь лет этим дельцем»), вспоминает о периоде, когда, по словам И. А. Гончарова, «о Прудоне говорили втихомолку, запрещали Маколея... даже, кажется, Гизо!» *К государственной росписи смеют...* Намек на сильно искаженную цензурой статью Чернышевского о «Государственной росписи доходов и расходов», посвященную анализу русского государственного бюджета. В прижизненных изданиях вместо этой строки печаталось: *«К украшенью империи смеют». А то, если б пустить по порядку...* Намек на то, что рукопись следовало не возвращать автору, а по установленному порядку передать в Третье отделение. *Канупер* — сильно пахнущее растение. *Что их грамоте рано учить!* В 1860-е гг. остро стоял вопрос о необходимости образования для крестьянства, его мере и степени, причем реакционная часть дворянства начисто отрицала необходимость даже элементарной грамоты «для мужика». *Фейербах* Л.— немецкий философ, материалист и атеист. Его сочинения были в России запрещены. *«Равнодушно // Губернатора встретил народ»* и т. д. В этих строках нет сатирического преувеличения. Уже в следующем, девятом номере «Современника» были опубликованы записки С. Н. Глинки «Мое цензорство», где автор, в частности, пишет: «Можно ли, чтобы кто-нибудь написал: «я не люблю бога, я не люблю царя?» Но если б... это и случилось, тогда цензор благомыслящий вычеркнул бы частицу «не», и осталось бы: я люблю бога, я люблю царя».

Притча о «Киселе». Впервые — «Отечественные Записки», 1868, № 1, с. 1, с цензурными пропусками стихов: *«Царю — владыке своему», «И императорская благость», «Гонял говеть актеров в пост», «Сам царь шутя сказал однажды», «Для поднесения царю», «К великой горести царя».* В последующих изданиях эти стихи публиковались с заменами. Царь заменялся на пашу, хана или визиря, печаталось: *«И краем правящая благость», «Вниманье обращал на рост»* и т. д. Трудно назвать какого-либо одного прототипа некрасовской сатиры. Образ Киселя — обобщенный. В одном из последних исследований содержится утверждение, что в «боевой» предыстории героя стихотворения отразились черты

М. Н. Муравьева — усмирителя польского восстания 1863 г. Современники могли узнать в этом образе и директора императорских театров в 1858—1863 гг. А. И. Сабурова, развратника, «торговавшего» актрисами, и сменившего его на этом посту А. М. Борха, отличавшегося крайним самодурством, и К. К. Кистера, служившего в конной гвардии, а затем назначенного помощником директора императорских театров, и некоторых других чиновников.

Актрисам стричься воспретил и т. д. Запрет женщинам коротко стричь волосы, исполнять мужские роли, так же, как и запрет исполнения мужчине женских ролей — характеристика показного благочестия Киселя, строго следовавшего церковным канонам, обязывающим соблюдать различия полов в одежде, прическе и т. д., противоречащим сути театрального искусства перевоплощения. «...*Как дал я Мельпомене // И Терпсихоре — Киселя!*» Мельпомена — в античной мифологии муза, покровительница театра; Терпсихора — муза танцев и хорового пения. Каламбур: дать киселя — дать подзатыльник. *Ликург* — законодатель древней Спарты. Законы Ликурга отличались большой суровостью. *Ушло три бронзовых коня.* Квадрига Аполлона на фронтоне Александринского театра была снята на время ремонта театра в 1860-е гг. Позднее они находились в саду смотрителя зданий дирекции театров Крутицкого.

Балет. Впервые — «Современник», 1866, № 2, с. 606—618. По первоначальному замыслу «Балет» входил в большой цикл сатир (см. прим. к стих. «О погоде», с. 381), оставшийся незавершенным. В процессе подготовки к публикации текст стихотворения подвергся автоцензуре, особенно тщательной в виду отмены предварительной цензуры печати. Так, было опущено четверостишие от слов: «*Чу! клячонку хлестнул старичина...*» В рукописи после стиха: «*Улыбаешься... Полно, дитя!*» следовало:

Смейся, хлопай, покрикивай с нами!
Глупо злиться на этих людей:
Легче сердце их тронуть ногами,
Чем суровою песнью твоей!

Весьма вероятно, что вместе с Некрасовым текст стихотворения просматривал Ф. М. Толстой — член Совета Главного управления по делам печати. В рукописи есть несколько помет красным карандашом, сделанных, возможно, им. Отмеченные стихи Некрасовым были сняты. По выходе стихотворения в свет Ф. М. Толстой в отзыве на очередной номер «Современника» весьма мягко охарактеризовал «Балет»: «В конце... сатиры Некрасова проглядывает некоторая тенденциозность, а именно обычное для «Современника» напускное, преувеличенное сердоболие к горькой доле русского мужичка (по поводу рекрутских наборов) — но в поэтической картине, изображенной по сему случаю, нет ничего особенно возмутительного или вызывающего». Эпиграф — неточная цитата из «Евгения Онегина». Неточность цитирования, вероятно, преднамеренна: Некрасов акцентирует третью строку эпиграфа в связи с общим замыслом стихотворения. У Пушкина: «Однако ножка Терпсихоры» (без выделения курсивом).

Спектакль бенефисный. Бенефис — спектакль, сбор от которого поступает в пользу одного из актеров, игравшего в нем обычно главную роль. «*Бриллиантовый ряд*» — лучшие места в театраль-

ном зале, в некрасовское время абонировавшиеся знатью и крупными дельцами, промышленниками, железнодорожными концессионерами. *И мышиный жеребчик (так Гоголь* и т. д.) — в «Мертвых душах» Гоголь пишет о Чичикове: «семенил ножками, как обыкновенно делают маленькие старички щеголи на высоких каблуках, называемые мышиными жеребчиками, забегающие весьма проворно около дамы». Строки Пушкина в эпиграфе и обращение к гоголевскому образу в тексте сатиры подчеркивают контраст театра пушкинской эпохи театру эпохи Некрасова, выявляют восприятие мира театра и театральной публики сквозь призму гоголевской сатиры. Театр Некрасова полон гоголевскими «мертвыми душами». Появление героя сатиры в театре: *«Мы вошли среди кликов и плеска»* — и т. д. напоминает появление в театре Онегина: *«Театр уж полон; ложи блещут; // Партер и кресла, все кипит; // В райке нетерпеливо плещут...»* *Суворов* А. А.— внук А. В. Суворова, генерал-губернатор Петербурга в 1861—1866 гг. Профессор С.-Петербургского университета и цензор А. В. Никитенко писал о нем: «поддерживает воров, мошенников, разумеется из гуманных видов». *Чтоб я стих мой подделкою серий* и т. д. Речь идет о фальшивых денежных знаках, в значительном количестве появившихся в обращении в середине 1860-х гг. *«Не белы-то снеги»* — народная песня. *Камелия* — здесь: женщина легкого поведения. От героини романа А. Дюма-сына «Дама с камелиями». *Бокль* Г.— английский философ-позитивист. Его труд «История цивилизации Англии», написанный с позиций буржуазного парламентского либерализма, был популярен в кругах русского либерального дворянства и буржуазии. В реакционных кругах перевод сочинения Бокля расценивался как попытка «потрясти нравственные понятия, в которых мы были воспитаны». Отсюда презрительная характеристика Бокля соседом героя стихотворения — генералом. *Петипа* М. (урожд. Суровщикова) — балерина Мариинского театра. *Но явилась в рубахе крестьянской // Петипа...* Речь, возможно, идет о её бенефисе 31 января 1865 г., где актриса исполняла танец «Мужичок», переходивший из одного балета в другой. Исполнение в ложно-русском стиле соответствовало официальному русофильству, импонировало публике театра. По словам современников, партер пришел «в какое-то исступленное состояние; от криков «браво» можно было оглохнуть...» *Бернарди* Р.— артистка петербургской итальянской оперы. *«Дева Дуная»* — балет А. Адана. *Роллер* А. Н.— главный машинист и художник-декоратор Мариинского театра.

«Ликует враг, молчит в недоуменьи...». Впервые — «Стихотворения», 1869, ч. 4, с. 241, с мистифицирующим подзаголовком: «(Из Ларры)» (см. прим. к стих. «Я за то глубоко презираю себя...», т. 1). После неудавшегося покушения Д. Каракозова на Александра II (4 апреля 1866 г.) в стране наступила эпоха правительственного террора. Чтобы спасти «Современник», Некрасов совершил поступок, о котором впоследствии мучительно сожалел. 16 апреля он принял участие в чествовании М. Н. Муравьева-Вешателя и прочитал в Английском клубе обращенные к нему стихи. Их текст не дошел до нас, он был сразу же уничтожен поэтом. По свидетельству А. Н. Пыпина, стихотворение «Ликует враг, молчит в недоуменьи...» Некрасов написал в тот же день, что и стихи Муравьеву.

Песни. Впервые: «Сват и жених» — «Отечественные Записки», 1868, № 4, с. 531—532; «Гимн» — «Отечественные Записки», 1868, № 12, с. 322; полностью — «Стихотворения», 1869, ч. 4, с. 174—182. Первые четыре песни написаны в фольклорном стиле, однако не являются обработкой фольклорного материала. Это самостоятельное творчество Некрасова в духе фольклора. Стихотворение «Катерина» стало народной песней и вошло в многочисленные песенники. Оно полемично по отношению ко многим фольклорным песням, где поется о терпении и покорности несчастной и бесправной женщины в семье мужа, а также по отношению к славянофильским концепциям, возводящим смирение перед судьбой в ранг высшей добродетели. Именно под таким углом зрения славянофильский критик Т. И. Филиппов анализировал народную песню «Взойди, взойди, солнце, не низко, высоко!». Особое умиление у него вызвал ответ брата на жалобы бесправной сестры: «Потерпи, сестрица! потерпи, родная!». Некрасов создает в «Катерине» образ совсем другой женщины: смелой и презирающей насилие. Возможно также, что «Катерина» направлена против пьесы А. Н. Островского «Не так живи, как хочется», в которой отразились славянофильские иллюзии драматурга. К. И. Чуковский считал, что Некрасов в стихотворении «Молодые» развернул в сюжетный рассказ прибаутки, зафиксированные в сборнике Даля: «Скотины — таракан да жуколица; посуды — крест да пуговица; одежи — мешок да рядно». Однако по композиции и художественным приемам произведение скорее восходит к сатирическим «Росписям о приданом», которые существовали в фольклоре и в лубочных картинках еще в XVII в., а в XIX в. вошли в репертуар балаганных зазывал. «Сват и жених» восходит к стихотворению Пушкина «Сват Иван, как пить мы станем...».

Лепота (устар.) — красота. *Мошна* — мешочек для денег. *Посконь-дерюга* — домотканый холст. *Полати* — широкие нары для спанья, устраиваемые в избах под потолком. *Щедровита* — рябая лицом.

Песни о свободном слове. Впервые «Современник», 1866, № 3, с. 5—20 в следующем составе: «Рассыльный», «Наборщики», «Журналист-руководитель», «Журналист-рутинер», «Поэт», «Литераторы», «Фельетонная букашка», «Публика». Строка: *«Таскали даже ко двору»* была заменена в журнале другой: *«Пришлось им всем не по нутру»*, в последующих изданиях печаталась в усеченном виде. «Осторожность» и «Пропала книга» впервые — «Отечественные Записки», 1868, № 3, с. 313—315 и № 4, с. 635—636. В настоящем составе — «Стихотворения», 1869, ч. 4, с. 65—98, строки: *«Что ж это смотрит Валуев, // Как этот автор терпим?»* были заменены двумя строками точек, так как «Песни о свободном слове» просматривал перед публикацией сам министр внутренних дел П. А. Валуев. Изменения в цикле были обусловлены тем, что стихотворения «Осторожность» и «Пропала книга» острее и конкретнее выражали идеи прежних частей цикла: «Журналист-руководитель» и «Журналист-рутинер». Появление «Песен о свободном слове» связано с принятием закона о печати от 6 апреля 1865 г. Согласно этому закону периодические издания могли быть освобождены от предварительной цензуры (под денежный залог). Они просматривались уже в отпечатанном виде. Вся ответственность за опублико-

ванные материалы ложилась теперь на издателей и редакторов. Карательные органы цензуры получали право отдавать редакторов и авторов неугодных статей под суд, вырезать неугодные публикации из отпечатанной уже книжки или уничтожать всю «вредную» книжку, объявлять периодическому изданию «предостережение» (после третьего предостережения периодическое издание могло быть закрыто). Реформа значительно усложнила положение печати. Предостережения одно за другим посыпались на газеты и журналы даже либерального и реакционного направлений. «Современник» получил два предостережения в первые месяцы действия нового закона. Над журналом нависла угроза запрещения. Поэтому материалы журнала, в том числе и цикл «Песни о свободном слове», перед публикацией Некрасов представил на предварительный просмотр министру внутренних дел П. А. Валуеву. Таким образом, «бесцензурное» положение журнала оказалось фикцией. В скором времени усиление политической реакции в стране после неудавшегося покушения на Александра II привело к закрытию наиболее демократических органов печати, в том числе и «Современника». Рассыльный. *Николаевский мост* — тогда единственный постоянный мост через Неву (современное название — мост Лейтенанта Шмидта). *Минай.* См. прим. к стих. «О погоде» (с. 381). Литераторы. *Входя в какой-то магазин.* Первоначально в рукописи этот стих имел вид: *«(Писцов, Дворянчиков, Кутьин)»*, что указывало на принадлежность «друзей» к разным сословиям (чиновничеству, дворянству и разночинцам). Таким образом, Некрасов показал первую реакцию этих сословий на реформу печати. *Чеченец посмотрел лукаво* и т. д. Цитата из стихотворения Лермонтова «Валерик» («Я к вам пишу случайно; право...»). Фельетонная букашка. *Тот род, который так прославил Булгарин в «Северной пчеле».* О Булгарине см. прим. к стих. «Говорун» (т. 1). Издаваемая им газета «Северная пчела» одной из первых ввела раздел «Фельетон». Фельетоны Булгарина отличались беспринципностью и переменчивостью оценок. *Пановский* Н. М.— реакционный московский журналист, сотрудник «Московских Ведомостей» и других изданий Каткова. *Что в Петербурге климат плох...* и т. д. Климат царской столицы бранить в печати считалось «вольнодумством». По воспоминаниям актера П. Каратыгина, Булгарин однажды получил за это выговор. *Что видел на мосту дыру... С тех пор не езжу через Мойку // И не гляжу на этот мост.* Сатирический выпад Некрасова против жандармской «бдительности» Булгарина. Имеется в виду Полицейский мост (современное название — Народный). *Курил на улицах сигары.* В 1865 г. было отменено запрещение курить на улице и в общественных местах. Публика. *Ясно — премудрый Аксаков.* И. С. Аксаков — издатель газеты «День», приветствовавшей в сентябре 1865 г. вступление в силу нового закона о печати как первый шаг к либерализации правительственной политики. *Мы не должны мужикам.* Речь идет о статье Ю. Г. Жуковского, критика и публициста «Современника», (1865, №№ 8—9), «Записки современника», в которой он писал о долге цивилизованных классов народу и назвал примерную цифру этого долга — шесть миллиардов. Статья Жуковского была одной из тех «вредных» статей, за которую «Современник» получил первое предостережение. *И отрицают поэты // Пользу железных дорог!* Намек на стихотворение Некрасова

«Железная дорога», одно из произведений, за напечатание которого «Современник» получил второе предостережение. *Даже умеренный «Голос»* и т. д. «Голос» — умеренно-либеральная газета, издаваемая А. А. Краевским. Некрасов пишет в сатире о статьях «Голоса», которые были названы в объявлении о первом предостережении этой газете («По поводу принятия Ташкента под покровительство России», «Какие сословия могут более способствовать к водворению русского элемента в Западном крае», «Русские в России»). *Только газеты московской* и т. д. Речь идет о газете М. Н. Каткова «Московские Ведомости». В марте 1866 г. ей было объявлено первое предостережение за «систематическую оппозицию правительственной сфере». Действительно, Катков нередко выступал даже против действий министров, но эта оппозиция всегда была консервативной. Осторожность. *Но ведь это против брака* и т. д. «Порицание начал семейного союза» — одна из формулировок «предостережений», получавшихся журналами. Именно по этому пункту была признана «вредной» статья А. Н. Пыпина ««Новые времена». Община реформаторов в Нью-Йорке», за которую «Современник» получил первое предостережение. В стихотворении «Осторожность» высмеиваются и другие формулировки обвинений против прессы: посягательство на *«родительский принсип»*, оскорбление *«дворянского сана»*. В последнем объявили виновным Ю. Г. Жуковского, автора статьи «Вопрос молодого поколения» («Современник», 1866, №№ 2 и 3) и соредактора Некрасова по журналу, пропустившего эту статью, А. Н. Пыпина. Они были привлечены к суду, приговорены к штрафу и аресту на военной гауптвахте (об этом см. стих. «Суд» и прим. к нему). *Но ведь это на богатых // Значит бедных натравлять.* Имеется в виду цензурное обвинение в «возбуждении вражды или ненависти одного сословия к другому». *Но ведь это против бога.* Об обвинении в выступлениях против православной церкви и христианской веры. Пропала книга. Одной из карательных мер по новому закону было уничтожение напечатанных книг. В 1866 г. такой участи подверглись шесть книг. На судебном разбирательстве по поводу одной из них — книги А. С. Суворина «Всякие. Очерки современной жизни» — Некрасов, вероятно, присутствовал, что могло послужить непосредственным импульсом к написанию стихотворения.

Сцены из лирической комедии «Медвежья охота». Впервые — «Отечественные Записки», 1868, № 9, с. 1—16, без песен, с цензурными пропусками, под заглавием: «Три сцены из лирической комедии «Медвежья охота». Вместе с песнями — «Стихотворения» 1869, ч. 4, с. 183—212. «Сцены» предназначались для № 5 «Современника», но были вырезаны из уже отпечатанной книжки по распоряжению цензуры. По замыслу «Сцены» связаны с неоконченной пьесой «Как убить вечер». Ее Некрасов не публиковал, но некоторые фрагменты пьесы вошли в текст «Медвежьей охоты». По сохранившимся рукописям реконструировать сюжет пьесы в целом не представляется возможным. К. И. Чуковский писал о том, что в драме «Как убить вечер» Некрасов «хотел изобразить веселую компанию богатых и праздных людей, приехавших в новгородскую глушь для облавы на медведя. В этой глуши они случайно знакомятся с красивой де-

вушкой Любой Тарутиной, мечтающей о поступлении на сцену. Мать Любы, бывшая актриса, не отпускает ее. Люба просит помощи у приезжих охотников и поет им ту песню, с которой она не раз обращалась к своей суровой матери: «Отпусти меня, родная...». В числе отрывков из этой неоконченной пьесы есть монолог Лесничего, который возмущается праздностью, мотовством и цинизмом приехавших из столицы господ, а также «Песня о труде», которую поет один из персонажей пьесы — Остроухов». В «Медвежьей охоте» использованы мотивы и идеи драмы «Как убить вечер», но драматическим сценам придана форма полемических монологов. В образе Миши Войнова отразились черты крупного чиновника и библиографа, человека близкого в 1850-е годы кружку «Современника» — М. Н. Лонгинова. С ним тогда Некрасова связывали приятельские отношения, частые совместные выезды на охоту. Либерально настроенный в 1850-х годах, Лонгинов позднее быстро переходит на консервативные позиции. Совпадение биографических черт в образе Миши с отдельными фактами жизни Лонгинова не превращает некрасовского героя в портрет Лонгинова. Это типизированный образ либерала, не выходящего за рамки правительственных реформ. Еще более типизирована фигура Пальцова. Он человек поколения «лишних людей» 1840-х гг. и, сознавая это, критически оценивает не только общество, но и себя. Психологический рисунок этих героев Некрасова сложен, порою в их высказываниях, оценках действительности выражается позиция автора. Князь Воехотский и барон фон дер Гребен — откровенные реакционеры. Цензор Н. Е. Лебедев писал в своем отчете, что в «пьесе преданы осмеянию молодые бюрократы, представленные людьми формы и слова, а не дела, в ней весьма неуместно, между прочим, описание времени 40-х годов, в которые будто приходилось всякому мыслящему человеку задыхаться от невыносимого гнета».

Действительный статский советник — гражданский чин 4 класса. *Лоретка* — женщина легкого поведения. *Ходить в Михайловский театр // И презирать — Александрию.* В Михайловском театре выступала постоянная французская труппа. Театр считался аристократическим. В Александринском театре выступала русская труппа. Его публика была более демократической. *Милютины ряды* — торговые ряды в Петербурге, названные по имени купца Милютина. *До полурусской Ниццы.* Возможно, что Ницца упомянута Некрасовым в связи с А. И. Герценом как место последних лет его жизни. *Спириты* — увлечение спиритизмом, стремление к общению с «загробным миром» пришло в Россию в 1850-х гг. из западной Европы. *Ни от начитанных глупцов, // Лакеев мыслей благородных!* Строки, заимствованные у Н. А. Добролюбова. *Штуцер* — охотничье нарезное ружье. *Сам Гомер // Не смел Омиром называться.* В 1852 г. министр просвещения П. А. Ширинский-Шихматов потребовал изменить написание ряда греческих слов: вместо «герой» писать и произносить «ирой», вместо «Гомер» — «Омир» и т. д., основывая это требованиями православного церковного произношения. *Прозвали «лишним».* Понятие «лишний человек» ввел И. С. Тургенев («Дневник лишнего человека», 1849). *Бог на помочь! бросайся прямо в пламя* и т. д. Это восьмистишие составляло ранее отдельное стихотворение, озаглавленное «Молодому поколению». Автограф его находится на одном

листе со стихотворением «Свобода», написанным в 1861 г. В этом же году поэт и революционер М. Л. Михайлов был приговорен к каторжным работам за распространение прокламации «К молодому поколению». Отметим перекличку заглавий. *О равенстве, о братстве, о свободе...* Свобода, равенство, братство! — лозунг Французской революции 1789 г. У Некрасова впервые встречается в стихотворении «Песня Еремушке». Лозунг получил распространение в русской либеральной пореформенной печати, уже лишенный революционного содержания, которое Некрасов в тексте «Медвежьей охоты» возвращает ему. Позднее Некрасов употребляет этот лозунг в речевой характеристике людей показного либерализма. *На взгляд глупцов казался переменчив.* В 1840 г. Белинский преодолел кратковременный период «примирения» с «рассейской действительностью», вышел из плена субъективистских теорий и овладел подлинной диалектикой. Завершилось формирование его революционно-демократических убеждений. Белинский резко выступил против собственных статей 1837—1840 гг., что и вызвало упреки в «переменчивости» со стороны таких реакционных критиков, как С. П. Шевырев. *Грановский* Т. Н.— известный ученый-историк, профессор Московского университета. В 1840-е гг. был близок к революционно-демократическому направлению общественной мысли. Его публичные лекции обличали крепостничество, он пропагандировал прогрессивные идеи, гуманизм, однако сохранял при этом верность идеалистическим представлениям об общественном развитии. *Как ты меня, однако ж, взволновал!* и т. д. Заключительные строки не вошли в текст, опубликованный в «Отечественных Записках», возможно, по соображениям автоцензуры.

Человек сороковых годов. Впервые — газета «Новое время», 1876, № 96, от 6 июня, в составе цикла «Из записной книжки». Первоначальный вариант представлял собой фрагмент из монолога Миши (неоконченная лирическая комедия «Медвежья охота»). По сравнению с ним окончательный текст лаконичнее, исключено четверостишие:

Как быть! Счастливые условья
Меня от многого спасли,
Но годы рабского безмолвья
Свой плод печальный принесли!

Строка: «Незабываемых годов» — в рукописи «Медвежьей охоты» имела вид: «Всех николаевских годов». Остальные разночтения незначительны, что позволяет датировать стихотворение 1866—1867 гг.

Суд. Впервые — «Отечественные Записки». 1868, № 1 с авторскими купюрами и заменами. В журнальной публикации по цензурным соображениям были опущены строки: «*Вспоминал // Я также то, где я бывал, // О чем и с кем вступал я в спор*» (что потребовало переработки предыдущих стихов), а также от «*Блажен, кому дана судьбой*» до «*...Нет близких ровно никого*» и последующее описание «администратора молодого» от «*Не только этот грустный взор*» до «*Когда бы меньше был уныл*». Имя графа А. Ф. Орлова — шефа жандармов и главного начальника III От-

деления было заменено тремя звездочками. Эпилог напечатан в смягченной, по сравнению с рукописью, редакции (см. комментарии к стихотворению «М. Е. С<алтыко>ву», т. 3). Но даже в таком виде «Суд» вызвал нарекания со стороны цензуры и был вырезан из большей части тиража уже напечатанных журнальных книжек. Повод для написания стихотворной повести «Суд» Некрасову дала практика применения нового закона о печати. По этому закону предварительная цензура периодических изданий заменялась цензурой карательной. По представлению Главного Управления печати после трех предостережений издание останавливали, а издателей и авторов могли привлекать к суду. Вскоре после вступления закона в силу в мае 1866 г. были закрыты два лучшие демократические журнала «Современник» и «Русское Слово», а сотрудники «Современника» Ю. Г. Жуковский и А. Н. Пыпин привлекаются к судебной ответственности за напечатание в мартовской и февральской книжках «Современника» статьи Ю. Г. Жуковского «Вопрос молодого поколения», содержащей, по мнению обвинителей, «оскорбление чести и достоинства всего дворянского сословия». В итоге длительного судебного разбирательства был вынесен приговор, согласно которому Пыпин и Жуковский подверглись «денежному взысканию по сту рублей и аресту на военной гауптвахте в течение трех недель каждого». Некрасов к суду не привлекался и на процессе не присутствовал: он был в это время в Карабихе. Но о его готовности взять на себя ответственность за напечатание статьи Жуковского и напряженном внимании к процессу свидетельствует переписка с А. Н. Пыпиным в августе 1866 г. Еще до закрытия «Современника» власти арестовали по подозрению в причастности к каракозовскому делу члена редакции Г. З. Елисеева. Тяжелое настроение, вызванное этими событиями, рассказы очевидцев, личные впечатления поэта отразились в стихотворениях того времени, и прежде всего, в «Суде».

Вечерний звон! Вечерний звон! Как много дум наводит он! — цитата из стихотворения Томаса Мура «Вечерний звон» в переводе И. И. Козлова. *«Модный магазин»* — журнал мод, издававшийся С. Г. Мей, вдовой поэта Л. А. Мея, в Петербурге с 1862 по 1863 г. В рукописи «Модный магазин» первоначально был иронически назван «преступным». *Одно из славных русских лиц* — строка из «Тамбовской казначейши» М. Ю. Лермонтова. *С печатью тайны на челе* — строка из стихотворения Д. В. Веневитинова «Люби питомца вдохновенья...». Цитируется Некрасовым по известному ему печатному тексту. В современных изданиях: *«С печатью власти на челе...» «Суд в подземельи»* — романтическая поэма В. А. Жуковского. «Суд», насыщенный пародийными литературными реминисценциями, во многом повторяет ритмический рисунок поэмы Жуковского. Сопоставимы описания подземелья у Жуковского и ироническое — гауптвахты у Некрасова. *Владимирка* — тракт из Москвы, по которому шли партии приговоренных к сибирской каторге и ссылке. *Как голый пень среди долин* — строка из поэмы Лермонтова «Хаджи Абрек». *Не так счастливец молодой Идет в таинственный покой* — в рукописи первоначально: *«Не так любовник молодой...»* — отголоски строк А. С. Пушкина: *«Как ждет любовник молодой // Минуты верного свиданья...»* — «К Чаадаеву». *В часть* — см. прим. к стих. «Вино» (т. 1).

«Умру я скоро. Жалкое наследство...». Впервые — «Стихотворения», 1869, ч. 4, с. 224—226. В 1866 г. Некрасов получил письмо, в котором ему было послано стихотворение «Не может быть», подписанное: «Неизвестный друг». Это был один из откликов на клеветнические слухи о поэте, на обвинения его в отступничестве. Вот это стихотворение:

НЕ МОЖЕТ БЫТЬ

(Н. А. Некрасову)

Мне говорят: твой чудный голос — ложь;
Прельщаешь ты притворною слезою,
И словом лишь толпу к добру влечешь,
А сам, как змей, смеешься над толпою.
Но их речам меня не убедить:
Иное мне твой взгляд сказал невольно;
Поверить им мне было б горько, больно...
Не может быть!

Мне говорят, что ты душой суров,
Что лишь в словах твоих есть чувства пламень,
Что ты жесток, что стих твой весь любовь,
А сердце холодно, как камень!
Но отчего ж весь мир сильней любить
Мне хочется, стихи твои читая?
И в них обман, а не душа живая?!
Не может быть!

Но если прав ужасный приговор?..
Скажи же мне, наш гений, гордость наша,
Ужель сулит потомства строгий взор
За *дело* здесь тебе проклятья чашу?
Ужель толпе дано тебя язвить,
Когда весь свет твоей дивится славе,
И мы сказать в лицо молве не вправе —
Не может быть?!

Скажи, скажи, ужель клеймо стыда
Ты положил над жизнию своею?
Твои слова и я приму тогда
И с верою расстануся моею.
Но нет! И им ее не истребить!
В твои глаза смотря с немым волненьем,
Я повторю с глубоким убежденьем:
Не может быть!

Его автором была переводчица и поэтесса О. П. Мартынова (Павлова). Через год Некрасов написал «Умру я скоро. Жалкое наследство...» — стихотворение, которое стало ответом не только «неизвестному другу», но и всем, обвинявшим поэта в отступничестве. Незадолго до смерти, готовя новое издание своих стихотворений к печати, Некрасов сделал к этому стихотворению примечание: «Невыдуманный друг, но точно неизвестный мне. Получил, помнится, 4 марта 1866 г. Где-нибудь в бумагах найдите эту

пьесу, превосходную по стиху. Ее следует поместить в примечании». Ю. Н. Тынянов считал, что стихотворение Некрасова навеяно стихотворением Беранже «Adieu», известным русскому читателю в переводах В. С. Курочкина и М. Л. Михайлова. В. И. Ленин в статье «Еще один поход на демократию», процитировав строки из «Умру я скоро...», писал: «Некрасов по той же личной слабости грешил нотками либерального угодничества, но сам же горько оплакивал свои «грехи» и *публично каялся* в них... *«Неверный звук»* — вот как называл сам Некрасов свои либерально-угоднические грехи».

Еще тройка. Впервые — «Стихотворения», 1869, ч. 4, с. 119—124, с подзаголовком: «романс». Заглавие объясняется тем, что в 1846 г. Некрасов написал стихотворение «Тройка», которое стало широко известным романсом. В. Е. Евгеньев-Максимов считал, что в этом стихотворении Некрасов раскрыл тему, намеченную в последней части стихотворения «Благодарение господу богу...». Не отрицая этого утверждения, современный исследователь Б. В. Мельгунов установил связь «Еще тройки» с революционной песней «По пыльной дороге телега несется...» и общий для них источник — песня польских повстанцев 1863 года «Сибирский узник». В своих воспоминаниях В. Засулич писала о популярности этого стихотворения в среде революционно настроенной молодежи. Директор департамента полиции В. К. Плеве составил в 1883 г. для Александра III специальную «Записку о направлении периодической прессы в связи с общественным движением в России». В ней говорилось о «губительном влиянии, которое имело на молодежь сочувствие Некрасова первым проявлениям практической революционной деятельности. Этот талантливый печальник, по выражению его друзей, народного горя,— писал Плеве,— стоя на краю могилы, ободрял пропагандистов стихами, которые заучивались и повторялись с упоением подрастающим поколением... Тот же Некрасов со злобной насмешкой встретил меры правительственного преследования, которое постигло пропагандистов, и призывал новые силы на смену выбывающим. Глубокое впечатление производят следующие места его стихотворений...» Далее Плеве цитирует стихотворения: «Еще тройка», «Благодарение господу богу...», «Мать».

«Зачем меня на части рвете...». Впервые — «Н. А. Некрасов в воспоминаниях современников, письмах и несобранных произведениях». Составил В. Е. Чешихин-Ветринский, М., 1911, с. 282—283. Текст, опубликованный в этом сборнике, восходит к автографу, переданному поэтом незадолго до смерти Г. З. Елисееву. Елисеев попытался опубликовать стихотворение, включив его в свое «Внутреннее обозрение», предназначавшееся для № 1 «Отечественных Записок» 1878 г. Но обозрение было вырезано по распоряжению цензуры. Редакция, публикуемая в настоящем издании, восходит к утраченному ныне автографу, принадлежавшему К. И. Чуковскому. Для публикации в журнале, вероятно, Елисеевым по цензурным соображениям строки: *«Как будто от таких отцов // Герои где-нибудь родятся?»* были заменены на: *«Как будто на сосне простой // Каштаны где-нибудь родятся?»*. На полях автографа Некрасов сделал приписку: «Это написано в минуту воспоминания о мадригале. Хорошую ночь я провел!».

Имелся в виду «мадригал» Муравьеву-Вешателю, вызвавший много толков и сплетен о Некрасове и ставший надолго для поэта причиной тяжелых воспоминаний и раскаяния (см. прим. к стих. «Ликует враг, молчит в недоуменьи...», «Умру я скоро. Жалкое наследство...», с. 387, 394).

Выбор. Впервые — «Отечественные Записки», 1868, № 1, с. 75—76. По своему фольклорному строю, сказочной образности и основному мотиву — трагическая судьба женщины — стихотворение перекликается с поэмой «Мороз, Красный нос» и главой «Крестьянка» из поэмы «Кому на Руси жить хорошо». Положено на музыку.

Эй, Иван! Впервые — «Отечественные Записки», 1868, № 1, с. 239—242 (в части тиража — вместо вырезанной поэмы «Суд»), вторично — «Отечественные Записки», 1868, № 2, с. 373—376, с подзаголовком: «(Тип недавнего прошлого)». Острый политический смысл стихотворения был понятен читателям. Привлекло оно и внимание цензуры. Цензор Н. Е. Лебедев писал: «...здесь в самом возмутительном виде представлено положение бывшего крепостного человека, употреблявшегося на всевозможные работы и получавшего в награду одни побои».

Ерофеич — водка, настоянная травами. *Лишь бы лоб ему забрили.* Забрить лоб — сдать в солдаты.

С работы. Впервые — «Отечественные Записки», 1868, № 3, с. 262, с подписью: «У», что означало: «Углицкий старожил».

«Не рыдай так безумно над ним...». Впервые — «Стихотворения», 1869, ч. 4, с. 219. На своем экземпляре поэт отметил: «Навеяно смертью Писарева и посвящено М. А. Маркович». Д. И. Писарев, выдающийся литературный критик, утонул в возрасте 28 лет 4 июля 1868 г. Незадолго до этого он вышел из Петропавловской крепости, где содержался более четырех лет как опасный политический преступник. С начала 1868 г. Писарев был постоянным сотрудником «Отечественных Записок». Посылая стихи на смерть Писарева его гражданской жене М. А. Маркович, Некрасов писал: «Только Вам, Марья Александровна, решаюсь покуда дать это стихотворение. Писарев перенес тюрьму не дрогнув (нравственно) и, вероятно, так же встретил бы эту могилу, которая здесь разумеется, но ведь это исключение — покуда жизнь представляет более фактов противоположного свойства, и поэтому-то и моя мысль приняла такое направление. Словом — Вы понимаете —, так написалось». К последним двум стихам Некрасов сделал для Маркович примечание: «Пословица эта не выдумана. Ее можно найти в собрании Даля». В «Пословицах русского народа» В. И. Даля есть: «У счастливого умирает недруг, у бессчастного — друг». Положено на музыку.

Мать. Впервые — «Отечественные Записки», 1868, № 10, с. 530. В рукописи стихотворения Некрасов сделал помету: «Думаю,— понятно: жена сосланного или казненного...» Стихотворение соотносилось современниками с образами Н. Г. Чернышевского и его жены Ольги Сократовны. По свидетельству Г. В. Плеханова, «Мать» была чрезвычайно популярна, заучивалась «наизусть русскими передовыми людьми».

Дома — лучше! Впервые — «Отечественные Записки», 1868, № 11, с. 120. В стихотворении передано настроение, охватившее поэта по возвращении из-за границы. С марта по июнь 1867 г. Некрасов находился во Франции и Италии.

«Душно! без счастья и воли...». Впервые — «Стихотворения», 1869, ч. 4, с. 218, с подзаголовком: «Из Гейне». Готовя последнее собрание своих стихотворений, Некрасов зачеркнул подзаголовок и написал: «собственное». Этими стихами начиналась прокламация «Союза объединенных землячеств» «!!Ко всем!!», они широко распространялись в списках. Во всех прижизненных авторских изданиях предпоследний стих печатался: *«Чашу вселенского горя»*. Но еще в 1875 г. в нелегальной народнической газете «Работник», издаваемой в Женеве, стихотворение было опубликовано под заглавием «Песня народного борца» с вариантом этой строки: *«Чашу народного горя»*.

Неоднократно положено на музыку.

«Наконец, не горит уже лес...» Впервые — «Стихотворения», 1869, ч. 4, с. 223.

Перед зеркалом. Впервые — «Будильник», 1872, № 1, с. 1, под заглавием: «Дума перед зеркалом»; подпись: «Савва Намордников», вариант смягченный по цензурным соображениям: нет упоминаний о *«форменном фраке со звездой»*, в четвертой строфе последний стих имел вид: *«Быть не могу я магистром»*. Позднее, чтобы замаскировать намеки на факты и события современной жизни, Некрасов выставил под текстом ложную дату: «1853».

Дедушка. Впервые — «Отечественные Записки», 1870, № 9, с. 241—254, с цензурной купюрой: отсутствовало четверостишие *«Взрослые люди — не дети...»* и т. д. В журнальной корректуре красным карандашом цензора был отчеркнут еще ряд мест. Тут же надпись В. М. Лазаревского: «Места, отмеченные красным, цензурное управление (Похвиснев) требовало исключить». Некрасов отказался. Поэма посвящена Зинаиде Николаевне Некрасовой (Ф. А. Викторовой), жене поэта. «Дедушка» открывает цикл декабристских поэм Некрасова. Прототипом главного героя послужил вернувшийся из сибирской каторги и ссылки декабрист князь С. Г. Волконский. Некрасов был хорошо знаком с его сыном М. С. Волконским, чьи рассказы отразились в поэме. Использовал поэт и документальные свидетельства. В его библиотеке находилась книга барона А. Е. Розена «Записки декабриста», изданная в Лейпциге в 1870 г. В главках о Тарбагатае у Некрасова много текстуальных совпадений с соответствующими описаниями в книге Розена. Отразилось в поэме знакомство Некрасова и с некрологами С. Г. Волконского, напечатанными в газете «День» (1865, 11 декабря) и в «Колоколе» (1866, 3 (15) января, автор П. Долгоруков, вступительная заметка А. И. Герцена). Хотя в «Дедушке» Некрасов обратился к факту исторического прошлого России, его поэма была воспринята как остро современная, так как идеалы революционеров-декабристов были близки идеалам зарождающегося народничества. Поэт дал характеристику своему герою в письме к В. М. Лазаревскому от 9—10 апреля 1872 г.: «...этот

дед, в сущности, резче (по сравнению с героинями «Русских женщин»), ибо является одним из *действительных* деятелей... и притом выведен нераскаявшимся, т. е. таким же, как был». Критикой некрасовского времени поэма была встречена в основном доброжелательно, но ее героический и обличительный пафос был поставлен под сомнение в ряде отзывов из недемократического лагеря (О. Миллера, В. Буренина и др.).

Встретили старого вдруг. Слово «вдруг» употреблено в архаическом значении — вместе. *С шеи торжественно снял // Образ распятого бога.* Символ страдающего за людей Христа, здесь ассоциирующийся с образом самого старого декабриста. *Сын пред отцом преклонился, // Ноги омыл старику.* Библейский образ. Подчеркивает торжественность момента и возвышает личность героя. *Барку ведут бечевою.* См. прим. к стих. «На Волге» (т. 1). *Горсточку русских сослали* и т. д. В 1733, а затем в 1767 г. на речку Тарбагатай были сосланы раскольники из Дорогобужа и Гомеля. Они выехали с семьями на поселение. Описание раскольничьей деревни и быта в целом в поэме во многих деталях совпадает с описаниями А. Е. Розена (см. выше). *Едут туда комиссары* — т. е. уполномоченные лица. *Подьячий* — мелкий чиновник. *Стачка* — здесь: тайный взаимный сговор, соглашение. *Пел он о славном походе* — об Отечественной войне 1812 г., в которой участвовал С. Г. Волконский. *И о великой борьбе* — о движении и восстании декабристов. *О Трубецкой и Волконской.* Е. И. Трубецкая (урожденная Лаваль) и М. Н. Волконская (урожденная Раевская) последовали за мужьями в сибирскую ссылку. Некрасов посвятил им поэму «Русские женщины». *И Петербург и Читу.* Не случайное сближение городов: место восстания и одно из мест ссылок декабристов. *...узнает // Саша печальную быль.* В черновой рукописи и в «Отечественных Записках» было: *«великую быль»*.

Недавнее время. Впервые — «Отечественные Записки», 1871, № 10, с. 265—284, подзаголовок в оглавлении: «Записки клубиста, изданные Н. Н.», с цензурными пропусками и искажениями. Посвящено А. Н. Еракову, инженеру, другу Некрасова, ставшему мужем сестры поэта А. А. Буткевич. В «Недавнее время» вошли фрагменты из незавершенной сатиры «Клуб», которая по первоначальному замыслу должна была составить часть большого цикла сатир 1859—1871 гг. (см. прим. к стих. «О погоде», с. 381). В произведении сатирически изображен петербургский Английский клуб, место собраний самых именитых и богатых особ столицы. Первые наброски, вероятно, были сделаны в конце 1863— начале 1864 г. Об этом говорят отдельные строки автографа, не вошедшие в основной текст из-за резкости выраженного в них политического содержания, о *«героях последнего года, // Что стреляли в своих мужиков»* (имеются в виду крестьянские волнения 1863 г.) и некоторые пометы на рукописи. Поводом для возвращения к теме послужило торжественное празднование 1 марта 1870 г. столетия со дня основания клуба. Некоторых прототипов своих персонажей в рукописи Некрасов назвал. Так, рядом со стихами о *«питухе престарелом»* его рукой написано: «Бах. Салов. Остзейский барон Герздорф», т. е. перечислены завсегдатаи Английского клуба. Другие прототипы легко угадывались современниками. Так, в их восприятии рассказ о *«Сереже, лихом молодце»* соотносился с

личностью Н. А. Орлова, сына графа А. Ф. Орлова, шефа корпуса жандармов и начальника III Отделения. В автографе об Орловых были стихи: *«Сын отца, больше четверти века // Наполнявшего ужасом Русь»*, которые Некрасов вычеркнул, зная, что их не пропустит цензура. Строки о *«колоссальном ворище»* ассоциировались с недавним нашумевшим происшествием: А. Г. Политковский, камергер и тайный советник, как выяснилось незадолго до его смерти, расстратил свыше миллиона казенных денег. Острота и злободневность сатиры (несмотря на маскирующее название, читатели понимали, что речь в ней идет о времени настоящем) и широта охвата явлений общественной и государственной жизни заставили Некрасова прибегнуть к строгой автоцензуре при подготовке произведения к печати. Автор исключил из текста, предназначавшегося для «Отечественных Записок», три фрагмента. Так, в характеристике клуба отсутствовал отрывок от: *«Воротили бы, если б могли мы...»* до: *«Самодурства и лени печать»*, не печатались 12 строк о деле Петрашевского, в «Послесловии» были изъяты стихи от: *«Мы коснемся столичных пожаров»* до *«Что прогресс повернула вверх дном»*. Ряд строк был заменен «смягченными» для цензуры вариантами. Однако, несмотря на эти предосторожности, номер «Отечественных Записок», где было опубликовано «Недавнее время», обсуждался на специальном заседании Совета Главного управления по делам печати, на котором с наиболее резким отзывом выступил начальник этого управления М. Р. Шидловский. Он говорил о том, что клуб — «только маска, под прикрытием которой поэту удобнее порицать порядки недавнего прошлого, к нам очень близкого; в этом стихотворении автор не только глумится над прошлым царствованием, но и проводит тяжкую для нас мысль, что настоящее царствование не оправдало тех общих ожиданий, которые оно вызвало в своем начале». В строках: *«Впрочем, быть генерал-адъютантом...»* и т. д. члены Совета увидели намек на министра внутренних дел генерала-адъютанта А. Е. Тимашева, ранее управлявшего III Отделением. Пропуск этих стихов в печать стоил неофициальному цензору журнала Ф. М. Толстому карьеры. После заседания Совета, на котором он защищал «Недавнее время» Некрасова, Толстой вынужден был подать в отставку.

Глава 1. *Старый дедушка был у нас членом.* И. А. Крылов был членом Английского клуба с 1817 г. После смерти баснописца в комнате, которую назвали Крыловской, был установлен его бюст. *Слух (то было в тридцатых годах)* и т. д. Вопрос о строительстве железных дорог горячо дискутировался в 1830-е гг. Предлагались проекты. Но на первых порах они не встретили поддержки у царского правительства. *Остается покрытая лаком* и т. д. Царские резолюции для сохранности покрывали лаком. *«Привезли из Москвы Полевого»*. В 1834 г. за не слишком благосклонную рецензию Н. А. Полевого на пьесу Н. В. Кукольника «Рука всевышнего отечество спасла», написанную в духе квасного патриотизма, Полевой был вызван в Петербург, причем ехать ему пришлось с фельдъегерем. И хотя Полевому удалось оправдаться, его журнал «Московский телеграф» по высочайшему повелению был закрыт. *У Цепного бессмертного мосту.* У Цепного моста на Фонтанке (ныне мост Пестеля) находилось III Отделение. *Получив роковую повестку* и т. д. Речь идет о вызове в III Отделение в

ноябре 1849 г. издателей «Современника» Некрасова и Панаева, где граф А. Ф. Орлов (с 1856 г. князь) им *«мораль читал»* (см. стих. «Суд» и прим. к нему). *Помню я Петрашевского дело* и т. д. О суде в апреле 1849 г. над членами кружка революционера, социалиста-утописта и демократа М. В. Буташевича-Петрашевского, поразившем современников суровостью приговора. Часть подсудимых была приговорена к смертной казни, замененной впоследствии каторжными работами, другие — сосланы в арестантские роты. *И декабрьским террором пахнуло* — т. е. террором, установившимся в стране после разгрома восстания декабристов в 1825 г. *В дни, как буря кипела в Крыму* — во время Крымской войны 1853—1855 гг. *Корпия* — нащипанные из хлопчатобумажной ткани нити, употреблявшиеся как перевязочный материал вместо марли и ваты. *Откупные тузы.* Существовавшая в России система откупов — передачи права сбора ряда государственных налогов в частные руки за определенную сумму — способствовала быстрому обогащению откупщиков за счет обираемых ими плательщиков налогов. *Фоксы и Роберты Пили.* Ч. Фокс и Р. Пиль — английские политические деятели, известные, в частности, ораторским искусством. Глава 2. *Ликантропия.* К этому слову Некрасов в рукописи сделал примечание: «Собственно, превращение человека в волка. Иногда в этой болезни человек воображает себя и другим каким-нибудь животным. Болезнь очень древняя. Навуходоносор умер, воображая себя волком». Аналогичное примечание к этому слову содержится в опубликованном в «Современнике» переводе «Дон Жуана» Байрона. Здесь Некрасов имеет в виду болезнь шефа жандармов А. Ф. Орлова. *Кайен* — острый перец, привозимый из Гвианы. *«Монго»* — фривольная поэма М. Ю. Лермонтова. *Отбиваешь с оркестром кровати.* Кровать особого устройства: когда на нее садились, раздавалась музыка, и кровать приходила в движение. По свидетельству современников, такая кровать была у директора императорских театров А. И. Сабурова. *Взволновался Париж беспокойный* и т. д. Имеется в виду революция во Франции 1848 г. и наступившая вслед за тем политическая реакция в России. *Донос // На погибшее блудное племя // В три приема доносчик принес.* Речь идет о доносчиках на передовую литературу в III Отделение Ф. В. Булгарине и Б. М. Федорове. Как замечает современный исследователь, в этих строках Некрасова нет преувеличения. Булгарин в своем доносе сообщал, что Федоров «собирает все выписки из «Отечественных Записок». У него семь корзин с выписками, методически расположенными, с заглавиями: противу бога, противу христианства, противу государя, противу самодержавия, противу нравственности и т. п.». Действительно, такое количество компрометирующих материалов нелегко было доставить в один прием. *Демагога в Булгарине видел, // Робеспьером Сенковского звал.* О Булгарине и Сенковском см. прим. к стих. «Говорун» (т. 1). Слово «демагог» в некрасовское время употреблялось и в значении «приверженец революции, стремящийся к низвержению порядка в монархических государствах». Называя «приверженцами революции» Булгарина и Сенковского, Некрасов прибегает к приему гротескного заострения. В рукописи было: *«Робеспьером Краевского звал»*. Краевский, человек умеренных взглядов, сравнивался в доносах Булгарина и Федорова с Робеспьером и Маратом в связи с издаваемым им журналом «Оте-

чественные Записки». *Линяев, сатирик холодный.* Вероятно, Некрасов имел в виду поэта Д. Д. Минаева. Глава 3. *Доносчик Авдей* — Фаддей Булгарин. *В Петербурге шампанское с квасом* и т. д. Смесь этих напитков была в моде в начале 1870-х годов среди славянофилов. *Я однажды смеялся до колик* и т. д. Очевидно, Некрасов описал князя Н. И. Трубецкого, который долго жил в Париже, принял католичество, но называл себя славянофилом. *Чу! какой-то игрок крутонравный.* В автографе этот стих имел вид: *«Чу! Сабуров, орало забавный». // Чу! Наш друг, путешественник славный* и т. д. Речь идет о Е. П. Ковалевском, путешественнике и беллетристе, книга которого «Путешествие во внутреннюю Африку» до выхода отдельным изданием печаталась в «Современнике» и у которого был лакей-негр, привезенный из Африки. *Федюхины горы* — высота под Севастополем, за которую во время Крымской войны велись кровопролитные сражения. *Терц* — карточный термин, три карты одной масти по последовательному старшинству. *«Веселись, храбрый росс!».* — Неточная цитата из стихотворения Г. Р. Державина «Хор для кадрили». Глава 4. *Благодатное время надежд!* — Конец 1850-х — начало 1860-х гг., время подготовки крестьянской и других реформ. *Юноша-гений... произнесший бессмертную фразу* и т. д.— Н. А. Добролюбов, высмеявший один из расхожих оборотов либеральной публицистики. В статье «Литературные мелочи прошлого года» критик с иронией писал: «Несколько лет уже каждая статейка, претендующая на современное значение, непременно начинается у нас словами: «в настоящее время, когда поднято столько общественных вопросов»...». *Учрежденным тогда комитетом* и т. д. Речь идет о губернских комитетах, созданных в 1858 г. для подготовки крестьянской реформы, в которых разгорелась борьба за меры и формы уступок между либеральными и реакционными помещиками. Прогрессивные взгляды, встреченные «шипеньем» в Английском клубе, были выражены в проектах К. Д. Кавелина, А. М. Унковского, А. И. Европеуса и др. *Корчат Катонов.* Катон — римский писатель и государственный деятель, в частности, автор трактата «О земледелии». *Прудон П. Ж.*— французский мелкобуржуазный социалист и теоретик анархизма. *Таковы ли бывают отцы, // От которых герои родятся?* В стихотворении «Зачем меня на части рвете»: *«Как будто от таких отцов // Герои где-нибудь родятся?» Но получишь ты ключ камергерской.* На придворной форме камергера был изображен ключ. Послесловие. *Мы коснемся столичных пожаров.* Майские пожары 1862 г., которые были использованы властями для клеветы на передовую молодежь и репрессий против нее. *Злополучной поры не забудем* и т. д. Имеется в виду пора правительственного террора, установившаяся в стране после выстрела Каракозова в апреле 1866 г.; политические аресты и ссылки, закрытие передовых журналов.

Русские женщины. Княгиня Трубецкая. Впервые — «Отечественные Записки», 1872, № 4, с. 577—600, под названием: «Русские женщины. Княгиня Т***. Поэма», с цензурными пропусками и испразднениями. Отрывок: от *«Под обаяньем красоты»* до *«Зонтообразных пинн...»* — отсутствовал, впервые он опубликован — «Искра», 1873, № 1, 7 февраля, с. 2—3, под загл.: «Из поэмы «Русские женщины». Строфы, не вошедшие в поэму

«Кн. Т-кая»». Готовя поэму к публикации, Некрасов внес в наборную рукопись ряд необходимых с цензурной точки зрения изменений. В марте 1872 г. он писал А. А. Краевскому, официальному редактору «Отечественных Записок», что поэма находится «в том испакощенном виде», что «цензура к ней придраться не могла бы». Однако Краевский посоветовал поэту внести дополнительные исправления и написать примечания, объясняющие появление этого произведения, связанного с политическими событиями не столь далекого прошлого России. Некрасов вынужден был прислушаться к мнению редактора. Он отвечал Краевскому: «Заметками воспользуюсь. Особенно —

Прощенье *царь* дарует вам.

Без *царя* лучше. Примечание написал». В журнальной корректуре Некрасов изменил стихи, в которых упоминался царь. Появились цензурные варианты: *«Прощенье обещаем вам!»*, *«Падите ниц челом»* вместо: *«Падите пред царем»*, *«Раздалось грозное: «Па-ли!»*, вместо: *«Сам царь скомандовал: «па-ли!..»* и др. В строках: *«И ты... о город роковой! Гнездо царей... прощай!» «Гнездо царей»* Некрасов изменил на *«Гнездо всех бед»*, но такая переделка не удовлетворила редактора, и в печатном тексте появилось: *«Господь с тобой... прощай!»* Строка: *«Не тронешь палача»* была заменена строкой точек и т. д. Особенно пострадали диалоги Трубецкой и губернатора — реплики героини были значительно сокращены и смягчены. Подстрочное авторское примечание к первой публикации было следующим: «С издания манифеста Александра II от 26 августа 1856 года в нашей литературе начали появляться время от времени (а в последние годы и довольно часто) материалы для изучения эпохи, к которой относится настоящий рассказ. Перечитывая эти материалы, автор постоянно с любовию останавливался на роли, выпавшей тогда на долю женщин и выполненной ими с изумительной твердостью. Если на самое событие можно смотреть с разных точек зрения, то нельзя не согласиться, что самоотвержение, выказанное ими, останется навсегда свидетельством великих душевных сил, присущих русской женщине, и есть прямое достояние поэзии. Вот причина, побудившая автора приняться за труд, часть которого представляется теперь публике. Хотя минуло уже почти полвека со времени события, однако автор счел за лучшее вовсе не касаться его политической стороны,— да это и не входило в пределы задачи, как увидит читатель. Точки вместо некоторых строф поставлены самим автором, по его личным соображениям. Авт<ор>». Все цензурные искажения были устранены только в изданиях советского времени. Предвидя сложности прохождения поэмы через цензуру, Некрасов послал ее на просмотр члену Совета Главного управления по делам печати В. М. Лазаревскому, с которым поддерживал хорошие отношения, и в сопроводительном письме как бы подсказал аргументы в защиту произведения: «Я побаиваюсь за сцену на площади,— писал Некрасов,— но прошло 50 лет! да и все это есть у Корфа, которого книги во многих тысячах экземпляров в руках у публики,— картинка чисто внешняя, не гнущая мысль читателя ни в которую сторону». Уже в этом письме Некрасовым назван один из источников «Русских женщин» — книга М. А. Корфа «Восшествие на престол императора Николая I-го». Безусловно, Некрасову были известны официаль-

ные публикации 1825—1826 гг., «Записки декабриста» барона А. Е. Розена (Лейпциг, 1870), работа С. В. Максимова «Сибирь и каторга», печатавшаяся в «Отечественных Записках», и др. Особенно близки в поэме к тексту «Записок» Розена сцены восстания на Сенатской площади и встречи кн. Трубецкой с иркутским губернатором.

Некрасов стремился к предельной исторической достоверности. Однако «Русские женщины» не хроника событий. Так, прощание кн. Трубецкой с отцом перед отъездом ее в Сибирь — вымышленно. Отца героини в это время уже не было в живых. Объясняя неточность в письме к М. С. Волконскому, Некрасов писал: «...эта неверность чисто внешняя, не имеющая важности в подобном произведении. Для меня важно, чтобы не было неверности существенной». Но, кроме верности «существенной», в поэме была и другая верность — эпохе народнического движения. Идеи поэмы были созвучны идеям революционной борьбы некрасовского времени. В образах декабристок читатель ощущал преемственность поколений в русском освободительном движении, узнавал лучшие черты молодежи 1860—1870-х гг., ее готовности к подвигу во имя народа. В этой связи неслучайна авторская замена первоначального заглавия «Декабристки» на более широкое — «Русские женщины», не только обобщающее реальные образы героинь поэмы Некрасова, но и сближающее их с современниками поэта.

Трубецкая Екатерина Ивановна (урожденная графиня Лаваль) — жена князя Сергея Петровича Трубецкого. Трубецкой, полковник гвардии, участник Отечественной войны 1812 г., один из организаторов первых тайных обществ, впоследствии вошел в число руководителей Северного общества. За участие в восстании 14 декабря приговорен к смертной казни, замененной бессрочными каторжными работами. Трубецкая последовала за ним в ссылку. Умерла в Сибири в 1853 г. Часть первая. *И эту площадь* и т. д. Сенатская площадь в Петербурге с памятником Петру I (Медный всадник), место восстания декабристов. Дом Лаваля, где выросла Е. Трубецкая, находился поблизости. *А ты будь проклят, мрачный дом.* Императорский дворец в Петербурге (Зимний дворец). *Та рука* и т. д. Речь идет о Николае I. *Перед подъездом львы.* Особняк Лаваля на Английской набережной в Петербурге (ныне Набережная Красного флота, 4). *Плюмаж* — украшение из перьев на головном уборе. *Ватикан* — своеобразное государство на территории Рима, резиденция главы католической церкви — папы римского. Ватиканские музеи, сокровищницы мирового искусства, открыты для публики. *Зонтообразных пинн. Пиния* — итальянская сосна. *Песком // Посыпанный листок.* Песок употреблялся для того, чтобы скорее высыхали чернила. *Знакомый с бурями француз, // Столичный куафер.* Куафер — парикмахер. Знакомый с бурями — намек на Французскую революцию 1789—1793 гг. *Какой-то бравый генерал.* Генерал М. А. Милорадович, подъехав к восставшим, пытался уговорить их вернуться в казармы. Был смертельно ранен П. Г. Каховским. *Убили и того.* Восставшими был убит и полковник Н. К. Стюрлер. *Явился сам митрополит.* Петербургский митрополит Серафим попытался призвать восставших солдат к покаянию. Часть вторая. *Бригадир* — воинский чин в России XVIII — начала XIX в. По табели о рангах — промежуточный между полковником и генерал-майором. *Варнаки* — бывшие

каторжники. *Вы отреченье подписать // Должны от ваших прав!* Жены декабристов должны были в Иркутске подписать официальный документ, лишавший их всех гражданских прав. М. Н. Волконская так излагала первый параграф этого документа: «Жена, следуя за своим мужем и продолжая с ним супружескую связь, сделается естественно причастной его судьбе и потеряет прежнее звание, т. е. будет признаваема не иначе, как женою ссыльно-каторжного, и с тем вместе принимает на себя переносить все, что такое состояние может иметь тягостного, ибо и начальство не в состоянии будет защитить ее от ежечасных могущих быть оскорблений людей самого развратного, презрительного класса, которые найдут в том как будто некоторое право считать жену государственного преступника, несущую равную с ним участь, себе подобною: оскорбления сии могут быть даже насильственные. Закоренелым злодеям не страшны наказания».

Княгиня М. Н. Волконская. Впервые — «Отечественные Записки», 1873, № 1, с. 213—250, с цензурными искажениями. Строка *«Готовя войска к низвержению властей»* была заменена на *«Готовя несчастье отчизне своей»*, а строка *«Попы у харчевни дерутся»* на *«Продрогшие куры дерутся»*. Известно, что номер журнала Некрасов послал А. Н. Пыпину и собственноручно «вставил почти все, что побоялся напечатать». Но этот экземпляр журнала утрачен. Так же, как и «Княгиня Трубецкая», вторая часть «Русских женщин» основывается на многих исторических источниках. Самым важным из них были «Записки» М. Н. Волконской. Их оригинал хранился у сына декабриста М. С. Волконского. «Записки» были опубликованы только в 1904 г. С рукописью мемуаров поэт познакомился у М. С. Волконского, с которым был дружен. Волконский три вечера подряд читал Некрасову «Записки» своей матери, с листа переводя французский текст. Поэт во время чтения делал заметки, отмечая факты, существенные для будущего повествования. Как вспоминает М. С. Волконский, ему не раз приходилось прерывать чтение, потому что над некоторыми страницами Некрасов «плакал, как ребенок». Перед публикацией поэмы Некрасов ознакомил Волконского с ее текстом. Тот сделал несколько замечаний, просил исключить некоторые эпизоды. Некрасов учел те из замечаний Волконского, в которых он рекомендовал исключить места, носившие «интимный характер» (например, сцену родов). Однако замечания, противоречившие идейному и художественному замыслу поэмы, Некрасов не принял. Так, встреча Волконской с мужем на каторге в действительности произошла в тюрьме, а не в рудничной шахте, как в поэме. Некрасов писал Волконскому: «Не все ли вам равно, с кем встретилась там княгиня: с мужем ли или с дядею Давыдовым; они оба работали под землей, а эта встреча у меня так красиво выходит». По выходе из печати поэма была с большим интересом встречена русской общественностью. Рецензент газеты «Новости» отметил, что в «бедной истинно художественными произведениями» литературе тех лет «Русские женщины» «составляют эпоху». Даже противники поэзии Некрасова вынужденно признавали силу поэтического выражения гражданских мотивов. Аристократические круги, особенно люди, родственно близкие декабристам, протестовали против неправомерной, по их мнению, демократизации образов Трубецкой и Волконской. Сестра Волкон-

ской С. Н. Раевская была возмущена: «Рассказ, который он вкладывает в уста моей сестры, был бы вполне уместен в устах какой-нибудь мужички. В нем нет ни благородства, ни знания той роли, которую он заставляет ее играть». Ф. М. Достоевский, высоко оценивший нравственную сторону подвига декабристок («...всем пожертвовали для высочайшего нравственного долга...»), не принял гражданской направленности поэмы. Революционно-демократический, разночинный читатель восторженно встретил произведение именно потому, что образы декабристок оказались созвучными представлениям о героической молодежи 1860—1870 гг. Наиболее точно оценку этого лагеря выразил в статье, посвященной «Русским женщинам», критик, сторонник народнического лагеря А. М. Скабичевский. «Героини его мыслят, говорят и действуют совершенно подобно тому, как бы стали мыслить, говорить и действовать лучшие и образованнейшие женщины того же круга в наше время. А между тем в поэмах представляется прошлое, отстоящее от нашего времени на целое полстолетие». Некрасов предполагал написать третью часть поэмы, героиней которой должна была стать Александра Григорьевна Муравьева, жена декабриста Н. М. Муравьева, умершая в Сибири. Сохранился план этой части, в котором кратко обозначено содержание девяти глав. По свидетельству самого Некрасова, это продолжение могло быть произведением другого жанра. 5 мая 1873 г. Некрасов писал А. Н. Островскому: «Следующая вещь из этого мира у меня укладывается... в драму. Боюсь и, может быть, обойду эту форму». Замысел остался неосуществленным. Некрасов отчасти объяснил причины этого: «1) цензурное пугало, повелевающее касаться предмета только сторонкой, 2) крайняя неподатливость русских аристократов на сообщение фактов, хотя бы и для такой цели, как моя, т. е. для прославления».

Волконская Мария Николаевна, княгиня (урожденная Раевская) — жена генерала Сергея Григорьевича Волконского, одного из руководителей Южного общества. С. Г. Волконский был приговорен к смертной казни, замененной бессрочной каторгой. Жена последовала за ним в Сибирь в 1827 г. Глава 1. *Чита.* До 1830 г. декабристы находились в читинском остроге. Глава 2. *Сергей и — бесчестное дело!* С. Г. Волконский был ложно обвинен в подделке печати на письме. Глава 3. *Катя Орлова* — Орлова Е. Н., урожденная Раевская, жена декабриста М. Ф. Орлова. Глава 4. *Сестра Зинаида* — княгиня З. А. Волконская, урожденная Белосельская-Белозерская, родственница М. Н. Волконской по мужу; поэтесса, композитор, в ее московском салоне собирались известнейшие деятели русской культуры, постоянно бывали Пушкин, Баратынский, Веневитинов, Киреевский и др., посвящавшие ей свои произведения. *И Северной звали Коринной.* Коринна — героиня одноименного романа мадам де Сталь — блестящая поэтесса, путешествующая по Италии. *Одна ростопчинская шутка.* Ф. В. Ростопчин — государственный деятель и литератор. По поводу восстания декабристов он острил в салонах Москвы: «Во Франции повара хотели попасть в князья, а здесь князья — попасть в повара». *Цугом* — см. прим. к стих. «Забытая деревня» (т. I). *Одоевский* А. И.— поэт-декабрист. *Вяземский* П. А.— поэт и критик. *Поэт вдохновенный и милый* — Д. В. Веневитинов. *Аюдаг* — гора на южном побережье Крыма. *Пушкина след в туземной*

ной легенде остался. Сведения по поводу легенды крымских татар о Пушкине Некрасов почерпнул из статьи Бартенева (см. авторское прим. к тексту). Дата публикации 5-го «Крымского письма» Е. Тур указана Бартеневым неверно, и эта ошибка повторена Некрасовым. Правильно: «1853 г., 29 сентября». *Но мир Долгорукой еще не забыл.* Н. Б. Долгорукая последовала в 1730 г. в сибирскую ссылку за мужем И. А. Долгоруким, а после его казни воспитывала детей; впоследствии постриглась в монахини. *А Бирона нет и в помине.* Э. Бирон — временщик в царствование Анны Иоанновны, деспотически пользовался неограниченной властью, жестоко подавлял всякие попытки сопротивления. По распоряжению Бирона Долгорукий был сослан в Сибирь. В параллели между Н. Б. Долгорукой и М. Н. Волконской прослеживается и параллель Бирон — Николай I. *Мне царь «Пугачева» писать поручил.* Некрасов ошибался. «История Пугачева» писалась Пушкиным без чьего-либо поручения. Глава 5. *Отец Иоанн, что молебен служил.* В записках Волконской упоминается иркутский священник, впоследствии — священник в месте ссылки декабристов — на Петровском заводе, но имя его было Петр. Глава 6. *Сергей Трубецкой, Артамон Муравьев, Борисовы, князь Оболенской* — имена декабристов, отправленных на каторгу в первой партии, в которой был и С. Г. Волконский.

Утро. Впервые — «Отечественные Записки», 1874, № 2, с. 379—380.

Чу! из крепости грянули пушки! Жители Петербурга оповещались выстрелами пушек в Петропавловской крепости об угрозе наводнения. *Первой степени Анна.* Орден св. Анны первой степени, один из высоких гражданских орденов в царской России.

Детство. Впервые — «Отечественные Записки», 1873, № 8, с. 523—526. По ритмике стихотворение необычно для Некрасова, это единственное произведение, написанное нерифмованным трехстопным дактилем с дактилическим окончанием.

Стихотворения, посвященные русским детям. Впервые: «Дядюшка Яков», «Пчелы», «Генерал Топтыгин» — «Отечественные Записки», 1868, № 2, с. 239—246, «Дедушка Мазай и зайцы» — «Отечественные Записки», 1871, № 1, с. 124—128, «Соловьи» — «Отечественные Записки», 1870, № 10, с. 444—446, «Накануне светлого праздника» — «Нашим детям. Иллюстрированный научно-литературный сборник», СПб., 1873, с. 260—264. Над циклом Некрасов работал в разные годы: 1867, 1870, 1873; первоначально и стихотворение «Железная дорога» имело подзаголовок: «Посвящается детям». Некрасов намеревался составить книгу стихотворений для детского чтения. Дядюшка Яков. *Каракова* — темно-гнедой масти. *«По грушу! по грушу!»* В рукописи на предлоге «по» Некрасов поставил ударение. Этот рефрен показывает, что, вероятно, дядюшка Яков принадлежал к так называемым «грушникам» — офеням, торговавшим с «воза». *Сбоина макова* — остатки семян, жмых, остающийся после выжимки мака. В сборнике Даля «Пословицы русского народа» приводится присловье, близкое некрасовскому: «Ой, избоины маковой, // Под окошками плакала, // На грош два кома...». Положено на музыку. Генерал Топтыгин. Существует множество фольклорных вариан-

тов этого сюжета. Однако костромские старожилы утверждают, что в некрасовское время в их губернии произошел такой случай, который был известен поэту. *Шкалик* — четверть литра водки. *Ладит вывернуть кольцо.* Ручным медведям, которых водили по деревням, продевали через губу кольцо для цепи. *Материк* — солидный. *Смотритель* — старший на почтовой станции, где проезжающие меняли лошадей. *Потехи ради* (архаич.), т. е. потехи рады. Дедушка Мазай и зайцы. По поводу этого стихотворения М. Е. Салтыков-Щедрин писал Некрасову 17 июля 1870 г.: «Стихи Ваши прелестны». *Малые Вежи* — деревня в Костромской губернии, близ которой Некрасов часто охотился. *Вода понимает* — заливает в половодье. *Пуделять* — давать промах при стрельбе. *Затравка* — скважина в стволе ружья, заряжаемого с дула, куда засыпают порох. Соловьи. Концовка стихотворения постоянно вызывала недовольство цензуры. «Муза Некрасова,— писал цензор Н. Е. Лебедев 19 октября 1870 г.,— отличающаяся гражданской скорбью о меньшой братии и старающаяся выставить напоказ больные места общественного строя, и в этом стихотворении не изменила себе... Здесь не отрицается обязательность податей и военной службы, но желательно было бы избежать сопоставления их с силками и сетями». При обсуждении в Совете Главного управления по делам печати X книжки «Отечественных Записок», где были напечатаны «Соловьи», председатель Совета М. Н. Лонгинов отметил, что это стихотворение, как и весь октябрьский номер, характеризует «вредное» направление журнала. *Кубарь* — см. прим. к стих. «Кумушки» (с. 377). Накануне светлого праздника. Сборник «Нашим детям» готовила и издавала детская писательница и общественная деятельница А. Н. Якоби. 25 февраля 1873 г. Некрасов писал ей о подготовляемом ею к печати сборнике: «Дело надо сделать не кое-как. Я нашел мое стихотворение, но оно в этом виде вовсе не годится в детский сборник. Я или напишу другое, или переделаю это. Через неделю непременно его получите, а может быть и ранее. В нем 3 страницы, и мне все равно, куда оно попадет, в начало или в конец». Неизвестно, переделал Некрасов старое стихотворение для сборника или написал новое. *Светлый праздник* — так называли Пасху, а всю пасхальную неделю — *Святой неделей.* Пасха всегда приходится на воскресенье, суббота накануне называется *страстной. Я ехал к Ростову.* Ростов Великий (Ярославский), расположенный на берегу озера Неро. *Ландкарта* — географическая карта.

Над чем мы смеемся... Впервые — «Отечественные Записки», 1874, № 5—6, с. 292. Работа над стихотворением была начата в первой половине 1860-х годов, в 1874 г. Некрасов коренным образом переработал его.

Три элегии. Впервые — «Складчина. Литературный сборник, составленный из трудов русских литераторов в пользу пострадавших от голода в Самарской губернии», СПб., 1874, с. 522—524. Название в корректуре: «Три идиллии». Посвящены А. Н. Плещееву, поэту, сотруднику «Современника», а затем — сотруднику и секретарю редакции «Отечественных Записок». Некрасову Плещеев посвятил несколько стихотворений: «Всем, застигнутым ненастьем...», «Пестрота и блеск и говор...» и др. 16 марта 1874 г. Некрасов читал эти стихи на вечере в пользу Литературного

фонда. Тогда цикл носил название: «Любовь и злость». Элегии навеяны воспоминаниями об отношениях с А. Я. Панаевой, с которой поэт расстался в 1863 г. «Бьется сердце беспокойное...» положено на музыку С. И. Танеевым, «Разбиты все привязанности...» — Ц. А. Кюи и др.

Страшный год. Впервые — сборник «Братская помочь пострадавшим семействам Боснии и Герцеговины». СПб., 1876, с. 73—74. Отклик на франко-прусскую войну (1870) и поражение Парижской коммуны (1871). В этом стихотворении и в «Смолкли честные, доблестно павшие...» (первоначальные наброски стихотворений — на одной странице) отразились также впечатления от знакомства поэта со сборником В. Гюго «L'année terrible». Его заглавие повторено как заглавие комментируемого произведения. Некрасов познакомился с этим сборником стихотворений Гюго при помощи своей сестры А. А. Буткевич летом 1872 г. Опубликовать «Страшный год» в «Отечественных Записках» не представлялось возможным. То, что стихотворение появилось в сборнике «Братская помочь» в преддверии русско-турецкой войны, придало произведению иной смысл. Оно воспринималось как предвестие «проклятой резни», «торжества картечи и штыков» на Балканах.

«Смолкли честные, доблестно павшие...». Впервые — в нелегальной газете «Земля и воля», 1879, № 5, 8 апреля, с. 5, с указанием: «посвящается подсудимым процесса 50». Неоднократно перепечатывалось в нелегальных изданиях. Впервые в легальной печати: газета «Волжский вестник», Казань, 1905, № 4, 11 ноября, с. 2, как «ненапечатанное стихотворение Некрасова». Первые наброски были сделаны в 1872 г. и озаглавлены: «Современная Франция». Завершение работы относится к 1874 г. Как и стихотворение «Страшный год», «Смолкли честные...» является откликом на поражение Парижской коммуны и расправу с коммунарами. Известно, что в 1877 г. Некрасов предпринял безуспешную попытку опубликовать стихотворение в «Отечественных Записках». Даже после смерти поэта в 1878 г. цензура не пропустила его в печать. Весной 1877 г. в Петербурге состоялся суд над революционерами-народниками, «процесс пятидесяти». Через адвокатов и родственников подсудимых Некрасов передал двоим из них — Л. Фигнер и П. Алексееву — это стихотворение. Тогда же смертельно больной поэт подарил «Смолкли честные, доблестно павшие...» делегации студентов, посетившей его. Таким образом стихотворение было как бы переадресовано событиям второй половины 1870-х гг. и передовой русской молодежи.

Уныние. Впервые — «Отечественные Записки», 1875, № 1, с. 5—10, с сокращением и переделкой пятой строфы и пропуском 6 и 7 строф, вероятно, по цензурным причинам. Некрасов долго работал над отделкой стихотворения в рукописи и после первой публикации. Как результат размышлений поэта о сути творческого процесса появилась запись на полях белового автографа «Уныния», впоследствии зачеркнутая: «Сравнение — поэзия, картина — поэзия, событие может быть поэтично, природа — поэзия, чувство — поэзия, а мысль — всегда проза, как плод анализа, изучения, холодного размышления, но не следует ли из этого, что

поэзия должна обходиться без мысли? Дело в том, что эта мысль-проза в то же время сила, жизнь, без которых собственно и нет истинной поэзии. И вот из гармонического сочетания этой мысли-прозы с поэзией — и выходит настоящая поэзия, способная удовлетворить взрослого человека, — и в этом задача поэта».

Сгорело ты, гнездо моих отцов! Пожар в Грешневе уничтожил господский дом. В автобиографических записках 1877 г. Некрасов писал: «Самый дом... недавно сгорел, говорят, в ясную погоду при тихом ветре, так что липы, посаженные моей матерью в 6-ти шагах от балкона, только закоптились среди белого дня. «Ведра воды не было вылито», — сказала мне одна баба! «Воля божия», — сказал на вопрос мой кр<естьянин> не без добродушной усмешки». Незадолго до этого та же тема возникала в черновых набросках к главе «Крестьянка» поэмы «Кому на Руси жить хорошо»:

> То был пожар особенный:
> Ведра воды не вылито
> Никем на весь пожар!...
> И было так безветренно,
> Что дым над этим зданием
> Стоял прямым столбом.
>
> Сошлися как в театр...
>
> Какая-то игривая
> Усмешка чуть заметная
> У каждого в очах...

Не чувствовать над мыслью молотка и т. д. Имеется в виду цензура. *Кружится рыболов* — чайка. *Атава* — трава, выросшая сразу после скошенной. *Стожар* — шест, воткнутый в середину стога.

Путешественник. Впервые — «Заветы», 1913, № 6, с. 30—31. В день написания «Путешественника» Некрасов писал А. М. Скабичевскому: «При сем стихи, вдохновленные новейшими событиями. Хорошо бы их напечатать, а еще лучше не печатать. Прочтите их и передайте Плещееву. Не надо их списывать и распространять. Я их со временем вклею в свою книгу, а если они походят по рукам, как опасный товар, тогда пропадут». Стихотворение написано под впечатлением от процесса А. В. Долгушина, основавшего в Петербурге народнический кружок, члены которого распространяли в деревнях пропагандистскую литературу, однако не получили поддержки со стороны крестьян.

В городе волки по улицам бродят и т. д. Первые две строфы передают атмосферу правительственного террора, наступившего в стране в середине 1870-х гг. *Прусский барон* — такой герой-повествователь встречается у Некрасова не однажды (см. стих. «Отрывки из путевых записок графа Гаранского» и прим. к нему). *Жандар* — жандарм.

Отъезжающему. Впервые — «Отечественные Записки», 1878, № 1, с. 309, с цензурной купюрой; печаталось: *«А на втором...»* Стихотворение написано на отъезд Тургенева за границу после кратковременного пребывания в России (с конца апреля по 20 июля 1874 г.).

Ведро — ясная погода, здесь: благоприятные обстоятельства. *Друг моей юности (ныне мой враг)!* Разрыв с Тургеневым произошел в 1860 г. (См. прим. к стих. «...одинокий, потерянный...», т. 1).

Горе старого Наума. Впервые — «Отечественные Записки», 1876, № 3, с. 51—60, с цензурными изъятиями (гл. 3, кроме первого стиха, и первые две строфы гл. 5).

Старый Наум. По словам земляков Некрасова, в образе Наума поэт вывел местного богача Понизовкина. *Бабайский монастырь.* Монастырь Николы Бабайского находился на Волге, против села Грешнево. *Перекат* — мель на реке. *Паузиться* — перегружать груз на небольшое плоскодонное судно — паузок, что делалось на реках при летнем спаде воды. *Личные сапоги* — кожаные сапоги, шившиеся мехом наружу. *Чуйка* — верхняя мужская одежда типа кафтана, преимущественный костюм купцов. *«Смоленая головка»* — бутылка водки. Казенная водка запечатывалась сургучом. *Поленика* — ягода, по виду напоминающая ежевику.

Элегия. Впервые — «Отечественные Записки», 1875, № 2, с. 495—496, с цензурной купюрой: печаталось — *«Влачатся в нищете...........»*, следующий стих был заменен строкой точек. Посвящено А. Н. Еракову (см. о нем прим. к стих. «Недавнее время», с. 398). 29 августа 1874 г. поэт писал Еракову из Чудовской Луки: «Посылаю тебе стихи; так как это самые мои задушевные и любимые из написанных мною в последние годы, то и посвящаю их тебе, самому дорогому моему другу. Одна просьба — не давай их никому списывать, а читать можешь, коли они тебе понравятся, кому угодно». Начало стихотворения полемично по отношению к одному из высказываний о поэзии Некрасова О. Миллера, либерального историка литературы того времени: «То, что составляло его (Некрасова) любимую тему,— непосредственное описание страданий народа и вообще бедняков,— уже им исчерпано, не потому, чтобы подобная тема сама по себе когда-либо могла быть вполне исчерпана, а потому, что поэт наш стал как-то повторяться, когда принимается за эту тему». Первоначально зачин стихотворения был иным: Некрасов переложил в стихи одно из своих метких иронических замечаний из «Заметок о журналах» за октябрь 1855 г.: «Старо, не правда ли, печь хлебы из муки? Однако ж из песку, попробуй, испеки!» (В статье эта мысль была сформулирована так: «Очень однообразная вещь печь хлеб все из муки да из муки; он даже не всегда и удается,— однако ж никому не приходит в голову начать печь его из песку»). Стихотворение продолжает важную для русской поэзии тему — назначение поэта и перекликается с программными стихотворениями Пушкина «Эхо», «Я памятник себе воздвиг нерукотворный...», «Деревня»; *«Влачатся в нищете, покорствуя бичам...»* — реминисценция из последнего.

Пророк. Впервые — «Отечественные Записки», 1877, № 1, с. 280, без последней строфы, под заглавием: «Пророк (Из Барбье)». Подзаголовок вызван цензурными соображениями, в рукописях было: «Из Байрона», «Из Ларры». Вопрос о датировке стихотворения и его заглавии не решен окончательно. В экземпляре сб. «Последние песни», подаренном И. Н. Кратскому, назва

ние «Пророк (Из Барбье)» зачеркнуто и рукою поэта вписано: «Памяти Чер<нышев>ского» (зачеркнуто) и «В воспоминание о Чер<нышев>ском». Сохранившиеся автографы датированы 1874 и 1875 г., но не установлено: это даты работы над произведением или написания беловых рукописей. Связь стихотворения с образом и судьбой Н. Г. Чернышевского несомненна, что давало основания некоторым исследователям предположительно датировать произведение началом 1860-х годов, временем ареста, заключения и ссылки Чернышевского. Но образ пророка в стихотворении Некрасова обобщенный, типизированный. По своей основной идее — прославление жертвенной борьбы за счастье народа — «Пророк» близок произведениям Некрасова 1870-х гг. Революционер-народник П. В. Григорьев (Безобразов) в своих воспоминаниях писал о том, что слышал это стихотворение в авторском исполнении. В приведенном им тексте «Пророка» последняя строка имела вид: «*Царям земли напомнить о Христе*». Использование библейской образности традиционно для русской свободолюбивой поэзии («Пророк» Пушкина, «Псалмы» Ф. Глинки и др.), особое распространение изображение революционера в облике Христа или пророка получило в поэзии 1870-х гг. («Иисус» Н. П. Огарева, «Рождение мессии» П. Л. Лаврова, «Пророк» Г. А. Мачтета и мн. др.).

Поэту (Памяти Шиллера). Впервые — «Отечественные Записки», 1874, № 9, с. 231—232, без подзаголовка, с цензурным пропуском строки: «*Провозгласил героем палача...*», с двумя дополнительными строфами, позднее Некрасовым исключенными. По требованию цензуры был изменен также первый стих четвертой строфы, печаталось: «*Воспрянь поэт! вооружись громами!*» Стихотворение написано к 115 годовщине со дня рождения Шиллера. Некрасов любил стихи немецкого поэта. В этом стихотворении отозвались мотивы шиллеровских стихов, таких, как: «Der Künstler» («Художник») и «Die Sänger der Vorwelt» («Певцы минувшего»). Перекликается оно и с рецензией Н. Г. Чернышевского на русское издание произведений Шиллера 1856 г. Высокая оценка Шиллера как художника выразилась у Некрасова и в том, что одно из своих программных стихотворений он озаглавил: «Подражание Шиллеру».

Ночлеги. Впервые — «Отечественные Записки», 1874, № 11, с. 81—190. 1. На постоялом дворе. Первоначальное название в рукописи: «Новый барин». *Дворник* — здесь: содержатель постоялого двора. *Покров* — церковный праздник Покрова Богородицы, приходится на 1 октября. 2. На погорелом месте. Первоначальные названия в рукописи: «Погорелое место», «Гари». 3. У Трофима. Название в рукописи: «Ночью». *Посредник.* Мировой посредник — после отмены крепостного права местный уполномоченный из дворян для разрешения земельных споров между крестьянами и помещиками. *Трусу праздновать* — робеть, трусить.

«Скоро стану добычею тленья...». Впервые — «Отечественные Записки», 1877, № 1, с. 281. П. И. Вейнберг вспоминал, что больной Некрасов просил его рассказать о предсмертной болезни Гейне. Когда Вейнберг упомянул о том, что Гейне находил ужасным не смерть, а умирание, Некрасов воскликнул: «Уди-

вительно! Да ведь это почти слово в слово мой стих, недавно написанный: «Хорошо умереть, тяжело умирать»... Удивительно!» В адресе студенческой молодежи смертельно больному поэту о книге Некрасова «Последние песни», куда вошло это стихотворение, говорилось: «Прочли мы твои «Последние песни», дорогой наш, любимый Николай Алексеевич, и защемило у нас сердце: тяжело было читать про твои страдания, невмоготу услышать твое сомнение: «Да и некому будет жалеть». Себялюбив, правда, тот род, которому ты лирой своей не стяжал блеска, и не он тебя пожалеет. Темен народ наш и не скоро еще узнает тебя. Но зачем же забыл ты нас, учащуюся русскую молодежь? Много, правда, темных сторон найдешь ты в нас, но несем мы в сердцах могучую, святую любовь к народу, ту любовь, что уж многим стоила свободы и жизни. Мы пожалеем тебя, любимый наш, дорогой певец народа, певец его горя и страданий; мы пожалеем того, кто зажигал в нас эту могучую любовь к народу и воспламенял ненавистью к его притеснителям. Из уст в уста передавая дорогие нам имена, не забудем мы и твоего имени и вручим его исцеленному и прозревшему народу, чтобы знал он и того, чьих много добрых семян упало на почву народного счастья. Знай же, что ты не одинок, что взлелеет и взрастит семена эти всей душой тебя любящая, учащаяся молодежь русская».

Т. Царькова

СОДЕРЖАНИЕ

СТИХОТВОРЕНИЯ И ПОЭМЫ

1861—1874

Н. А. НЕКРАСОВ

Собрание сочинений
в четырех томах

Том II

Редактор тома
Л. Краснюк

Оформление художника
Д. Б. Шимилиса

Технический редактор
А. И. Шагарина

Сдано в набор 06.07.79. Подписано к печати 17.10.79.
Формат 84×108[1]/32. Бумага типографская № 1.
Гарнитура «Академическая». Печать высокая.
Усл. печ. л. 22,26. Уч.-изд. л. 22,59. Тираж 600 000 экз.
Изд. № 2566. Зак. 1045. Цена 1 р. 40 к.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции
типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина.
125865. Москва, А-137, ГСП, ул. «Правды», 24.

Индекс 70683